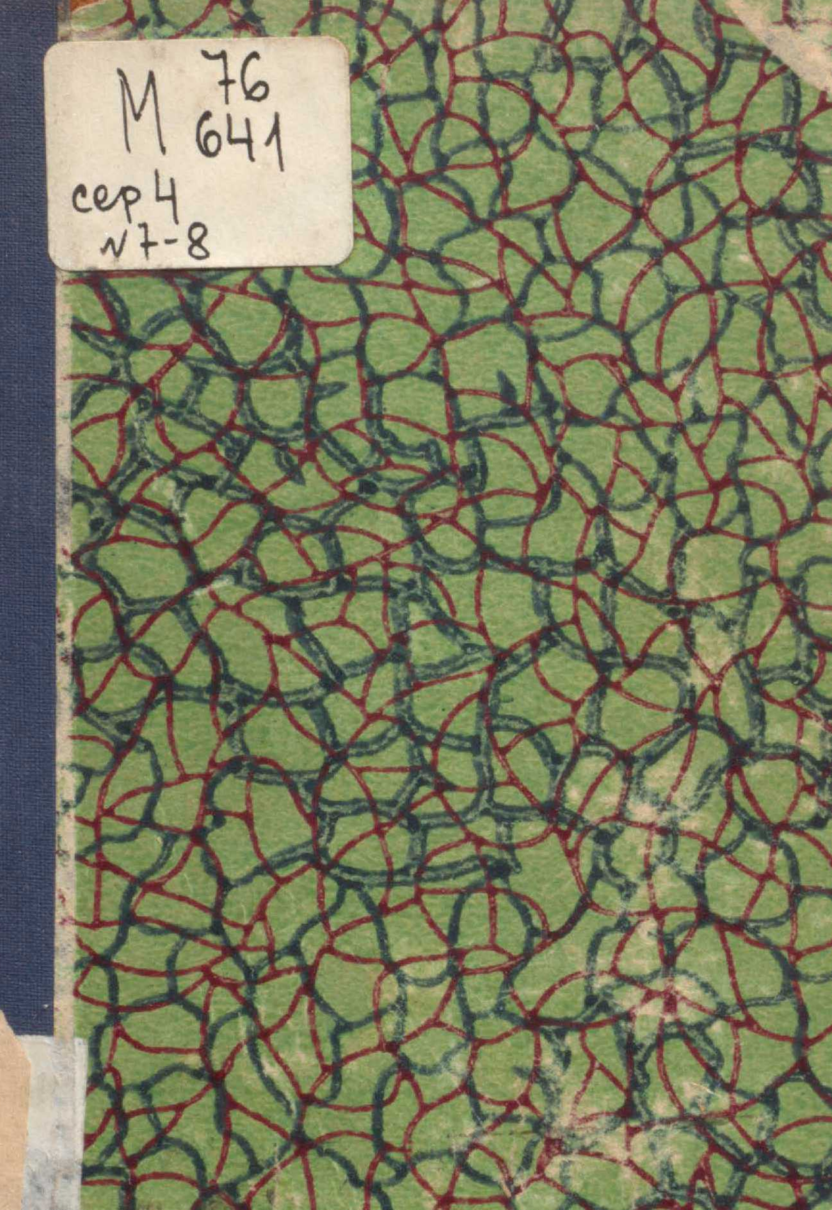
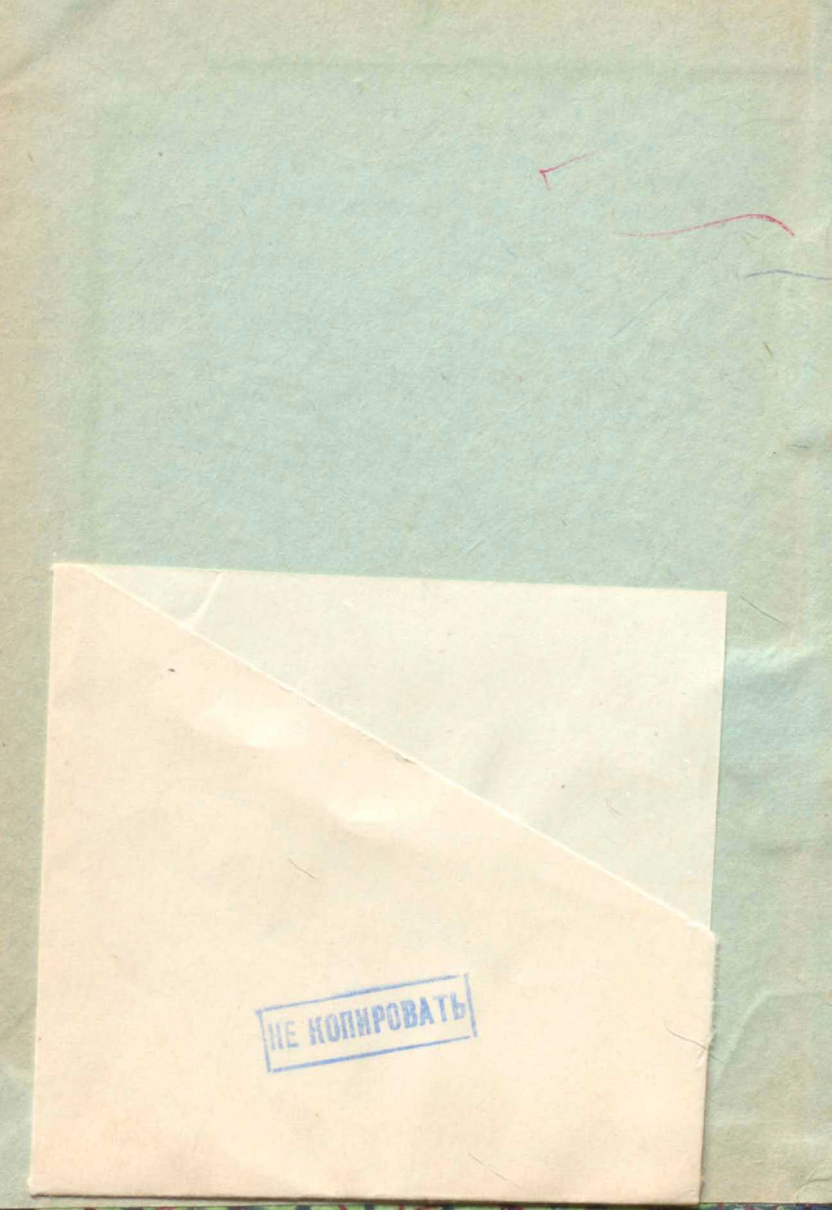

M 76
641
сер 4
№7-8

НЕ КОПИРОВАТЬ

Изданіе О. Н. Поповой.

Образовательная библіотека.

Серія IV №№ 7 и 8.

Т. Липпсъ.

проф. Мюнхенскаго университета.

ОСНОВЫ ЛОГИКИ.

переводъ съ нѣмецкаго

Н. О. Лосскаго,

приватъ-доцента СПБ. университета.

Издательство
О. Н. Поповой.
Невскій, 54

С.-Петербургъ.
1902.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Изданіе выходитъ серіями, заключающими каждая 10 книжекъ отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати. Общее руководство изданіемъ со второй серіи взялъ на себя **П. Б. Струве.**

СЕРІЯ ПЕРВАЯ:

№ 1 и 2. **Э. Клоддъ. Картина міра. Дѣтство человѣчества Піонеры эволюціи XIX в.** Съ 93 рис. Ц. 1 р.

№ 3. **Д. Чемберсъ. Повѣсть о звѣздахъ.** 20 рис. и 2 карт. всего звѣзднаго неба. Ц. 40 к.

Учен. Комит. М. Нар. Просв. рекомендована для ученич библ. (старш. и средн. возр.) средн. учебн. завед., мужск. и женск., и для безплатн. народ. библіот. и читаленъ.

№ 4 и 5. **Н. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ.** Ц. 1 р. 20 к.

№ 6 и 7. **А. Лампа. Силы природы и естественные законы** Съ портретами знаменит. физиковъ. Двѣ части. Ц. по 50 к. за часть.

Учен. К. М. Н. Пр. признана заслуживающей **особой рекомендаціи** для фундам. и ученич., старш. возр., библ. мужск. гимназій и реальн. училищъ, для фунд. библ. женск. гимн. и учит. инст. и семин., а также для безпл. народ. библ. и читаленъ.

№ 8 и 9. **И. Сѣченовъ. Физіологическіе очерки.** Съ 116 рис. Ц. за 2 части 1 р. 50 к.

№ 10. **Кроненбергъ. Философія Канта и ея значенія въ исторіи развитія мысли.** Съ портретомъ Канта Ц. 40 к.

СЕРІЯ ВТОРАЯ:

№ 1. **Чемберсъ. Солнечная система.** Пер. съ англ. Щиглевой подъ ред. Н. Березина. 78 рис. Спб. Ц. 40 к.

№ 2. **Парвусъ. Міровой рынокъ и сельско-хозяйственный кризисъ.** Экономическіе очерки. Пер. съ нѣм. Л. Я. Спб. 40 к.

№ 3 и 4. **Ланглуа и Сеньобосъ. Введеніе въ изученіе исторіи.** Пер. съ франц. А. Серебряковой. Спб. Ц. 1 р

№ 5. **В. Болинъ,** проф. Гельсингоф. универс. **Спиноза.** Біографич. и культурно-историч. очеркъ. Пер. съ нѣм. З. Н. Журавской и Д. Б. Страндена. подъ ред. П. Струве. Спб. Ц. 60 к.

№ 6. **Г. Гиггсъ. Физіократы.** Французскіе экономисты XVIII вѣка. Пер. съ англ. О. Ю. Гофманъ подъ ред. П. Струве. Спб Ц. 40 к.

№ 7. **Ю. Мильталеръ. Что такое красота?** Введеніе въ эстетику. Пер. съ нѣм. З. А. Венгеровой. Спб. Ц. 40 к.

№ 8. **Рисъ-Дэвисъ. Будизмъ.** Пер. съ англ. О. П. Семеновой, под. ред. проф. С. Ф. Ольденбурга. Спб. Ц. 40 к.

№ 9 и 10. **Гумпловичъ, Людвигъ. Основы соціологіи.** Пер. подъ ред. прив.-доц. В. М. Гессена. Спб. Ц. 1 р. 30 к.

Изданiе О. Н. Поповой.

Т. Липпсъ.

проф. Мюнхенскаго университета.

ОСНОВЫ ЛОГИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго

Н. О. Лосскаго,

приватъ-доцента СПБ. университета.

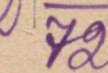

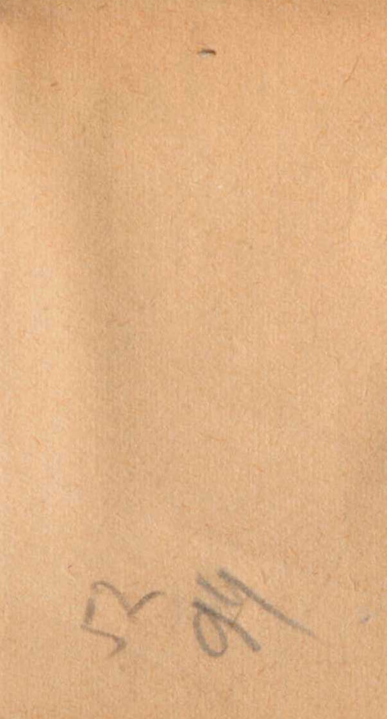

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство и книжный магазинъ О. Н. Поповой.
Невскiй, 54.
1902.

Дозволено цензурою 13-го февраля 1902 года. С.-Петербургъ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

52 94

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ V. Объективныя сужденія.

Отдѣлъ VI. Субъективныя сужденія.

Отдѣлъ VII. Понятіе.

Отдѣлъ VIII. Опытъ и законосообразности мышленія.

Отдѣлъ IX. Индукція и дедукція.

Отдѣлъ X. Силлогизмъ.

Отдѣлъ XI. Гипотетическія и раздѣлительныя умозаключенія.

Отдѣлъ XII. Знаніе, вѣроятность, вѣра.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Незначительная по объему книга, издаваемая мною, была вызвана первоначально желаніемъ дать слушателямъ моихъ лекцій краткое руководство по логикѣ. Въ концѣ концовъ, я вышелъ за предѣлы этой задачи, такъ какъ началъ обрабатывать свою книгу съ бо̀льшею обстоятельностью, чѣмъ это было бы необходимо для первоначальной цѣли. Въ настоящемъ видѣ эта книга могла бы быть полезною для всѣхъ, желающихъ оріентироваться въ основныхъ понятіяхъ логики, т.-е. начинающихъ размышлять объ основныхъ вопросахъ ея. Безъ такого самостоятельнаго размышленія усвоеніе логическихъ ученій не имѣетъ никакой цѣны. Кромѣ того, эта книга могла бы заслуживать вниманіе и такихъ лицъ, которыя посвящаютъ себя научной разработкѣ логики, или теоріи познанія.

Несмотря на расширеніе объема, первоначальный планъ книги не измѣнился. Каждое понятіе или мысль я изслѣдую въ краткихъ параграфахъ, соединенныхъ въ главы и отдѣлы, удобно обозрѣваемые, какъ я надѣюсь. Въ этихъ параграфахъ я даю важнѣйшія традиціонныя опредѣленія и все, что̀ мнѣ казалось относящимся къ числу основныхъ

вопросовъ, или элементовъ логики. Приводимые мною примѣры не многочисленны и тривіальны, соотвѣтственно цѣли логики, поучающей только въ области логическихъ, а не всевозможныхъ другихъ вопросовъ. Историческихъ изслѣдованій и полемики я вообще избѣгаю. Чужія мнѣнія, и то безъ указанія именъ, я упоминаю и опровергаю лишь постольку, поскольку этого требуютъ интересы дѣла.

Эта книга ограничивается лишь основными понятіями логики. При этомъ вдвойнѣ было необходимо изслѣдовать, прежде всего, спеціальныя основныя понятія логики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общія понятія, или «категоріи», относящіяся къ мышленію, слѣдовательно, къ предмету логики, и опредѣлить ихъ настоящій смыслъ. Въ изслѣдованіи мышленія было обращено вниманіе на то, чтобы мышленіе разсматривалось по возможности независимо отъ прикрывающихъ и затемняющихъ его словесныхъ формъ. Вѣдь строеніе человѣческаго тѣла изучается не путемъ наблюденія одѣтаго тѣла, наоборотъ, всякій знаетъ, что формы и складки одежды могутъ стать понятными лишь при знаніи тѣла. Лишь постольку, поскольку я старался выполнить эти двѣ указанныя мною задачи, я могъ надѣяться дать обоснованіе логики, наименѣе подвергаясь опасности имѣть дѣло вмѣсто логическихъ фактовъ съ фикціями и пустыми словами, замѣнять тавтологіями закономѣрности мышленія, упускать изъ виду существенныя различія между формами мышленія, сужденія и умозаключенія и описывать вмѣсто нихъ не существующія различія. Необходимость реформы логики давно уже при-

знана, и многія лица работаютъ надъ этимъ вопросомъ. Пусть и предлагаемая книга содѣйствуетъ этой задачѣ въ скромныхъ границахъ, намѣченныхъ ею.

Терминологія, принятая въ этой книгѣ, многимъ можетъ не понравиться. Однако въ этомъ отношеніи я наименѣе склоненъ съ кѣмъ бы то ни было вступать въ пререканія. Я охотно откажусь отъ нея въ пользу того, кто знаетъ лучшую терминологію и можетъ провести ее безъ противорѣчій. Противоположность «объективнаго» и «субъективнаго», вездѣ проводимая въ этой книгѣ, обусловлена природою вопроса. Вѣдь объективное и есть именно логическое.

Какія бы сужденія ни вызвало мое сочиненіе, въ особенности тамъ, гдѣ оно идетъ самостоятельнымъ путемъ, я прошу лишь помнить объ одномъ, что всякое слово этой книги основательно обдумано. Поэтому книга заслуживаетъ того, чтобы ее подобнымъ же образомъ читали и обсуждали.

Бреславль, 1893.

ОТДѢЛЪ I.

Введеніе.

Глава I. Задача логики.

1. Логика. Логика есть ученіе о формахъ и законахъ мышленія. Опредѣлять ее подробнѣе, какъ ученіе о нормативныхъ законахъ мышленія, или ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ правильно мыслить, не требуется, такъ какъ мы всегда правильно мыслимъ, поскольку мыслимъ. Еще болѣе ошибочно было бы, называя логику нормативною наукою, признавать противоположность между нею и науками о фактахъ. Вопросъ, что мы обязаны дѣлать, всегда сводится къ вопросу, что нужно сдѣлать, чтобы достигнуть какой-либо опредѣленной цѣли, а этотъ вопросъ въ свою очередь равносиленъ вопросу, какъ цѣль фактически достигается.

2. Логика, какъ теорія познанія. Мышленіе можетъ быть предварительно (ср. 9) опредѣлено, какъ дѣятельность духа, благодаря которой изъ данныхъ сознанія является знаніе. Знаніе не есть нѣчто лежащее внѣ мышленія: оно есть завершеніе мышленія. Нѣтъ никакихъ факторовъ и условій знанія, кромѣ законосообразности мышленія и предполагаемыхъ уже мышленіемъ предметовъ сознанія. Поэтому нѣтъ никакого изслѣдованія познанія, которое не было бы изслѣдованіемъ мышленія, нѣтъ теоріи познанія, которая не входила бы въ составъ логики, дѣйствительно выполняющей свою задачу.

3. Логика и психологія. Логика есть дисциплина психологическая, такъ какъ знаніе бываетъ лишь въ душѣ и мышле-

ніе, завершающееся знаніемъ, есть процессъ психическій. Если психологія, въ отличіе отъ логики, не обращаетъ вниманія на противоположность между знаніемъ и заблужденіемъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что психологія считаетъ однородными эти два психическія состоянія; это значитъ лишь, что она одинаково должна изслѣдовать оба эти процесса. Наоборотъ, мысль, что психологія поглощается логикою, конечно, никѣмъ не отстаивается. Именно тѣмъ, что логика есть особая дисциплина психологіи, оба эти понятія достаточно ясно разграничиваются.

4. Логика и грамматика. Утвержденіе, что мышленіе есть рѣчь, въ парадоксальной формѣ указываетъ на высокое значеніе рѣчи для мышленія. Однако въ этой фразѣ не можетъ заключаться утвержденіе, что мышленіе, какъ таковое, связано съ внѣшнею или внутреннею рѣчью (ср. 45). Какъ бы тамъ ни было, логика не имѣетъ права исходить изъ какого-либо недоказаннаго предположенія о формѣ и близости отношеній между мышленіемъ и рѣчью. Скорѣе одна изъ ея задачъ заключается въ томъ, чтобы показать, каково это отношеніе, въ какой степени слово и мысль, грамматическіе и логическіе элементы и формы соотвѣтствуютъ другъ другу. Но эту задачу она можетъ выполнить, лишь подвергнувъ сначала изслѣдованію мышленіе само по себѣ, чтобы затѣмъ соотвѣтственно результатамъ этого изслѣдованія опредѣлить логическую цѣнность элементовъ и формъ рѣчи. Попытки грамматической логики мнимо извлекать, безъ дальнихъ разсужденій, изъ формъ рѣчи логическія формы или просто отождествлять тѣ и другія не имѣютъ ничего общаго съ наукою.

Глава II. Знаніе и его исходный пунктъ.

5. Исходный пунктъ. Матеріаломъ для мышленія и знанія служатъ объекты сознанія, не какіе-нибудь опредѣленные,

а вообще объекты сознанія. Ихъ бытіе и свойства, независимо отъ вопроса, какъ они возникли, созданы ли они мною или существуютъ независимо отъ меня, составляютъ ли они предметъ фантазіи или воспріятія, сна или дѣйствительности, однимъ словомъ, простая наличность такихъ или иныхъ объектовъ безъ всякихъ побочныхъ мыслей о нихъ, есть нѣчто абсолютно достовѣрное и несомнѣнное. Эта достовѣрность не есть познанная (логическая) достовѣрность, такъ какъ о знаніи здѣсь еще нѣтъ рѣчи; эта несомнѣнность существуетъ не въ смыслѣ способности противостоять сомнѣнію, такъ какъ область сомнѣнія начинается впервые тогда, когда мы судимъ объ объектѣ. Достовѣрность, о которой здѣсь идетъ рѣчь, есть не что иное, какъ именно бытіе объектовъ для сознанія. Какъ логическою достовѣрностью, такъ и всякимъ сомнѣніемъ уже предполагается это существованіе. Существованіе и характеръ объектовъ сознанія, скажемъ мы лучше, есть нѣчто абсолютно „фактическое“.

6. Опытъ. Въ этомъ существованіи объектовъ сознанія и характерѣ ихъ бытія состоитъ „опытъ“, на которомъ основывается все знаніе. Опытъ въ этомъ самомъ общемъ смыслѣ есть всякое сознаніе о чемъ-либо. Если ограничить понятіе опыта воспріятіемъ, то тогда нельзя сказать, что всякое знаніе основывается на опытѣ или исходитъ изъ него.

7. Знаніе. Знаніе есть объективно необходимый порядокъ объектовъ сознанія, приведеніе ихъ въ объективно необходимую связь. Объективна та необходимость, которая связана съ самими объектами, или та, къ которой вынуждаютъ сами объекты. Ей противоположенъ субъективный произволъ представленія и упорядочиванія и всякій переходъ отъ представленія къ представленію или всякое сочетаніе представленій, обусловленные нашимъ вмѣшательствомъ въ представленіе объектовъ.

*

8. Истина, знаніе и т. д. Знаніе или объективно необходимый порядокъ предметовъ сознанія есть истина, или объективная достовѣрность (вещи); сознаніе о ней есть сознаніе истины, или наша субъективная увѣренность (относительно вещи). Объективно необходимый порядокъ не уничтожимъ; такъ какъ этого нельзя сказать въ полной мѣрѣ о нашемъ сознаніи объективной необходимости, то это сознаніе не заключаетъ въ себѣ вполнѣ дѣйствительной объективной необходимости или дѣйствительнаго знанія; для этого необходимо еще, чтобы обнаружилась его ненарушимость. При выполненіи этого условія сознаніе объективной необходимости становится знаніемъ; въ противномъ случаѣ оно есть простое мнѣніе.

9. Мышленіе. Соотвѣтственно данному опредѣленію сущности знанія, только та психическая дѣятельность можетъ приводить къ знанію, которая руководится принужденіемъ, заключающимся въ представляемыхъ объектахъ. Поэтому мышленіе можетъ быть теперь точнѣе обозначено, какъ объективно обусловленный процессъ представленія. „Объективное", или объективность, т.-е. обусловленность объектами, есть признакъ всего логическаго въ противоположность чисто психологическому.

10. Мышленіе, какъ дополненіе. Задача мышленія исчерпывалась бы приведеніемъ въ порядокъ непосредственно данныхъ и найденныхъ имъ предметовъ сознанія, если бы эти послѣдніе слагались въ рядъ, удовлетворяющій законамъ мышленія и заключающій въ себѣ объективно необходимую связь, свободную отъ противорѣчій. Въ дѣйствительности мы этого не находимъ. Скорѣе наоборотъ, поскольку мышленіе имѣетъ дѣло лишь съ непосредственно данными предметами сознанія, оно вездѣ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Это противорѣчіе разрѣшимо лишь въ томъ случаѣ, когда въ

дополненіе къ даннымъ объектамъ присоединяются объекты, не данные непосредственно. Мышленіе есть не только приведеніе въ порядокъ даннаго, но и примышленіе, выходъ за предѣлы непосредственныхъ фактовъ въ область того, что̀ должно быть присоединено ради этихъ фактовъ. Знаніе состоитъ въ построеніи міра, имѣющаго объективно необходимый порядокъ, не изъ непосредственно даннаго, а скорѣе для непосредственно даннаго и на основаніи его требованій. Оно есть умственное твореніе міра, въ который непосредственно данное можетъ быть включено съ сознаніемъ его необходимости.

Глава III. Начало и виды знанія.

11. Міръ и *я*. Міръ непосредственно даннаго распадается для нашего непосредственнаго сознанія соотвѣтственно своему характеру на два міра: на міръ объектовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и на *я*, или субъектъ; первый міръ сложенъ, состоитъ изъ частей, находящихся въ пространствѣ, и протяженъ, между тѣмъ какъ *я*, несмотря на различимыя въ немъ разнообразныя опредѣленія, есть нѣчто абсолютно единое, непротяженное и не занимающее мѣста. Элементами перваго міра служатъ чувственныя ощущенія, а содержаніемъ второго служатъ чувствованія удовольствія, неудовольствія, стремленія, короче—предметы непосредственнаго самочувствія. Здѣсь мы также еще не занимаемся различеніемъ между міромъ дѣйствительныхъ объектовъ и міромъ объектовъ, только представляемыхъ или существующихъ въ видѣ грезы. Говоря о *я*, мы имѣемъ въ виду лишь то *я*, которое непосредственно воспринимается нами внутренно, которое мы непосредственно чувствуемъ въ своей радости, страданіи, гордости, въ особенности въ актахъ стремленія и отвращенія, а не тѣлесное *я*, или реальный представляющій субъектъ.

12. Непосредственное сознаніе субъективности и объективности. Это *я* служитъ центральнымъ пунктомъ, къ которому представляются соотнесенными всѣ другіе объекты сознанія въ непосредственномъ сознаніи. Это отношеніе бываетъ двоякаго рода. Въ однихъ случаяхъ я сознаю, что бытіе объектовъ сознанія, ихъ возникновеніе, сочетаніе и раздѣленіе, ихъ сохраненіе и измѣненіе кажется мнѣ непосредственнымъ осуществленіемъ моей воли, я чувствую себя въ своемъ процессѣ представленія активнымъ, свободнымъ, дѣятельнымъ. Въ этомъ переживаемомъ мною явленіи заключается непосредственное сознаніе принадлежности объектовъ къ моему *я*, связанности ихъ со мною, зависимости отъ меня, короче—непосредственное „сознаніе субъективности". Въ другихъ случаяхъ я испытываю, что объекты сознанія противодѣйствуютъ желаемому процессу представленія, я чувствую себя стѣсненнымъ ими въ своемъ процессѣ представленія, связаннымъ, принуждаемымъ, несвободнымъ или пассивнымъ. Въ этомъ переживаемомъ мною явленіи заключается непосредственное сознаніе независимости отъ меня, самостоятельности въ отношеніи меня, короче—непосредственное „сознаніе объективности". Мы назвали эти два вида сознанія различными именами. Однако здѣсь слѣдуетъ подчеркнуть, что мы желаемъ обозначить ими только то, что непосредственно переживается всякимъ человѣкомъ въ каждый моментъ, и не дѣлаемъ еще никакой попытки истолкованія или объясненія этого явленія.

13. Значеніе сознанія субъективности и объективности для познанія. Указанныя двѣ формы опыта и заключающіяся въ нихъ различія предметовъ сознанія не составляютъ еще готоваго знанія, но всякое знаніе основывается на нихъ. Въ особенности непосредственное сознаніе объективности или сознаніе принужденія со стороны объек-

товъ не есть еще окончательное сознаніе объективной необходимости, къ которому сводится все знаніе; однако все знаніе, въ концѣ концовъ, основывается на этомъ сознаніи и его противоположности съ непосредственнымъ сознаніемъ чистой субъективности. Съ другой стороны, всякое сознаніе принадлежности къ моему *я* основывается на указанномъ непосредственномъ сознаніи субъективности и предполагаетъ его.

14. Двоякая форма сознанія субъективности и объективности. Объективная и субъективная дѣйствительность. Въ отношеніи сознанія объективности и субъективности нужно различать двѣ возможности. Въ однихъ случаяхъ объектъ или временно-пространственная связь объектовъ служитъ предметомъ одного или другого сознанія, какъ цѣлое; бытіе этого цѣлаго со всѣми его опредѣленіями кажется зависящимъ или не зависящимъ отъ меня, обусловленнымъ мною или самостоятельнымъ въ отношеніи меня. Въ другихъ же случаяхъ мнѣ представляется въ томъ или иномъ свѣтѣ только отношеніе между объектами или элементами объекта, ихъ сосуществованіе, присоединеніе или связь одного съ другимъ. Въ первомъ случаѣ мы называемъ сознаніе объективности или субъективности матеріальнымъ, а во второмъ—формальнымъ. Матеріальное сознаніе объективности тождественно съ непосредственнымъ сознаніемъ объективной дѣйствительности, а матеріальное сознаніе субъективности совпадаетъ съ непосредственнымъ сознаніемъ субъективной дѣйствительности предмета. Всѣ предметы нашего сознанія, какъ таковые, субъективно дѣйствительны, но не всѣ они представляются намъ первоначально, какъ таковые. Только тогда, когда они представляются такими, они становятся впервые и для насъ вообще предметами со-знанія.

15. Формальное знаніе. Различію между формальнымъ и матеріальнымъ сознаніемъ объективности соотвѣтствуютъ двѣ различныя формы нашего знанія, которыя мы будемъ обозначать этими же аттрибутами. Такимъ образомъ мы различаемъ формальное и матеріальное знаніе. Формальное знаніе есть въ своей основѣ чисто формальное сознаніе объективности, т.-е. оно заключается въ сознаніи того, что къ предмету сознанія, какъ таковому, совершенно независимо отъ того, представляется ли онъ объективно дѣйствительнымъ или нѣтъ, мы должны присоединить въ представленіи другой предметъ. Такимъ образомъ формальное знаніе есть не что иное, какъ сознаніе безусловной необходимости въ процессѣ представленія. Сюда относится, напр., все геометрическое познаніе. Усмотрѣніе того, что сумма двухъ сторонъ треугольника больше третьей стороны, заключается въ сознаніи, что треугольникъ можетъ быть представленъ только такимъ образомъ. Не только дѣйствительный, но и какой угодно существующій въ фантазіи треугольникъ вынуждаетъ меня представлять себѣ именно это, а не какое-либо иное отношеніе. Если даже представленіе треугольника и вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе его сторонъ и ихъ отношенія другъ къ другу кажутся мнѣ актомъ моего произвола, то все же въ сопутствующемъ этому процессу представленіи отношенія сторонъ, какъ только я мыслю треугольникъ, я чувствую себя абсолютно связаннымъ.

16. Матеріальное знаніе. Наоборотъ, особенность матеріальнаго познанія заключается въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ или предполагаетъ сознаніе объективной дѣйствительности своихъ предметовъ. Оно заключается въ сознаніи, что порядокъ (отношеніе) имѣетъ объективно необходимый характеръ, не абсолютно, а постольку, поскольку предметы познанія мыслятся, какъ объективно дѣйствительные. Сюда отно-

сится всякое знаніе о мірѣ вещей и всякое знаніе о собственномъ нашемъ душевномъ бытіи, всякое знаніе о *я*. Знаніе о томъ, что всѣ люди смертны, или необходимость мыслить всѣхъ людей смертными, не заключаетъ въ себѣ невозможности представлять себѣ людей иными, т.-е. безсмертными,—такой невозможности нѣтъ,—но для насъ невозможно такъ представлять себѣ действительныхъ людей, т.-е. представлять человѣка безсмертнымъ, не считая его въ то же время недѣйствительнымъ. Пріобрѣтенное въ опытѣ представленіе о смертныхъ людяхъ заключаетъ въ себѣ объективное принужденіе для меня. Поэтому попытка представлять человѣка безсмертнымъ кажется мнѣ актомъ произвола, которому противорѣчитъ сочетаніе представленій, сообразное опыту. Въ сознаніи этого противорѣчія заключается сознаніе недѣйствительности такихъ людей, представляемыхъ безсмертными.

17. Терминологія. Избранныя мною названія—„формальное“ и „матеріальное“ познаніе—оправдываются тѣмъ обстоятельствомъ, что первый видъ знанія даетъ отвѣтъ только на вопросъ, какъ объекты должны быть представляемы, тогда какъ матеріальное знаніе вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаетъ вопросъ о самихъ объектахъ или матеріалѣ познанія, напр., указываетъ, что только смертные люди для насъ объективно дѣйствительны. Эти два вида познанія могли бы быть различены, какъ идеальное, непосредственное познаніе въ представленіяхъ, съ одной стороны, и какъ реальное познаніе дѣйствительности, или трансцендентное познаніе, съ другой стороны. Такъ какъ первое знаніе относится равнодушно къ вопросу объ объективной дѣйствительности своихъ предметовъ, то оно имѣетъ характеръ „нейтральнаго“ познанія. Вторая форма знанія можетъ быть названа опытнымъ, или эмпирическимъ знаніемъ, если понятіе опыта ограничить воспріятіемъ

и воспоминаніемъ; въ самомъ дѣлѣ, всякимъ сознаніемъ объективной дѣйствительности предполагается воспріятіе или воспоминаніе. Въ свою очередь, въ противоположность этому эмпирическому познанію или знанію апостеріорному, формальное знаніе можетъ быть названо апріорнымъ, или независящимъ отъ опыта (ср. объ этомъ гл. XXX). Противоположность между формальнымъ и матеріальнымъ знаніемъ совпадаетъ, въ концѣ концовъ, по существу съ указанною Юмомъ противоположностью между знаніемъ отношенія представленій другъ къ другу и знаніемъ отношенія фактовъ другъ къ другу.

Глава IV. Ступени матеріальнаго познанія.

18. Общія соображенія. Раньше, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ логическихъ фактовъ, мы должны намѣтить ступени матеріальнаго познанія. Процессъ познанія вообще заключается въ послѣдовательномъ установленіи все болѣе совершенной, всесторонней и не заключающей въ себѣ пробѣловъ объективно необходимой связи. Въ природѣ матеріальнаго познанія заключается та особенность, что оно состоитъ въ постоянно совершенствующемся разграниченіи міра я и міра, не зависящаго отъ я. Это разграниченіе проходитъ различныя ступени, соотвѣтственно ступенямъ, которыя могутъ быть различены въ сознаніи объективной дѣйствительности. Прежде всего намѣчаются ступени объективной дѣйствительности, отличающіяся отъ субъективной дѣйствительности, о которой мы говорили раньше.

19. Первоначальное матеріальное познаніе. Элементомъ, или первою формою матеріальнаго познанія, служитъ простое сознаніе объективной дѣйствительности, какъ оно выражается въ простомъ актѣ вполнѣ неопредѣленнаго воспоминанія, состоящаго лишь въ томъ, что какой-то объектъ навязывается

мнѣ или существуетъ для меня, какъ нѣчто чуждое свободной игрѣ представленій, хотя онъ и не находится въ опредѣленной связи съ другими объектами, и я даже не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ его считать вспоминающимся образомъ фантазіи, или сновидѣніемъ, или пережитою дѣйствительностью. Поскольку этотъ объектъ по характеру своего возникновенія отличается отъ того, что̀ представляется вполнѣ субъективно дѣйствительнымъ, постольку уже и здѣсь не вполнѣ отсутствуетъ моментъ „порядка"; однако этотъ порядокъ совершенно не опредѣленъ.

20. Начало сознательной дѣятельности мышленія. Если даже объектъ воспоминанія данъ, какъ это предполагается здѣсь, на мгновеніе изолированнымъ, или ни съ чѣмъ не связаннымъ, то все же этотъ объектъ нѣкогда находился въ сознаніи съ другими объектами и могъ съ ними сочетаться. Это сочетаніе, или эта „ассоціація", начинаетъ теперь дѣйствовать. Дѣйствіе ея состоитъ въ томъ, что̀ мы называемъ исканіемъ связи, въ томъ, что̀ находитъ свое выраженіе въ вопросѣ, съ какимъ объектомъ мы имѣемъ дѣло, откуда онъ происходитъ, куда онъ относится. Въ этомъ исканіи состоитъ начало сознательной „дѣятельности" мышленія.

21. Начало познанія *я*. Результатъ этого мышленія можетъ быть двоякимъ. Соотвѣтственно этому познаніе направляется отсюда по двумъ различнымъ направленіямъ. Указанное мышленіе есть прежде всего „припоминаніе". Если оно не остается безуспѣшнымъ, то воспоминаніе совершенствуется. Если оно прежде всего совершенствуется въ смыслѣ возникновенія знанія, что объектъ былъ нѣкогда предметомъ моего свободнаго акта представленія или моей фантазіи, тогда уже на мѣсто простого сознанія объективной дѣйствительности вообще становится знаніе о *я*, хотя и неопредѣленное еще. То, что̀ кажется независящимъ отъ моего теперешняго *я* и въ этомъ

смыслѣ обладаетъ объективною дѣйствительностью, оказывается въ моемъ воспоминаніи связаннымъ съ моимъ прошлымъ *я* и въ этомъ смыслѣ тоже субъективно дѣйствительнымъ. Описанное знаніе о *я* есть вторая ступень сознанія субъективной дѣйствительности. Затѣмъ несовершенное воспоминаніе можетъ совершенствоваться все болѣе и болѣе и становится болѣе опредѣленнымъ знаніемъ о *я*. Тогда объектъ находитъ себѣ мѣсто въ болѣе или менѣе обширной связи субъективной дѣйствительности второй ступени.

22. Трасцендентное *я*. Однако эта связь остается несовершенною и запутываетъ мышленіе въ противорѣчіе съ самимъ собою, если въ дополненіе къ ней не примышляются элементы, не существующіе въ моемъ воспоминаніи и, слѣдовательно, по свидѣтельству памяти не существовавшіе. Здѣсь вступаетъ въ свои права указанная уже выше необходимость дополнять данныя непосредственнаго опыта. Теченіе моихъ представленій не можетъ быть свободнымъ отъ противорѣчій, если я не присоединю къ нимъ объединенную связь условій, которыя не были даны въ непосредственномъ опытѣ. Поскольку эта объединенная связь условій полагается въ основу „моему" процессу представленія, т.-е. *я*, которому принадлежитъ этотъ процессъ представленія, мы ее также обозначаемъ именемъ *я*, именно считаемъ реальнымъ *я*, трансцендентнымъ въ отношеніи непосредственнаго опыта. Принадлежность къ этому реальному *я* есть третья и послѣдняя ступень субъективной дѣйствительности. Реальное *я* обозначается различными именами, въ родѣ: представляющее существо, духъ, душа, личность, индивидуумъ. Объ отношеніи этого реальнаго *я* къ тѣлу здѣсь пока ничего не предполагается (ср. 29). Реальное *я* не дано непосредственно, а примышляется къ непосредственно данному, какъ условіе его мыслимости; точно такъ же и принадлежность къ нему не есть уже нѣчто непо-

средственно переживаемое или непосредственно данное въ опытѣ; она только мыслится. И то, и другое есть предметъ трансцендентнаго познанія.

23. Объективно дѣйствительный внѣшній міръ. Реальное *я* само для нашего сознанія принадлежитъ къ сферѣ объективно дѣйствительнаго міра, трансцендентнаго въ отношеніи нашего опыта. Къ этому міру инымъ путемъ ведутъ такія воспоминанія, объекты которыхъ не только противополагаются, какъ нѣчто чуждое, нашей теперешней игрѣ представленій, подобно всякому объекту воспоминанія вообще, но и кажутся независимыми даже отъ нашего *я*, какъ оно существуетъ въ нашемъ воспоминаніи. Еще болѣе первоначальнымъ путемъ ведетъ насъ къ этому міру чувственное воспріятіе, объекты котораго изначала являются вообще независимыми отъ игры нашихъ представленій. Воспріятія и эти—назовемъ ихъ „объективными“—воспоминанія составляютъ объективно дѣйствительный внѣшній міръ. Онъ и есть прежде всего міръ объективной дѣйствительности второй ступени; подъ нимъ мы разумѣемъ именно ту дѣйствительность, которая кажется вообще независимою отъ игры нашихъ представленій.

24. Трансцендентный внѣшній міръ. И эта независимость есть еще лишь непосредственно переживаемая въ сознаніи независимость объектовъ сознанія; она, говоря вообще, есть еще лишь способъ, какимъ объекты сознанія являются въ сознаніи. На этомъ однако не останавливается процессъ развитія объективной дѣйствительности. Именно отдѣленность отъ *я*, заключающаяся въ этой независимости, заставляетъ насъ привести въ связь разсматриваемые объекты самостоятельно, т.-е. отдѣльно отъ *я*. И это достигается опять-таки не безъ дополненій. Объекты воспріятія и „объективнаго“ воспоминанія не могутъ быть мыслимы существующими самостоятельно, если мы не заполнимъ мысленно про-

бѣлы между ними, т.-е. если мы не признаемъ существующими нѣкоторыя такія вещи, которыхъ не было въ нашемъ сознаніи. Такимъ образомъ мы создаемъ трансцендентную въ отношеніи сознанія связь объективной дѣйствительности. Этотъ трансцендентный міръ съ точки зрѣнія нашего сознанія лежитъ въ основѣ непосредственно данныхъ объектовъ сознанія.

25. Двоякое существованіе міра. Здѣсь остается однако еще одно противорѣчіе. Независимость объектовъ восприятія отъ *я* существуетъ и въ то же время не существуетъ. Существованіе этихъ объектовъ и ихъ свойства не произведены мною. Но, съ другой стороны, я могу произвольно уничтожить воспринимаемый объектъ, закрывая глаза, и опять вызвать его существованіе, открывая ихъ. Точно такъ же я могу обратить вниманіе на объектъ воспоминанія и опять отвлечь вниманіе отъ него, такъ что онъ то существуетъ, то исчезаетъ. На основаніи этихъ опытовъ объектъ, принадлежащій къ трансцендентной сферѣ міра, оказывается одновременно принадлежащимъ и къ связи субъективной дѣйствительности, а слѣдовательно, и къ трансцендентному *я*. Онъ существуетъ на основаніи первой связи и въ то же время имѣетъ основаніе своего бытія во второй связи. Это противорѣчіе заставляетъ насъ считать объекты воспріятія и объективнаго воспоминанія существующими вдвойнѣ, какъ составныя части и перваго, и второго міра. Поскольку они относятся къ трансцендентному міру, они суть нѣчто существующее „для себя" или „по себѣ"; поскольку они принадлежатъ представляющему субъекту, мы называемъ ихъ своими воспріятіями или представленіями, т.-е. продуктами воспринимающей или представляющей дѣятельности этого субъекта. Существующій самъ по себѣ объектъ существуетъ, поскольку трансцендентная міровая связь заставляетъ насъ мыслить его; наоборотъ, воспріятіе или вос-

поминаніе имѣетъ, правда, своимъ условіемъ объектъ, существующій самъ по себѣ, но оно возникаетъ впервые, благодаря указанной дѣятельности субъекта. На этой точкѣ зрѣнія впервые достигается высшая ступень объективной дѣйствительности. Теперь для насъ не только существуютъ объекты, являющіеся въ сознаніи чуждыми нашему *я*, но мы еще полагаемъ въ основу этихъ объектовъ, такъ какъ они являются намъ въ такомъ свѣтѣ, отличные отъ нихъ и отъ представляющаго субъекта въ нашемъ мышленіи различенные объекты. Объективная дѣйствительность этихъ объектовъ уже не переживается непосредственно, а, подобно дѣйствительности реальнаго субъекта, мыслится или познается на основаніи дѣятельности мышленія, выходящей за предѣлы непосредственно даннаго. Но, во всякомъ случаѣ, и это знаніе въ концѣ концовъ основывается на непосредственномъ сознаніи объективности.

26. Внѣшній и внутренній опытъ. Такъ какъ объекты воспріятія и объективнаго „воспоминанія“, съ одной стороны, имѣютъ основаніе въ трансцендентномъ мірѣ, а, съ другой стороны, принадлежатъ къ міру представляющаго субъекта, то они служатъ предметомъ двухъ способовъ разсмотрѣнія, которые неудачно названы внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ. Въ дѣйствительности нѣтъ такихъ двухъ формъ опыта, существуетъ лишь одно разсмотрѣніе однихъ и тѣхъ же объектовъ, но съ двухъ сторонъ, приведеніе ихъ въ связь съ двумя различными совокупностями явленій. Одинъ изъ этихъ созидаемыхъ порядковъ есть физическій міръ, а другой—психологическій; въ первомъ случаѣ получается физическая связь явленій, а во второмъ—психическая.

27. Физическое и психическое. Соотвѣтственно этому противоположность между физическимъ и психическимъ есть противоположность въ способахъ разсмотрѣнія, а не въ

объектахъ опыта. Мысль, что физическое и психическое отличаются другъ отъ друга, какъ безсознательное и сознательное, есть простая уловка. Какъ психологическое, такъ и физическое разсмотрѣніе исходятъ изъ того, что непосредственно дано въ сознаніи. Одинъ и тотъ же тонъ есть и физическое и психическое явленіе. Онъ есть физическое явленіе для физическаго разсмотрѣнія, т.-е. того, которое ставитъ его въ физическую связь или связь явленій объективно дѣйствительнаго „трансцендентнаго" внѣшняго міра; онъ есть психическое явленіе для психологическаго разсмотрѣнія, т.-е. того, которое включаетъ его въ сферу представляющаго существа. И то, и другое разсмотрѣніе не находитъ эту связь данною въ опытѣ, а создаетъ ее мышленіемъ. И то, и другое разсмотрѣніе руководится однимъ и тѣмъ же интересомъ, именно стремленіемъ мыслить въ понятной формѣ, т.-е. безъ противорѣчія, данныя сознанія, ихъ бытіе и измѣненія, но въ одномъ случаѣ они разсматриваются, какъ объективная, а въ другомъ— какъ субъективная дѣйствительность. Такимъ образомъ противоположность физическаго и психическаго, и, слѣдовательно, противоположность наукъ о природѣ и духѣ сводится въ концѣ концовъ къ противоположности непосредственнаго сознанія объективной и субъективной дѣйствительности.

28. Міръ вещей въ себѣ. Такъ какъ данное въ сознаніи, съ одной стороны, включается въ порядокъ реальнаго *я*, а, съ другой стороны, въ порядокъ трансцендентнаго внѣшняго міра, то можетъ случиться, что объектъ, первоначально, т.-е. для непосредственнаго сознанія казавшійся объективно дѣйствительнымъ, теряетъ право на это притязаніе. Это относится, напр., къ объектамъ сновидѣній, которые первоначально кажутся такъ же объективно дѣйствительными, какъ и воспріятія, потому что они оказываются одинаково независимыми отъ свободной игры представленій. Съ другой стороны, под-

нимается вопросъ, насколько могутъ сдѣлаться понятными свойства даннаго въ сознаніи отъ включенія его въ тотъ или другой порядокъ. Въ результатѣ оказывается несостоятельною первоначальная точка зрѣнія, на которой признавалось, что трансцендентные объекты обладаютъ такими же свойствами, съ какими они являются въ воспріятіи. Чувственныя качества оказываются чѣмъ-то чисто субъективно дѣйствительнымъ. Далѣе исчезаетъ всякое основаніе и для вѣры въ объективную дѣйствительность пространственныхъ опредѣленій. Остается въ концѣ концовъ совершенно неизвѣстный по своимъ свойствамъ міръ „вещей въ себѣ", въ которомъ можетъ быть познана нами лишь его законосообразность, переведенная по содержанію на языкъ представляющаго существа. Этотъ міръ, разсматриваемый въ себѣ, такъ же, какъ и реальное *я*, есть міръ, цѣликомъ созданный мышленіемъ, чистый ноуменъ.

29. Тѣло. Существуетъ однако одинъ пунктъ, гдѣ раздѣленіе *я* и внѣшняго міра не удается, именно наше тѣло. Непосредственному сознанію тѣло въ отношеніи своего существованія и свойствъ представляется независимымъ отъ *я*, и знаніе не можетъ не включить его въ трансцендентный внѣшній міръ. Въ то же время, въ свою очередь, оно непосредственно зависитъ отъ *я* или нашей воли не только, какъ объектъ воспріятія, но и въ своихъ объективно дѣйствительныхъ свойствахъ. Именно эта данная въ опытѣ, единственная въ своемъ родѣ связь тѣла съ *я* дѣлаетъ и можетъ сдѣлать для меня тѣло моимъ тѣломъ. Итакъ причина этого въ принципѣ та же, благодаря которой представляемые объекты являются моими представленіями и такимъ образомъ вообще впервые дѣлаются представленіями. Съ другой стороны, знаніе показываетъ, что субъективная дѣйствительность, какъ таковая, связана въ своемъ существованіи и свойствахъ съ тѣломъ или

частями его. Поскольку эта связь оказывается или можетъ быть признана непосредственною, тѣло, конечно, не то, которое является нашимъ чувствамъ, а та неизвѣстная сама по себѣ реальность, которая лежитъ въ основѣ его, принадлежитъ къ области реальнаго *я* или духовнаго существа. Реальное *я* есть вѣдь не что иное, какъ именно то, съ чѣмъ должно быть связано въ мышленіи субъективно дѣйствительное, какъ таковое. Этимъ словомъ: „реальное *я*", или „духъ", обозначается не свойство реальнаго *я*, качественно отличающее его отъ внѣшняго міра, мы не имѣемъ никакихъ знаній ни о свойствахъ этого *я*, ни о свойствахъ міра,—а только это отношеніе къ содержаніямъ сознанія, или тотъ фактъ, что оно должно быть мыслимо ради содержаній сознанія.

30. Единый міръ. Но достаточно какой бы то ни было зависимости субъективной дѣйствительности отъ какихъ-либо элементовъ трансцендентнаго внѣшняго міра, чтобы признать реальное я и этотъ трансцендентный внѣшній міръ, несмотря на ихъ обособленность, все же за единый трансцендентный міръ. Во всякомъ случаѣ знаніе требуетъ этого единаго міра. Онъ именно обнаруживается во всемъ данномъ. Но онъ обнаруживается въ двоякой формѣ. Міръ чувственнаго воспріятія есть опосредствованное, именно возникающее съ помощью нашего тѣла (нашихъ чувствъ) обнаруженіе неизвѣстнаго въ самомъ себѣ внѣшняго міра, между тѣмъ какъ міръ нашего сознанія вообще или наша сознательная духовная жизнь есть непосредственное обнаруженіе того пункта трансцендентнаго міра, который мы называемъ нашимъ реальнымъ *я*, или нашимъ духомъ. При этомъ наша сознательная жизнь есть единственное непосредственное обнаруженіе дѣйствительнаго міра, о которомъ мы знаемъ или вообще способны мыслить на основаніи своего опыта. Если задать вопросъ, въ постановкѣ котораго, конечно, нѣтъ необходимости, въ чемъ

заключается непосредственное обнаруженіе дѣйствительнаго міра или трансцендентнаго основанія всѣхъ вещей вообще, или какъ намъ представился бы міръ въ цѣломъ, если бы мы такъ же непосредственно сознавали его, какъ самихъ себя, или если бы мы могли разсматривать его, какъ и себя, „изнутри“, безъ содѣйствія чувствъ, то на это, поскольку простирается наше знаніе, возможенъ только одинъ положительный отвѣтъ, именно утвержденіе, что это трансцендентное основаніе всѣхъ вещей есть міръ сознанія, т.-е. реальное *я*, или духъ, но духъ всеобъемлющій и абсолютный; духъ единый, поскольку міръ единъ, и притомъ личный духъ, такъ какъ духъ безъ личности для насъ то же, что тонъ незвучащій, т.-е. слово, съ которымъ мы на основаніи своего опыта не могли бы связать никакого опредѣленнаго смысла.

31. Гносеологическая точка зрѣнія. Въ предыдущемъ изслѣдованіи ступеней познанія высказана опредѣленная гносеологическая точка зрѣнія. Она противоположна субъективистической теоріи знанія, которая считаетъ все первоначально предметомъ нашего сознанія въ формѣ представленія или содержанія духа; но въ то же время она противоположна и объективистической точкѣ зрѣнія, утверждающей, что сознаніе трансцендентнаго міра есть первоначальный фактъ. Въ дѣйствительности то и другое, и *я* и не-*я*, и субъектъ, и объективно дѣйствительный міръ вещей одинаково первоначальны и въ то же время не первоначальны. Одинаково первоначальны непосредственное сознаніе субъективности и объективности, и одинаково мало первоначальны, т.-е. одинаково созданы мышленіемъ и на основаніи законосообразности мышленія сознаніе воспринимающаго, представляющаго и мыслящаго *я*, „дѣятельнаго“ въ этомъ воспріятіи, представленіи и мышленіи, и сознаніе объ отдѣль-

номъ отъ него трансцендентномъ мірѣ. Знаніе заключается не въ переходѣ отъ субъекта къ внѣшнему міру или наоборотъ, а въ раздѣленіи того и другого, совершающемся на различныхъ ступеняхъ все болѣе и болѣе полно. Пунктъ раздѣленія обозначается нашимъ *я* на его различныхъ ступеняхъ, въ концѣ концовъ, нашимъ *я* въ его непосредственномъ самочувствіи. Завершеніе раздѣленія есть задача мышленія, приводящаго въ порядокъ опытъ. Сомнѣніе, забѣгающее впередъ въ сравненіи съ опытомъ и работою мышленія и заключающееся въ предположеніи, что, можетъ быть, объективно дѣйствительнаго міра вовсе нѣтъ, не имѣетъ научнаго права на существованіе. Вопросъ заключается не въ томъ, можно ли питать такія сомнѣнія, а въ томъ, при какихъ условіяхъ данное, по возможности, становится понятнымъ намъ.

ОТДѢЛЪ II.

Сужденіе.

Глава V. Общее опредѣленіе сужденія.

32. Сужденіе. Сужденіе есть отдѣльный актъ дѣйствительнаго или мнимаго знанія, слѣдовательно, всякое, все равно основательное или неосновательное сознаніе объективности или сознаніе принужденія, производимаго представляемыми объектами на процессъ представленія. Въ это опредѣленіе входятъ и несовершенные акты познанія, слѣдовательно, и неполныя сужденія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду только полныя сужденія. Поэтому мы должны опредѣлить сужденіе точнѣе, какъ сознаніе объективной необходимости сосуществованія или порядка (отношенія) предметовъ сознанія. Это опредѣ-

леніе находится въ согласіи съ предположеніями, всегда принципіально сохранявшимися въ логикѣ, въ особенности съ предположеніемъ, что сужденіемъ слѣдуетъ называть лишь то, что заключаетъ въ себѣ истину или ложь. Наше опредѣленіе исходитъ отсюда, если принять въ расчетъ, что истина есть дѣйствительное знаніе, и только ложное знаніе или неосновательное притязаніе на истинность можетъ быть классифицировано, какъ заблужденіе.

33. Формальное и матеріальное сужденіе. Теорія сужденія должна также съ самаго начала различить формальныя и матеріальныя сужденія. Первыя суть отдѣльные акты формальнаго знанія, а вторыя—отдѣльные акты дѣйствительнаго или мнимаго матеріальнаго знанія. Отсюда сама собою вытекаетъ (ср. 15 сл.), какъ это слѣдуетъ напередъ замѣтить, основная противоположность между этими сужденіями, проходящая сквозь всю логику. Въ формальномъ сужденіи объективная необходимость есть безусловная необходимость представленія, а въ матеріальномъ она заключается въ необходимости присоединять къ предмету сознанія, мыслимому объективно дѣйствительнымъ, поскольку онъ такъ мыслится, другой предметъ, мыслимый, вслѣдствіе этого, тоже, какъ объективно дѣйствительный.

34. Объективная необходимость въ формальномъ сужденіи. Это объясненіе требуетъ еще ближайшаго опредѣленія. Актъ необходимъ для меня въ томъ случаѣ, если я не могу не выполнить его. Указанную „объективную необходимость“ не слѣдуетъ понимать въ этомъ смыслѣ. Условимся здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, подразумѣвать подъ не-P объектъ сознанія, который не можетъ быть присоединенъ къ S безъ того, чтобы этимъ не было устранено одновременное и однородное присоединеніе P къ этому же S. Въ такомъ случаѣ „объективная необходимость“ присоединенія P къ S, созна-

ваемая мною въ формальномъ сужденіи „S есть P“, заключается не въ томъ, что невозможно представлять себѣ S, не присоединяя къ нему въ то же время P, а въ томъ, что P не можетъ быть замѣнено въ представленіи идеею не-P; слѣдовательно, эта объективная необходимость состоитъ въ томъ, что мы не можемъ произвести вмѣсто сочетанія представленій S P въ общемъ однородное съ нимъ сочетаніе S не-P. Такъ, формальное сужденіе: „зеленое по качеству находится посрединѣ между голубымъ и желтымъ“ говоритъ не о томъ, что я не могу представлять себѣ зеленый цвѣтъ самъ по себѣ, т.-е. безъ отношенія къ голубому и желтому, а о томъ, что въ ряду постепенно переходящихъ другъ въ друга цвѣтовъ спектра я не могу указать зеленому цвѣту никакого другого мѣста.

35. Объективная необходимость въ матеріальномъ сужденіи. Точно такъ же объективная необходимость, сознаваемая мною въ матеріальномъ сужденіи „S есть P“, не обозначаетъ невозможности представлять себѣ S отдѣльно и разсматривать его при этомъ объективно дѣйствительнымъ; она заключается въ невозможности присоединять къ S не-P вмѣсто P безъ того, чтобы S не превратилось, вслѣдствіе этого, для меня въ объективно недѣйствительное, т.-е. безъ возникновенія сознанія, что это сочетаніе представленій S и не-P есть актъ моего произвола, противорѣчащій (объективному) заключающемуся въ представленіи S принужденію сочетать его съ P. Тотъ, кто знаетъ, что „Пролегомены“ Канта написаны между первымъ и вторымъ изданіемъ „Критики чистаго разума“, можетъ представлять себѣ „Пролегомены“ и считать ихъ чѣмъ-то объективно дѣйствительнымъ, не думая въ то же время объ отношеніи этого сочиненія во времени къ двумъ изданіямъ „Критики“. Мало того, онъ можетъ въ представленіи приписывать имъ какое угодно положеніе; во времени, напр., помѣщать ихъ вслѣдъ за обоими изданіями,

но онъ не можетъ этого дѣлать, не сознавая недѣйствительности этого сочетанія представленій, или не сознавая противорѣчія между нимъ и сочетаніемъ представленій, которое съ необходимостью вызывается опытомъ.

36. Необходимость мышленія. Мышленіе, какъ сказано выше, есть объективно обусловленный процессъ представленія. Необходимость мышленія, или, короче говоря, логическая необходимость есть объективная необходимость въ процессѣ представленія. Соотвѣтственно этому, необходимость мышленія имѣетъ различное значеніе въ формальномъ и матеріальномъ знаніи. Въ формальномъ знаніи она заключается въ невозможности вообще замѣнить одно представленіе другимъ, а въ матеріальномъ мышленіи она состоитъ въ невозможности замѣнить одно представленіе другимъ безъ того, чтобы не исчезло въ то же время сознаніе объективной дѣйствительности представляемаго.

37. Объективная значимость. Отдѣльный актъ дѣйствительнаго знанія есть сужденіе, имѣющее объективное значеніе. Сужденіе обладаетъ объективнымъ значеніемъ въ томъ случаѣ, если сознаніе объективной необходимости согласуется безъ противорѣчій со всякимъ возможнымъ опытомъ и объективно необходимымъ сочетаніемъ объектовъ опыта. Сужденіе, имѣющее объективное значеніе, т.-е. познаніе, возникаетъ, какъ результатъ борьбы и взаимодѣйствія сужденій, имѣющихъ первоначально субъективное значеніе. Субъективное значеніе имѣетъ всякое сужденіе, какъ скоро оно производится нами. Поэтому говорить о субъективной значимости вообще излишне.

38. Всеобщая значимость сужденій. Изъ объективной значимости слѣдуетъ всеобщая значимость сужденія, или значеніе для всѣхъ мыслящихъ существъ, если предположить въ нихъ однородность мышленія. Но мы принуждены

сдѣлать это предположеніе, такъ какъ представленіе о мыслящихъ существахъ внѣ насъ мы можемъ пріобрѣсти не иначе, какъ перенося нашу духовную организацію на другія существа, по мѣрѣ того, что мы узнаемъ о нихъ на основаніи непосредственнаго опыта. Требованіе всеобщаго значенія сужденія заключается въ убѣжденіи, что, вслѣдствіе однородности всѣхъ мыслящихъ существъ, всѣ они должны прійти къ данному сужденію, поскольку они продѣлываютъ тотъ же опытъ и мысленно упорядочиваютъ его.

39. Сужденіе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы говорили здѣсь о логическомъ или познавательномъ сужденіи. Мы можемъ опредѣлить сужденіе такъ же, какъ рѣшеніе о томъ, что вообще существуетъ или существуетъ при какихъ-либо условіяхъ. Расширяя это понятіе, сужденіемъ можно назвать всякое рѣшеніе вообще. Тогда логическимъ сужденіямъ можно противопоставить сужденія оцѣнки, познавательнымъ сужденіямъ—сужденія чувства и воли, актамъ рѣшенія о томъ, что̀ есть,—рѣшенія о томъ, что̀ представляемые объекты значатъ для меня. Изъ этихъ послѣднихъ важнѣе всего эстетическія и этическія сужденія. Они также изображаютъ порядокъ или отношеніе, но не отношеніе объектовъ другъ къ другу, пассивно сознаваемое мною, или только „признаваемое“, а отношеніе, заключающееся именно въ сознательномъ участіи моемъ въ объектахъ. Для эстетическихъ и этическихъ сужденій идеаломъ также служитъ объективная значимость ихъ, и она также заключается въ согласіи ихъ со всякимъ возможнымъ опытомъ, только подъ опытомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть не простое существованіе объектовъ сознанія, а опять-таки мое участіе въ нихъ. Съ этими сужденіями въ ближайшемъ будущемъ мы не будемъ имѣть дѣла

Глава VI. Элементы сужденія.

40. Субъектъ и предикатъ. Элементы (полнаго) сужденія суть субъектъ и предикатъ. Подъ субъектомъ сужденія можно разумѣть только предполагаемое актомъ сужденія, данное въ немъ, т.-е. то, къ чему присоединяется что-либо другое съ сознаніемъ объективной необходимости, или то, при предположеніи чего должно мыслиться что-либо; подъ предикатомъ же мы разумѣемъ лишь то, что̀ присоединяется къ этому данному или должно мыслиться при допущеніи даннаго. Мы должны тотчасъ же замѣтить, что субъектъ и предикатъ сужденія иногда согласуется съ грамматическимъ подлежащимъ и сказуемымъ, а иногда не совпадаетъ съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ нѣмецкомъ языкѣ средствомъ обозначить предикатъ сужденія служитъ удареніе. Опредѣлить въ предложеніи субъектъ и предикатъ соотвѣтствующаго сужденія удобнѣе всего можно, представивъ себѣ вопросъ, на который отвѣчаетъ предложеніе. То, что̀ дано въ полномъ и опредѣленно поставленномъ вопросѣ, есть субъектъ сужденія, а то, что̀ въ немъ требуется, есть предикатъ. Поэтому одно и то же предложеніе можетъ быть выраженіемъ различныхъ сужденій, т.-е. имѣть различные субъекты и предикаты. Ни объ одномъ предметѣ сознанія или части предмета, а также объ опредѣленіяхъ пространства и времени нельзя напередъ и вообще сказать, чтобы они не могли быть субъектомъ или предикатомъ сужденія, или входить въ составъ субъекта или предиката. Во всякомъ сужденіи вся та часть его содержанія, которая не входитъ въ предикатъ, относится къ субъекту, и наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякая составная часть сужденія необходимо предполагается или дана, т.-е. составляетъ часть субъекта, или же присоединяется къ данному съ

сознаніемъ объективной необходимости, т.-е. составляетъ часть предиката. Такимъ образомъ субъектъ и предикатъ суть единственные возможные элементы сужденія.

41. Отношеніе субъекта и предиката въ представленіи. Противоположность субъекта и предиката не требуетъ необходимо возможности раздѣлять ихъ въ представленіи. Сужденіе: „зажженный порохъ взрываетъ“ вовсе не заключается въ сознаніи, что къ представленію зажженнаго пороха должно быть присоединено самостоятельное, отдѣльно существующее представленіе взрыва (вообще), котораго вовсе нѣтъ; въ этомъ сужденіи выражается, что если порохъ мыслится зажженнымъ, то вмѣстѣ съ этимъ необходимо представлять взрывъ именно этого пороха. Такимъ образомъ здѣсь, да и въ большинствѣ случаевъ, субъектъ и предикатъ составляютъ единое связное представленіе. Однако изъ этого цѣлаго для нашего сознанія опредѣленно выдвигается предикатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и субъектъ. Это происходитъ не независимо отъ процессовъ сужденія, а именно въ актѣ сужденія. Это сочетаніе представленій—взрывающій порохъ—обладаетъ необходимымъ характеромъ лишь въ томъ случаѣ, если противоположное ему сочетаніе — невзрывающій, т.-е. остающійся въ покоѣ порохъ—невозможно. Слѣдовательно, въ полное сознаніе необходимости этого сочетанія представленій входитъ также сознаніе неудающейся попытки превратить это сочетаніе представленій въ другое. Тотъ именно элементъ, который при этомъ превращеніи былъ бы замѣненъ другимъ представленіемъ, и есть предикатъ. Предикатъ даннаго сужденія и вообще предикатъ всякаго сужденія „S есть P“ выдвигается для моего сознанія тогда, когда я сознаю въ представленіи такой элементъ, который, внутри сужденія или при допущеніи его субъекта, не можетъ быть замѣненъ другимъ элементомъ. Предикатъ выдѣляется для моего сознанія бла-

годаря этому характерному для него мысленному отношенію. То, что̀ не подходитъ подъ это мысленное отношеніе, есть субъектъ, и вслѣдствіе этого именно представляется мнѣ, какъ субъектъ, въ противоположность предикату.

42. Представляемыя отношенія субъекта и предиката. Эта связь субъекта и предиката, или невозможность раздѣлить ихъ въ представленіи, всегда должна существовать, если вообще въ томъ, что̀ служитъ предметомъ сужденія, или, короче, въ „содержаніи сужденія“, вмѣстѣ съ тѣмъ мыслится отношеніе или сочетаніе субъекта и предиката. Отношеніе или сочетаніе—пространственное или временное—принадлежитъ необходимо обоимъ этимъ элементамъ. Оно заключается, если угодно, въ „имманентности“, или „взаимопроникновеніи“ ихъ. Наоборотъ, тамъ, гдѣ нѣтъ этой связи,—нѣтъ никакого представляемаго отношенія или сочетанія субъекта и предиката. Однако выше уже были высказаны намеки на то, что такія сужденія могутъ существовать. Кто думаетъ, что цѣлесообразность міра требуетъ бытія Божія, тотъ высказываетъ этимъ, что, въ виду цѣлесообразности міра, онъ принужденъ мыслить Бога. Въ этомъ сужденіи нѣтъ никакого отношенія или сочетанія, которое бы представлялось вмѣстѣ съ Богомъ и цѣлесообразностью міра. Конечно, въ высказанномъ „требованіи“ заключается отношеніе, но это отношеніе логическое, т.-е. общее отношеніе принадлежности содержанія предиката къ содержанію субъекта, благодаря которой именно два представленія становятся субъектомъ и предикатомъ сужденія. Слѣдовательно, опредѣленныя отношенія между субъектомъ и предикатомъ, принадлежащія къ содержанію сужденія или предметамъ сужденія, не необходимы для сужденія и тѣмъ менѣе они могутъ быть выставлены подъ именемъ „связки“, какъ самостоятельный элементъ сужденія, рядомъ съ субъектомъ и предикатомъ. Но, съ дру-

гой стороны, нельзя отрицать, что для полной опредѣленности сужденія необходимо сознаніе временнаго или пространственно-временнаго отношенія между субъектомъ и предикатомъ или сознаніе того, какимъ образомъ предикатъ долженъ быть присоединенъ къ субъекту.

43. Логическое отношеніе=связка. Наоборотъ, то логическое отношеніе, которымъ вообще выражается противоположность субъекта и предиката, необходимо для каждаго сужденія безъ исключенія. Въ сознаніи этого логическаго отношенія и состоитъ актъ сужденія. Лишь это логическое отношеніе можетъ быть обозначено, какъ отличающаяся отъ содержанія субъекта и предиката или присоединяющаяся къ нимъ логическая „связка".

44. Потенціальный элементъ въ дѣйствительныхъ сужденіяхъ. Если мы назовемъ потенціальными сужденіями такія связи представляемыхъ объектовъ, которыя могли бы выразиться въ сознаніи въ формѣ сужденія, то сужденія могутъ заключать въ себѣ множество другихъ потенціальныхъ сужденій. Такія чисто потенціальныя сужденія суть знанія, хотя они не акты познанія. Я не могу высказать сужденія: „это плодовое дерево цвѣтетъ красными цвѣтами", не зная, что это дерево—плодовое, и что его цвѣты красны. Въ этомъ сужденіи заключается не одна объективно необходимая связь представленій, а цѣлый комплексъ или цѣпь ихъ. Это явленіе встрѣчается въ большинствѣ сужденій (ср. 121). Изъ такихъ комплексовъ объективно необходимыхъ связей представленій или цѣпей возможныхъ сужденій возникаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ то или другое дѣйствительное сужденіе, смотря по тому, изъ какой части комплекса я исхожу и къ какому связанному съ нимъ элементу перехожу, сознавая при этомъ, что при допущеніи одной части комплекса я долженъ мыслить или присоединять къ ней дру-

гую. Дѣйствительное сужденіе выражается въ языкѣ въ грамматической формѣ присоединенія предиката, а потенціальныя сужденія выражаются въ различныхъ другихъ формахъ, въ формѣ опредѣленій, въ видѣ косвенныхъ падежей съ предлогами или безъ нихъ.

Глава VII. Словесное выраженіе сужденія.

45. Сужденія, не выраженныя словами. Словесное выраженіе не составляетъ сущности сужденія. Ребенокъ, вспоминающій, что за приближеніемъ руки къ пламени послѣдовало ощущеніе боли, или на основаніи прошлаго опыта опасающійся боли передъ новымъ приближеніемъ руки, производитъ актъ сужденія, даже и въ томъ случаѣ, если у него нѣтъ еще словъ для выраженія его. Онъ знаетъ нѣчто; онъ производитъ актъ познанія. То, что̀ находится въ его сознаніи, есть истина, или въ случаѣ, если онъ опасается боли при приближеніи лишь нарисованнаго пламени,—заблужденіе. Такъ какъ понятій не бываетъ безъ словъ, то сужденіе, какъ таковое, не обусловлено существованіемъ понятій.

46. Предложеніе. Еще менѣе можно отождествлять сужденіе съ предложеніемъ. Конечно, сужденіе находитъ себѣ полное словесное выраженіе лишь въ предложеніи. Тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ тому, чтобы при опредѣленныхъ обстоятельствахъ одно слово, даже крикъ, гримаса имѣли такое же значеніе для сужденія, какъ и вполнѣ правильное предложеніе. Съ другой стороны, предложенія, не только безсмысленныя, но и осмысленныя, могутъ быть выраженіемъ всевозможныхъ процессовъ представленія, не составляющихъ сужденія. Желаніе, рѣшеніе, приказаніе не суть сужденія, въ какой бы формѣ они ни были выражены. Къ желаніямъ относятся и вопросы: они результатъ желанія прійти къ сужденію.

Если предложеніе служитъ выраженіемъ сужденія, то отдѣльныя слова и словесныя формы извѣстнымъ образомъ выдвигаютъ и фиксируютъ въ сознаніи различныя составныя части сужденія, обозначаемыя ими. Если подлежащее и сказуемое совпадаютъ съ субъектомъ и предикатомъ сужденія, то это происходитъ въ особенности въ отношеніи этихъ элементовъ сужденія. Однако и здѣсь выдѣленіе происходитъ лишь „до извѣстной степени“, именно болѣе или менѣе неопредѣленно Словомъ „красный“ въ сужденіи „эта роза красная“ обозначается не своеобразная краснота, разлитая по всей поверхности розы, а какая-либо краснота какой-либо поверхности. Между тѣмъ, предикатомъ сужденія обозначается первое, а не второе представленіе (ср. 41). Какая роза представляется, и какимъ образомъ слѣдуетъ ее представлять, объ этомъ говоритъ все предложеніе, а не сказуемое его. Предикатъ сужденія опредѣляется не сказуемымъ, а единственно и исключительно актомъ сужденія (ср. 41), котораго требуетъ предложеніе, какъ цѣлое.

47. Сужденіе, какъ условіе рѣчи. Наоборотъ, сужденіе есть условіе возможности словеснаго выраженія. Всякое сознаніе того, что тотъ или другой словесный знакъ относится къ представляемому мною объекту, есть сужденіе. Такимъ же характеромъ обладаетъ и сознаніе того что данному словесному знаку соотвѣтствуютъ тѣ или другіе опредѣленные объекты. Именно возможность такихъ сужденій отличаетъ осмысленное сочетаніе словъ отъ безсмысленнаго. Отсюда ясно, что было бы противорѣчиво возможность сужденія обусловливать словеснымъ выраженіемъ и, въ свою очередь, словесное выраженіе ставить въ зависимость отъ возможности сужденія.

48. Несоотвѣтствіе между сужденіемъ и предложеніемъ. Вышесказаннымъ (46) не исчерпывается не-

соотвѣтствіе между сужденіемъ и предложеніемъ. Словесное выраженіе сужденія всегда должно быть болѣе или менѣе неопредѣленнымъ и несовершеннымъ. Разнообразіе словесныхъ знаковъ и формъ не можетъ соотвѣтствовать разнообразію представляемаго, разнообразіе оборотовъ рѣчи не можетъ равняться съ множествомъ модификацій мысли. Отдѣльные знаки вообще служатъ обозначеніемъ не предметовъ, а цѣлыхъ классовъ ихъ. Съ другой стороны, словесное выраженіе должно удовлетворять не только логическимъ, но и всевозможнымъ внѣлогическимъ и нелогическимъ требованіямъ, не только требованіямъ удобства, но и требованіямъ чувства, наконецъ эстетической потребности олицетворенія. Нашъ языкъ сплошь пропитанъ антрономорфизмомъ и поэтому насквозь не логиченъ.

49. Сужденіе и понятія. Поскольку словами обозначаются понятія, неизбѣжно въ сужденіи, получившемъ словесное выраженіе, должны, между прочимъ, ставиться въ отношенія другъ къ другу и понятія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что сужденія, какъ таковыя, суть отношенія понятій. Если я утверждаю, что такая-то роза красна, то этимъ я, по всей вѣроятности, не хочу сказать, что понятіе розы въ этомъ случаѣ слѣдуетъ „опредѣлять" съ помощью понятія красный, или что эту розу нужно „подводить" подъ понятіе красный, но мое мнѣніе заключается въ томъ, что опредѣленному представляемому объекту принадлежитъ опредѣленный цвѣтъ, какъ свойство. Но содержаніе сужденія и заключается въ томъ, что я мыслю въ предложеніи, т.-е. оно заключается въ актѣ сознанія, производимомъ мною, когда я его высказываю. Этимъ однако не исключается возможность того, что въ другихъ случаяхъ я хочу выразить въ предложеніи какое-либо отношеніе понятій, въ нашемъ случаѣ именно необходимость подведенія розы подъ понятіе краснаго. Но въ такомъ случаѣ въ

этомъ сужденіи о понятіяхъ уже предполагается раньше указанное реальное сужденіе (сужденіе о вещахъ). Роза для моего сознанія подходитъ подъ понятіе краснаго только потому, что у нея есть это свойство, а не наоборотъ; точно такъ же минералы относятся къ опредѣленному отдѣлу коллекціи, потому что имѣютъ опредѣленныя свойства, и я могу ихъ включить въ извѣстный отдѣлъ, потому что нахожу въ немъ извѣстныя свойства, а не наоборотъ.

50. Указательныя сужденія. Помимо указанной неизбѣжной неопредѣленности словеснаго выраженія, сужденія могутъ имѣть словесное выраженіе, болѣе или менѣе полное. Здѣсь слѣдуетъ въ особенности упомянуть сужденія, выражающіяся однимъ словомъ или восклицаніемъ, напр.: „огонь!", „Ивиковы Журавли!", „несчастный!", а также сужденія съ субъектомъ или предикатомъ, заключающимъ въ себѣ указаніе, напр.: „это" или „здѣсь есть роза", „роза здѣсь". Каковъ смыслъ такихъ словъ или сочетаній ихъ, а также, гдѣ слѣдуетъ искать субъектъ и предикатъ соотвѣтствующаго сужденія, въ обоихъ случаяхъ нельзя рѣшить по одной внѣшней формѣ предложенія. Когда я говорю ребенку: „это роза", то, вѣроятно, я хочу ему сообщить, какъ называется этотъ цвѣтокъ. Когда я говорю тому, кто не можетъ понять какого-либо шума: „это буря", то я говорю о вещи, а не объ имени Слово красный въ первомъ случаѣ есть предикатъ номинальнаго сужденія. Оно было бы субъектомъ такого сужденія, если бы я, указывая на розу, хотѣлъ этимъ отвѣтить на вопросъ ребенка, что такое „красный". Такимъ образомъ смыслъ подобныхъ сужденій всегда становится яснымъ лишь на основаніи связи съ сопутствующими мыслями.

VIII. Функціи предложенія.

51. Предложеніе въ сознаніи человѣка, производящаго актъ сужденія. Логическое значеніе

предложенія не исчерпывается подчеркиваніемъ и фиксированіемъ составныхъ частей сужденія и ихъ связи для сознанія того, кто совершаетъ этотъ актъ. Предложеніе есть также средство для высказыванія сужденія, поскольку оно можетъ быть связано съ намѣреніемъ вызвать въ слушателѣ сознаніе, что говорящій одобряетъ нѣкоторое опредѣленное сужденіе. Наконецъ, въ-третьихъ, оно можетъ быть средствомъ передачи сужденія, если тотъ, кто производитъ актъ сужденія, желаетъ вызвать такое же сужденіе въ слушателѣ. Наконецъ предложеніе можетъ быть для самого творца его представителемъ сужденія въ сознаніи: при этомъ сужденіе находится въ сознаніи судящаго лишь въ формѣ „сужденія-предложенія".

52. Возможность сужденія-предложенія. Возможность такихъ сужденій-предложеній основывается на томъ психологическомъ законѣ, что взаимодѣйствіе психическихъ элементовъ по характеру остается тѣмъ же самымъ, все равно, даны ли эти элементы въ совершенно сознательной формѣ или же въ формѣ, лишь отчасти сознательной, или даже совсѣмъ безсознательной, скрытой, потенціальной. Соотвѣтственно этому закону и психическое взаимодѣйствіе или отношеніе между представленіемъ субъекта и представленіемъ предиката, состоящее въ томъ, что первый требуетъ второго или понуждаетъ насъ осуществить его, не связано съ сознательнымъ присутствіемъ этихъ представленій. Если даже представленія и не доходятъ до сознанія, существующее между ними необходимое отношеніе само по себѣ не только остается въ силѣ, но даже можетъ сохраняться для сознанія. Для этого достаточно, чтобы съ представленіемъ субъекта и предиката сочетались другія сознаваемыя представленія; тогда они, въ силу этихъ сочетаній, могутъ представляться связанными (косвенно) другъ съ

другомъ и сдѣлаться носителями сознанія необходимости. Слова въ сужденіи именно и оказываютъ эту услугу не сознаваемымъ представленіямъ субъекта и предиката, обозначаемымъ ими. Такимъ образомъ возникаютъ сужденія-предложенія.

53. Сужденіе-предложеніе и сужденіе-мысль. Сужденіе-предложеніе, разсматриваемое само по себѣ, заключается исключительно въ сознаніи истинности или правильности предложенія, т.-е. въ сознаніи объективной необходимости сочетать опредѣленныя слова въ опредѣленныя грамматическія формы, въ особенности въ сознаніи необходимости сочетать опредѣленное сказуемое съ опредѣленнымъ подлежащимъ. Однако принужденіе къ этому заключается не въ словахъ, а въ обозначаемыхъ ими представленіяхъ, связанныхъ со словами, хотя и ускользающихъ отъ сознанія и потому существующихъ въ скрытой или лишь потенціальной формѣ. Мы принуждены присоединять къ даннымъ словамъ другія слова не въ силу свойства самихъ этихъ словъ, а потому, что съ ними связаны другія имѣющія для насъ значеніе представленія, необходимо сочетающіяся съ первыми представленіями. Необходимость сочетанія словъ есть необходимость сочетанія представленій, обозначаемыхъ ими. Но такъ какъ обозначаемыя представленія остаются несознаваемыми, то необходимость ихъ сочетанія доходитъ до нашего сознанія лишь въ формѣ необходимости сочетать слова. Такимъ образомъ сужденіе-предложеніе не есть настоящее сужденіе; оно лишь представитель въ сознаніи сужденія-мысли. Нечего повторять, что сужденіе-предложеніе въ общемъ можетъ быть лишь очень несовершеннымъ представителемъ сужденія-мысли.

54. Сужденія съ абстрактными элементами. Сужденія-предложенія могутъ быть въ сознаніи представите-

лями также такихъ сужденій, которыя, какъ таковыя, т.-е. какъ сужденія-мысли, въ сознаніи вовсе неосуществимы. Здѣсь слѣдуетъ различать два случая. Въ однихъ случаяхъ, сужденіе невыполнимо, потому что какой-нибудь изъ входящихъ въ него объектовъ, правда, существуетъ, какъ составная часть содержанія сознанія, но не можетъ являться въ сознаніи отдѣльно или самъ по себѣ. Такіе объекты, благодаря сочетанію съ частями предложенія, пріобрѣтаютъ степень самостоятельности, необходимую для отдѣльнаго сужденія. Поскольку въ этой самостоятельности, пріобрѣтаемой съ помощью словъ, заключается сущность „абстракціи", эти сужденія могутъ быть названы сужденіями съ абстрактными элементами. Объектами такихъ сужденій служатъ имена, т.-е. объекты, существующіе въ формѣ понятія, но реализуемые въ сознаніи съ помощью дополненій и потому все же „реальные". Примѣрами такихъ сужденій служатъ всѣ общія сужденія: „S (не то или это опредѣленное S, а всякое S вообще) есть P", а также сужденія, абстрактныя въ узкомъ смыслѣ этого слова (напр., „справедливость есть добродѣтель").

55. Сужденія съ мнимыми элементами. Въ другихъ случаяхъ сужденіе не можетъ осуществиться въ формѣ сужденія-мысли, потому что въ него входятъ мнимые объекты, т.-е. такіе объекты, которые никоимъ образомъ не могутъ явиться въ сознаніи. Для такихъ непредставимыхъ объектовъ замѣстителями въ сознаніи должны быть части предложенія, слова или символы. И въ этихъ сужденіяхъ слова или символы связываются другъ съ другомъ лишь благодаря значенію. Значеніе слова или символа въ каждомъ случаѣ можетъ быть обозначено, какъ требованіе, поставленное сознанію словомъ или символомъ. Въ этомъ смыслѣ особенность символа, обозначающаго мнимые объекты, состоитъ въ томъ, что поставленное имъ требованіе невыпол-

*

нимо, не только само по себѣ, но и во всѣхъ отношеніяхъ. Такіе символы тѣмъ не менѣе могутъ обладать познавательною цѣнностью, поскольку эти требованія невыполнимы все же не вообще, а только въ данномъ случаѣ, поскольку, слѣдовательно, требованіе, выполнимое при другихъ условіяхъ, выведено символами за границы своей выполнимости. Такъ, напр., символы $-a$ или въ особенности $\sqrt{-1}$ требуютъ вычитанія и извлеченія корня при условіяхъ, при которыхъ не изъ чего вычитать и нѣтъ корня. Сужденія, совершающіяся съ помощью такихъ символовъ, возможны, поскольку можно показать, что необходимыя отношенія, существующія по сю сторону границы, т.-е. какъ необходимое отношеніе возможныхъ объектовъ сознанія, сохраняютъ свое значеніе и по ту сторону границы, т.-е. какъ необходимое отношеніе между содержаніями невыполнимыхъ требованій. Мнимыя сужденія суть необходимыя отношенія между содержаніемъ такихъ требованій, хотя для сознанія они никогда не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ необходимыми отношеніями между символами.

56. Сужденіе и слушатель. Соотвѣтственно сказанному выше о значеніи предложенія для судящаго, оно для слушателя служитъ прежде всего знакомъ, по которому онъ узнаетъ, что въ сознаніи, единственномъ мѣстѣ, гдѣ могутъ существовать сужденія, совершается или совершилось сужденіе. Это знаніе есть также сужденіе, но отличное отъ высказаннаго; это—сужденіе о существованіи высказаннаго сужденія. Отъ него нужно отличать оцѣнку предложенія. Къ ней слушатель приходитъ въ томъ случаѣ, если, на основаніи собственнаго опыта или дѣятельности мышленія, онъ строитъ сужденіе о содержаніи выслушаннаго предложенія и сознаетъ согласіе или несогласіе такого своего сужденія съ выслушаннымъ предложеніемъ Наконецъ выслу-

шанное предложеніе можетъ непосредственно вызвать въ слушателѣ соотвѣтствующее сужденіе. Только въ послѣднемъ случаѣ можно говорить, что сужденіе сообщено слушателю въ собственномъ смыслѣ этого слова.

57. Сообщенныя сужденія. Возможность сообщенія въ вышеуказанномъ собственномъ смыслѣ этого слова основывается на ассоціаціяхъ между слышанными предложеніями и сужденіями, которыя мы сами производили на основаніи собственнаго опыта или размышленія. Такія ассоціаціи должны существовать для насъ, такъ какъ только благодаря имъ мы можемъ вообще прійти къ тому, чтобы считать предложенія знаками сужденій, т.-е. понимать ихъ. Изъ ассоціацій между опредѣленными предложеніями и опредѣленными производимыми нами самими сужденіями возникаетъ въ концѣ концовъ для насъ ассоціація между предложеніями и собственными нашими сужденіями вообще, т.-е. ассоціація между формой утверждающаго предложенія и нашею функціею сужденія. Благодаря этой ассоціаціи, впослѣдствіи выслушанное предложеніе вызываетъ въ насъ безъ дальнихъ разсужденій сознаніе объективной необходимости сочетанія представленій, соотвѣтствующихъ предложенію. Для того, чтобы эта необходимость производить сужденія, соотвѣтствующія выслушаннымъ предложеніямъ, исчезла или замѣнилась противоположною, необходимо пережить случаи противоположнаго опыта, т.-е. такого опыта, въ которомъ на ряду съ услышанными и понятыми предложеніями стоятъ противорѣчащія имъ собственныя наши сужденія. Другими словами, вѣра въ услышанное есть первоначальное и на первыхъ порахъ неизбѣжное явленіе, потому что для нея прежде всего даны условія въ опытѣ; недовѣріе возникаетъ лишь впослѣдствіи на основаніи противоположнаго опыта, въ общемъ, конечно, тѣмъ же путемъ.

ОТДѢЛЪ III.

Формы сужденій.

Глава IX. Качество сужденій.

58. Подраздѣленіе сужденій по качеству. До сихъ поръ подъ сужденіемъ мы разумѣли утвердительное сужденіе: „S есть P“. Ему противоположно отрицательное сужденіе: „S не есть P“, Если разсматривать здѣсь лишь полныя сужденія, то, соотвѣтственно сказанному объ утвердительныхъ сужденіяхъ, отрицательныя могутъ состоять лишь въ сознаніи объективной невозможности нѣкотораго порядка (отношенія). Эта объективная невозможность въ формальномъ сужденіи заключается въ абсолютной невозможности представленія, напр., въ невозможности представить себѣ треугольникъ, въ которомъ сумма угловъ была бы менѣе двухъ прямыхъ; въ матеріальномъ сужденіи она заключается въ невозможности построить какое-либо сочетаніе представленій такъ, чтобы при этомъ не возникло сознаніе объективной недѣйствительности сдѣланнаго построенія. Отъ этихъ двухъ классовъ сужденій нужно отличать еще третій классъ, „ограничительныя сужденія“: „S есть не-P“.

59. Низшія ступени сужденія. Подъ „полнотою“ сужденія мы имѣли здѣсь въ виду ту полноту, которая заключается въ наличности всѣхъ элементовъ сужденія, субъекта и предиката. Но сужденіе можетъ быть также „неполнымъ“ и въ томъ отношеніи, что оно не закончено, т.-е. не заключаетъ въ себѣ полнаго сознанія объективной необходимости или невозможности. Незаконченное сужденіе не есть сужденіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя оно можетъ быть предварительною ступенью сужденія. Сюда относятся вопросы въ родѣ, есть ли S P, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка въ

объективномъ поводѣ мыслить S, какъ P, или въ объективномъ принужденіи, которое однако не есть необходимость. Къ вопросамъ примыкаютъ различныя ступени предположенія, что S есть P или не-P. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ незаконченныхъ сужденій принужденію мыслить S, какъ P или не-P, противостоитъ противоположная возможность. Колебаніе между двумя возможностями есть сомнѣніе.

60. Утвердительное сужденіе, какъ отрицательное. Въ противоположность этому законченное или настоящее (логическое) сужденіе не вызываетъ сомнѣній, если не вообще, то во мнѣ, имѣетъ прочно установленное или субъективно достовѣрное значеніе, если не вообще, то для меня; иными словами, законченнымъ сужденіемъ называется то, которое исключаетъ противоположное сочетаніе представленій или признаетъ его невозможнымъ. Но утвердительному сужденію: „S есть P" противоположно присоединеніе не-P. Сознаніе невозможности такого присоединенія есть отрицательное сужденіе: „S не есть не-P". Такимъ образомъ законченное утвердительное сужденіе „S есть P" заключаетъ въ себѣ отрицательное сужденіе въ скрытой формѣ, или даже, если есть много не-P, всѣ возможныя отрицательныя сужденія такого рода, какъ „S не есть это, то и т. д. не-P". Имѣть въ своемъ сознаніи каждый разъ эти отрицательныя сужденія не необходимо. Для надежности утвердительнаго сужденія достаточно въ общемъ, чтобы сознанію, что я подчиняюсь объективному принужденію сочетать представленія извѣстнымъ образомъ, фактически не противостояло никакое противорѣчащее сочетаніе представленій. Но чѣмъ больше я забочусь о надежности сужденія, тѣмъ опредѣленнѣе долженъ я исключить такія противорѣчащія сочетанія представленій, т.-е. сознательно построить отрицательныя сужденія, связанныя съ утвердительнымъ. Мы принуждены поэтому,

сказать, что каждое утвердительное сужденіе заключаетъ въ себѣ отрицательное въ качествѣ своей обратной стороны; утвердительное сужденіе не можетъ мыслиться съ полнымъ сознаніемъ того, что въ немъ заключается, безъ присоединенія такихъ отрицательныхъ сужденій.

61. Отрицательныя сужденія, какъ утвердительныя. Наоборотъ, всякое отрицательное сужденіе есть обратная сторона утвердительнаго. Невозможность сочетать S съ P предполагаетъ необходимость мыслить S такъ, чтобы имъ исключалось P. Но сознаніе этой необходимости есть сужденіе утвердительное. Съ другой стороны, отрицательное сужденіе не необходимо должно сопровождаться такимъ утвердительнымъ сужденіемъ. Для достовѣрности отрицательнаго сужденія вообще достаточно сознанія, что сочетаніе S P вступаетъ въ противорѣчіе съ требованіями представляемыхъ объектовъ. При этомъ для отрицательнаго сужденія, какъ таковаго, все равно, въ чемъ заключаются эти требованія, т.-е. какое не-P требуется объектомъ S и вызываетъ сознаніе противорѣчія. Слѣдовательно, въ отрицательномъ сужденіи и въ скрытой формѣ заключается лишь неопредѣленное утвердительное сужденіе: S есть какое угодно не-P. Только это неопредѣленное утвердительное сужденіе входитъ въ составъ полнаго и вполнѣ сознательнаго процесса построенія отрицательнаго сужденія. Поскольку отрицательное сужденіе заключаетъ въ себѣ лишь неопредѣленное утвердительное сужденіе, а цѣль знанія заключается въ пріобрѣтеніи опредѣленныхъ утвердительныхъ сужденій, отрицательныя сужденія составляютъ низшую ступень познавательнаго процесса. Безъ опредѣленныхъ утвердительныхъ сужденій они имѣютъ цѣну лишь, какъ предварительныя ступени утвердительныхъ сужденій. Это сказывается также въ томъ, что, какъ мы увидимъ позже, многія

сужденія становятся полными лишь послѣ того, какъ они были примѣнены въ отрицательномъ значеніи.

62. Ограничительное сужденіе. Такъ называемое ограничительное сужденіе: „S есть не-P“ не составляетъ особой формы сужденій рядомъ съ отрицательными: „S не есть P“. Однако возможность выразить отрицательное сужденіе въ этой утвердительной формѣ не лишена нѣкотораго значенія, поскольку такимъ образомъ непосредственно выражается тотъ фактъ, что отрицательное сужденіе всегда заключаетъ въ себѣ неопредѣленное утвердительное сужденіе. Точно такъ же отрицательно-ограничительное сужденіе: „S не есть не-P“ не составляетъ особой формы сужденій на ряду съ утвердительнымъ: „S есть P“. Но въ нихъ подобнымъ же образомъ выражается тотъ фактъ, что утвердительное сужденіе заключаетъ въ себѣ отрицательныя сужденія.

63. Утвержденіе и отрицаніе. Согласно сказанному, въ утвержденіи и отрицаніи выражается сознаніе различныхъ сторонъ одного и того же психическаго состоянія. Это состояніе, какъ таковое, само собою разумѣется, имѣетъ положительный характеръ. Оно заключается, можемъ мы сказать вообще, въ такомъ отношеніи объектовъ, которое дѣлаетъ объективно необходимою опредѣленную форму теченія представленій. Это теченіе представленій есть всегда обращеніе къ опредѣленному объекту и, слѣдовательно, всегда въ то же время необходимо отклоненіе отъ другихъ объектовъ. Этотъ процессъ кажется намъ имѣющимъ первую или вторую форму, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы взглянемъ на него; точно такимъ же образомъ перемѣна мѣста кажется приближеніемъ или удаленіемъ, смотря по предмету, съ которымъ мы мысленно соотносимъ это явленіе.

64. Утвержденіе и отрицаніе сужденій. Сужденія бываютъ утвердительными или отрицательными, но не возмож-

ными предметами утвержденія или отрицанія. То, что̀ мы называемъ утвержденіемъ или сознаніемъ истинности утвердительнаго или отрицательнаго сужденія, есть не что иное, какъ построеніе даннаго сужденія. Точно такъ же то, что̀ мы называемъ отрицаніемъ утвердительнаго или отрицательнаго сужденія или сознаніемъ его неистинности, есть построеніе противоположнаго сужденія. Такъ же и чужія сужденія не могутъ быть предметомъ утвержденія или отрицанія. Мы утверждаемъ или отрицаемъ всегда лишь сочетаніе представленій, служащее содержаніемъ сужденія. Если мы обозначимъ утвержденіе и отрицаніе понятіемъ обсужденія, то мы можемъ сказать, что сужденія могутъ, правда, быть объектами, т.-е. субъектами и предикатами сужденій, напр., тѣхъ сужденій, которыя утверждаютъ или отрицаютъ ихъ существованіе, но они не могутъ быть предметами обсужденія.

65. Качество сужденій-предложеній. Мы говорили до сихъ поръ исключительно о сужденіяхъ-мысляхъ. Въ сужденіяхъ-предложеніяхъ нѣтъ противоположности между утвердительными и отрицательными сужденіями. Сужденіе-предложеніе „S есть P" состоитъ такъ же, какъ и сужденіе-предложеніе „S не есть P", въ сознаніи правильности, т.-е. объективной необходимости сочетанія словъ. Оба сужденія-предложенія, какъ таковыя, одинаково утвердительны и имѣютъ лишь различное содержаніе. Такимъ образомъ сужденія-предложенія всегда одинаковы въ этомъ отношеніи и различаются лишь своихъ содержаніемъ, т.-е. словами и сочетаніями ихъ. Тѣмъ не менѣе всякое утвердительное сужденіе-предложеніе тоже заключаетъ въ себѣ въ скрытой формѣ отрицательныя сужденія, именно сужденія, заключающіяся въ сознаніи, что другія сочетанія словъ не могутъ быть произведены безъ того, чтобы сознаніе правильности

предложенія не замѣнилось сознаніемъ его неправильности или противорѣчія объективнымъ требованіямъ.

66. Обсужденіе предложеній. Сужденіе-предложеніе можетъ быть опредѣлено такъ же, какъ утвержденіе предложенія, высказаннаго или лишь представляемаго самимъ лицомъ, производящимъ сужденіе, а содержащіяся въ немъ отрицательныя сужденія суть отрицанія другихъ предложеній. Насколько очевидно, что безсмысленно дѣлать сужденія предметомъ сужденія, настолько же очевидно, что предложенія могутъ быть предметами сужденія. Это возможно именно потому, что предложенія сами по себѣ не суть сужденія. Въ особенности часто мы составляемъ утвердительное или отрицательное сужденіе объ услышанныхъ предложеніяхъ. Какъ въ утвержденіи или сознаніи правильности предложенія (ср. 53), такъ и въ отрицаніи или сознаніи его ложности существенный элементъ заключается въ сознаніи объективно необходимаго отношенія между соотвѣтствующими словамъ представленіями, а это сознаніе есть сужденіе-мысль. Въ самомъ дѣлѣ, утвержденіе предложенія является въ случаѣ согласія сочетанія представленій, требуемаго словами предложенія, съ нашимъ собственнымъ сужденіемъ-мыслью, а отрицаніе предложенія возникаетъ въ противоположномъ случаѣ. Само собой разумѣется, и здѣсь не необходимо, чтобы мое собственное сужденіе или даже сочетаніе представленій, требуемое предложеніемъ, явилось въ моемъ сознаніи.

67. Сужденія съ отрицательнымъ субъектомъ. Соотвѣтственно вышесказанному, отрицательное сужденіе состоитъ въ томъ, что мы сознаемъ лишь отрицательную сторону самого по себѣ всегда положительнаго отношенія между предметами. При этомъ для нашего сознанія отрицательно опредѣленъ всегда предикатъ, а не субъектъ. Отрицательныя сужденія, могли бы мы сказать, суть сужденія съ предикатомъ,

опредѣленнымъ лишь отрицательно Но въ подобномъ смыслѣ могутъ быть лишь отрицательно опредѣлены и субъекты сужденій, какъ, напр., въ слѣдующихъ случаяхъ: „то, что̀ есть не-S, есть P“ (т.-е. не-S есть P), или „не-S есть не-P“. Выше мы говорили, что цѣлью знанія служитъ положительное знаніе. Значеніе отрицательныхъ сужденій заключается прежде всего въ томъ, что они входятъ въ составъ законченныхъ и вполнѣ сознаваемыхъ утвердительныхъ сужденій. Но точно такимъ же образомъ къ области положительнаго познанія относится и сознаніе, какое S должно быть дано, если P должно быть дано или исключено, или иными словами, какое S не можетъ быть устранено безъ того, чтобы не было устранено или дано P. Сознаніе именно этого отношенія и выражается въ сужденіяхъ: „то, что̀ не есть S, есть или не есть P“. Соотвѣтственно этому и такія сужденія имѣютъ свое особое значеніе для познанія. Логика не имѣетъ права упускать ихъ изъ виду такъ же, какъ и отрицательныя сужденія. Но въ то же время она не должна, съ другой стороны, забывать, что всѣ эти четыре „качества“ сужденій заключаютъ въ себѣ лишь сознательное выраженіе всегда положительныхъ психическихъ состояній или положительныхъ отношеній между объектами, слѣдовательно, они выражаютъ лишь различныя стороны одной и той же формы сужденія. Всѣ не чисто утвердительныя сужденія въ то же время составляютъ въ сравненіи съ утвердительными низшія ступени познанія. Только утвердительное сужденіе есть полное сужденіе.

68. „Модусы“ сужденія. Указанное особое значеніе четырехъ различающихся по „качеству“ формъ сужденія даетъ намъ право обозначать ихъ особыми именами или примѣнить къ нимъ для отличія ихъ другъ отъ друга обозначенія, принятыя уже въ логикѣ для другой цѣли. Мы называемъ сужденія: S есть P, S не есть P, не-S есть P, не-S не есть P,

терминами: Modus ponendo ponens, ponendo tollens, tollendo ponens и tollendo tollens. Сочетаніе двухъ среднихъ модусовъ приводитъ къ сужденію: „нѣчто есть или S или P"; иными словами, этимъ путемъ получается „дисъюнктивное", или, точнѣе, „раздѣлительное" сужденіе.—Цѣль этихъ обозначеній выяснится изъ связи съ другими случаями, въ которыхъ мы будемъ примѣнять подобныя имена.

Глава X. Количество сужденія.

69. Подраздѣленіе сужденій по количеству По „количеству" обыкновенно различаются единичныя сужденія: „это S есть P", общія сужденія: „всѣ S суть P" и частныя сужденія: „нѣкоторыя S суть P". Если подъ количествомъ сужденія подразумѣвать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, объемъ, въ которомъ субъектъ сужденія опредѣляется предикатомъ, то это подраздѣленіе несостоятельно. Традиціонная логика сама уничтожаетъ эту классификацію, такъ какъ, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подводитъ единичныя сужденія подъ общія сужденія, какъ частный случай ихъ, а, съ другой стороны, въ „частныхъ" сужденіяхъ допускаетъ возможность, что подъ „нѣкоторыми S" разумѣется лишь одно S (какое-либо S есть P), или же, что подъ нѣкоторыми S разумѣются всѣ S.

70. Различіе родовъ сужденій по количеству. Въ дѣйствительности названные роды сужденій отличаются другъ отъ друга по содержанію субъекта. Въ каждомъ сужденіи предикатъ относится къ цѣлому объему субъекта: если мыслится субъектъ, то долженъ мыслиться и предикатъ не случайно, а необходимо. Но субъектомъ единичнаго сужденія: „это опредѣленное единичное S есть P" въ дѣйствительности служитъ не S вообще, а особое, отличающееся отъ всѣхъ

остальныхъ S; въ частномъ сужденіи субъектомъ служитъ не S вообще, а нѣкоторое mS, т.-е. S въ связи съ невысказаннымъ ближайшимъ опредѣленіемъ m, и только въ общемъ сужденіи субъектомъ служитъ S само по себѣ, т.-е. все равно, какъ бы оно ни было опредѣлено точнѣе. Такъ какъ въ частномъ сужденіи ближайшее опредѣленіе S, при которомъ S должно мыслиться какъ P, только умалчивается, слѣдовательно, находится въ сознаніи судящаго, то частное сужденіе, правда, по формѣ отличается отъ общихъ и единичныхъ сужденій, но въ дѣйствительности бываетъ или общимъ, или единичнымъ сужденіемъ.

71. Эмпирически и качественно опредѣленные субъекты. Каждый изъ этихъ трехъ родовъ сужденій распадается, въ свою очередь, на два существенно различные вида. Различіе между ними основывается на противоположности между эмпирическою и качественною опредѣленностью субъекта. Предметъ сознанія опредѣленъ эмпирически, поскольку онъ мыслится принадлежащимъ къ опредѣленному мѣсту или отрывку въ связи объективно дѣйствительнаго міра. Онъ опредѣленъ качественно, если существуетъ опредѣленіе его свойствъ. При этомъ нужно замѣтить, что въ составъ качественной опредѣленности предмета входитъ также сознаніе того, въ какихъ, т.-е. какого качества, пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, къ какимъ, т.-е. какого качества, другимъ объектамъ находится онъ.

72. Эмпирически и качественно обусловленныя сужденія. На этомъ различеніи основывается различіе между эмпирически обусловленными и лишь качественно обусловленными сужденіями. Сужденіе обусловлено эмпирически, если его субъектъ опредѣленъ эмпирически, и предикатъ приписывается ему, какъ этому эмпирически

опредѣленному предмету, т.-е. предмету, относящемуся къ опредѣленному мѣсту или отдѣлу совокупности объективной дѣйствительности. Сужденіе бываетъ лишь качественно обусловленнымъ, т.-е. эмпирически не обусловленнымъ, если предикатъ приписывается субъекту потому, что это такой-то качественно опредѣленный субъектъ, или потому что предметъ, служащій субъектомъ, обладаетъ такимъ-то опредѣленнымъ свойствомъ.

73. Единственное сужденіе. Единичное сужденіе есть эмпирически обусловленное единичное сужденіе или, короче говоря, „единственное" сужденіе (singulares Urtheil), если субъектомъ его служитъ предметъ или фактъ, эмпирически опредѣленный въ единственномъ смыслѣ, такъ что предикатъ приписывается этому субъекту при допущеніи этого единственнаго опредѣленія и на основаніи его. При этомъ подъ единственнымъ эмпирическимъ опредѣленіемъ подразумѣвается такое опредѣленіе, которымъ исключается повтореніе предмета, служащаго субъектомъ. Къ числу эмпирически обусловленныхъ единичныхъ сужденій относятся всѣ историческія или повѣствовательныя единичныя сужденія, слѣдовательно, всякое сознаніе того, что опредѣленный отдѣльный фактъ происходилъ тогда-то тамъ-то.

74. Индивидуальное сужденіе. Единственное сужденіе становится качественно обусловленнымъ единичнымъ сужденіемъ, или, короче говоря, „индивидуальнымъ" сужденіемъ, если имъ выражается сознаніе о томъ, что предикатъ принадлежитъ субъекту, не какъ встрѣтившемуся въ опытѣ тогда-то и тамъ-то или теперь и здѣсь, а самому по себѣ, т.-е., какъ обладающему такими-то или иными свойствами, причемъ, конечно, эти свойства могутъ заключаться и въ его временно-пространственныхъ условіяхъ. Если предикатъ связанъ такимъ образомъ исключительно съ качественными свой-

ствами субъекта, то онъ долженъ быть приписываемъ субъекту всегда, гдѣ бы онъ ни встрѣтился, проявляя эти свойства. Слѣдовательно, индивидуальное сужденіе есть всегда въ то же время, въ возможности или по своей цѣнности, сужденіе общее, и при томъ „родовое" (см. 76). Сюда относятся всѣ единичныя сужденія, выведенныя изъ родовыхъ сужденій (законовъ). Они всегда состоятъ въ сознаніи того, что въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ существуетъ P, потому что выполнены условія S, при которыхъ, соотвѣтственно родовому сужденію, всегда существуетъ P. Но соотвѣтственно характеру родового сужденія, эти условія S опредѣлены исключительно качественно. Сюда относятся всѣ сужденія „причинности" и „принадлежности", въ родѣ „S есть причина P", „S обладаетъ свойствомъ P", или есть „носитель его", поскольку S дѣйствительно есть причина P, т.-е. составляетъ полную причину его, или же поскольку S есть носитель P въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. полный носитель (или полное реальное основаніе) P. Въ такихъ случаяхъ мы необходимо имѣемъ дѣло съ родовымъ сужденіемъ о томъ, что S всегда связано съ P (ср. гл. XX, XXI).

75. Универсальное сужденіе. Общее сужденіе „всѣ S суть P" есть эмпирически обусловленное общее сужденіе или, короче говоря, „универсальное" сужденіе, если субъектомъ его обозначается ограниченный отдѣлъ объективной дѣйствительности или нашего опыта, и предикатъ приписывается этому субъекту лишь при допущеніи этого эмпирическаго опредѣленія. Напр.: вся мебель въ этомъ мѣстѣ сдѣлана изъ дуба.

76. Родовыя сужденія. Наоборотъ, родовыми называются такія сужденія, субъектомъ которыхъ служитъ лишь качественно опредѣленный родъ, въ которыхъ, слѣдовательно, предикатъ приписывается роду, какъ таковому, все равно, гдѣ

и въ какомъ количествѣ можемъ мы найти образцы его въ опытѣ. Таково, напр., сужденіе: „всѣ люди смертны“. Точнѣе было бы выразить его такъ: „человѣкъ“ (вообще) или „родъ человѣческій“ смертенъ. По своему происхожденію универсальное сужденіе есть всегда совокупность ограниченнаго количества отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ по свидѣтельству опыта встрѣчалось P. Наоборотъ, родовое сужденіе выходитъ за предѣлы опыта и простирается на всѣ возможные случаи опредѣленнаго рода. Родовое сужденіе есть законъ представленій или фактовъ.

77. Частичныя сужденія. Подобныя же различія существуютъ наконецъ и среди „частныхъ“ сужденій: „нѣкоторыя S суть P“. Эти сужденія эмпирически обусловлены и могутъ быть обозначены именемъ „частичныхъ“ сужденій (partikulares Urtheil), если S, будь то само по себѣ, или же при ближайшемъ опредѣленіи m, которымъ обусловливается примѣненіе предиката, представляется эмпирически опредѣленнымъ, такъ что предикатъ приписывается только этому эмпирически опредѣленному S, какъ таковому. Таковы, напр., сужденія: „нѣкоторые стулья въ этой комнатѣ изъ дуба“ или „нѣкоторые люди,—именно этотъ, тотъ, третій и т. д.,—страдаютъ дальтонизмомъ“. Частичное сужденіе такъ же, какъ и универсальное, по своему происхожденію есть совокупность установленныхъ опытомъ случаевъ. Оно становится универсальнымъ, какъ скоро какое-либо опредѣленіе, общее этимъ и притомъ лишь этимъ „нѣсколькимъ S“, даетъ возможность охватить всѣ ихъ, и притомъ только ихъ, однимъ именемъ.

78. Неопредѣленныя видовыя сужденія. Въ отличіе отъ этихъ „частичныхъ“ сужденій, мы называемъ „неопредѣленными видовыми сужденіями“ частныя сужденія, обусловленныя лишь качественно. Въ нихъ S опредѣлено лишь качественно, слѣдовательно, означаетъ какой-то

родъ, и словами: „нѣкоторыя S суть P“ мы высказываемъ, что „S есть P“ при условіи какого-то ближайшаго качественнаго опредѣленія, еще неизвѣстнаго судящему или не находящагося въ его сознаніи. Черезъ посредство этого качественнаго опредѣленія разсматриваемыя S превратились бы въ особый видъ рода S. Слѣдовательно, такое сужденіе есть сознаніе того, что какому-то неопредѣленному ближе виду S должно быть приписано P, напр., какому-то или какимъ-то еще неизвѣстнымъ ближе видамъ насѣкомыхъ должна быть приписана способность партеногенезиса. Видовое сужденіе такъ же, какъ и сужденіе о соотвѣтствующемъ родѣ, есть сужденіе родовое. Неопредѣленныя видовыя сужденія поэтому могли бы называться также неопредѣленными родовыми сужденіями. Они становятся настоящими родовыми сужденіями, когда найдено болѣе подробное опредѣленіе вида.

79. Количество формальнаго сужденія. Формальныя сужденія не могутъ быть эмпирически обусловленными, слѣдовательно не могутъ быть ни единственными, ни частичными, ни универсальными. Ихъ субъектъ всегда только качественно опредѣленъ и самъ по себѣ не относится ни къ какому мѣсту объективной дѣйствительности. Конечно, предметы формальныхъ сужденій также даны въ „опытѣ“, именно въ интуиціи или представленіи. Но сознаніе о томъ, какими признаками дѣйствительно обладаетъ отдѣльный представляемый объектъ въ представленіи, еще не есть сужденіе, такъ какъ это сознаніе заключается лишь въ процессѣ представленія объекта съ его признаками и въ обращеніи вниманія на нихъ. Когда это сознаніе выражается въ словесной формѣ, то, конечно, оно заключаетъ въ себѣ сужденія, именно сужденія о соотвѣтствіи между представляемымъ и словесными знаками и формами. Однако здѣсь идетъ рѣчь не о такихъ номинальныхъ сужденіяхъ, которыя никогда не отно-

сятся къ числу формальныхъ, а о формальныхъ сужденіяхъ относительно представляемаго. Эти послѣднія сужденія возникаютъ впервые въ связи съ сознаніемъ, что вмѣстѣ съ представляемыми объектами должны быть представляемы признаки. Это сознаніе всегда выходитъ за предѣлы фактически даннаго въ интуиціи или представленіи. Итакъ формальныя сужденія могутъ быть только или индивидуальными, которыя, какъ таковыя, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнность родовыхъ сужденій, или неопредѣленно родовыми, какъ, напр., сужденіе „какой-то (мнѣ теперь неизвѣстный) видъ коническихъ сѣченій имѣетъ двойныя касательныя", или настоящими родовыми.

80. Виды матеріальныхъ родовыхъ сужденій. Матеріальныя родовыя сужденія могутъ существовать лишь постольку, поскольку мы познаемъ необходимыя связи объективной дѣйствительности, такъ называемыя „причинныя связи". При этомъ существуютъ три возможности: субъектъ S родового сужденія заключаетъ въ себѣ причину (реальное основаніе) предиката; предикатъ есть единственно возможная причина существованія субъекта, или же наконецъ предикатъ есть дѣйствіе (реальный результатъ) единственно возможной причины субъекта. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, и только въ этихъ случаяхъ, изъ существованія субъекта можно заключить о существованіи предиката, т.-е. приписывать предикатъ субъекту съ безусловною всеобщностью. Первый видъ родовыхъ сужденій можно назвать первичнымъ, а остальные—вторичными и третичными.

81. Послѣдовательность сужденій по количеству. Всякое сужденіе относительно объективной дѣйствительности, или всякое матеріальное сужденіе, есть прежде всего единственное сужденіе. Задача познанія состоитъ въ томъ чтобы изъ такихъ единственныхъ сужденій получать родовыя

сужденія или законы дѣйствительности, и притомъ все болѣе общіе законы ея (индуктивно), а затѣмъ въ свою очередь подводить подъ нихъ отдѣльные факты или возможныя единственныя сужденія (дедуктивно). При этомъ единственныя сужденія превращаются въ индивидуальныя сужденія или отдѣльные примѣры закона. Первоначальныя единственныя сужденія относятся къ такимъ индивидуальнымъ, какъ единичный воспринятый фактъ къ познанному или понятому факту. На пути отъ воспріятія единичнаго факта къ закону находятся остальныя выше различенныя формы сужденій. Не безъ дальнихъ разсужденій, а лишь на основаніи сравненія и открытія, что различные субъекты единичныхъ сужденій суть случаи извѣстнымъ образомъ опредѣлимаго S, возникаетъ частичное сужденіе: „нѣкоторыя S суть P“. Сравненіемъ предполагается въ то же время наблюденіе этихъ единичныхъ субъектовъ, или „обстоятельствъ“, при которыхъ произошелъ фактъ P, и вытекающее изъ наблюденій качественное опредѣленіе ихъ. Еще шагъ впередъ дѣлаемъ мы, когда замѣчаемъ, что всѣ S, находящіяся въ опредѣленномъ кругѣ опыта, суть P, т.-е. замѣчаемъ, что въ этомъ кругѣ S не можетъ быть не-P, иными словами, когда мы приходимъ къ универсальному сужденію. Далѣе, когда оказывается, что другія S, не относящіяся къ этому кругу, не суть P, возникаетъ предположеніе, что P должно считаться связаннымъ съ какими-нибудь качественными опредѣленіями, присущими первымъ S, и отсутствующими во вторыхъ S. Вмѣстѣ съ этимъ предположеніемъ возникаетъ неопредѣленное видовое сужденіе. Тогда возникаетъ задача найти эти общія опредѣленія. Въ случаѣ, если они найдены и предположеніе подтверждается опытомъ, возникаетъ родовое сужденіе.

Глава XI. Субъектъ сужденія.

82. Субъектъ и основаніе. Различія между субъектами сужденій, названныя выше количественными различіями, дополняются еще различіями, обращающими на себя вниманіе при разсмотрѣніи сужденій съ другой точки зрѣнія. Субъектъ сужденія есть то, къ чему должно быть присоединено нѣчто. Присоединеніе этого нѣчто должно совершиться потому, что субъектъ есть именно этотъ субъектъ. Субъектъ,—мы говоримъ о полномъ субъектѣ,—принуждаетъ насъ мыслить предикатъ. То, что̀ принуждаетъ насъ мыслить нѣчто, есть основаніе этого нѣчто. Слѣдовательно, полный субъектъ сужденія есть основаніе предиката. Онъ можетъ быть основаніемъ предиката, какъ цѣлое, или же можетъ заключать въ себѣ это основаніе въ видѣ своей части. Субъектъ есть объективное или логическое основаніе (или содержитъ его въ себѣ), если самъ предметъ субъекта вынуждаетъ насъ присоединить предикатъ. Предикатъ или присоединеніе его есть „слѣдствіе" субъекта. Логическое отношеніе между субъектомъ и предикатомъ сужденія, есть, слѣдовательно, отношеніе основанія къ слѣдствію.

83. Различеніе двухъ формъ субъекта. Въ предшествующемъ параграфѣ мы различили два возможныхъ случая, когда субъектъ цѣликомъ служитъ основаніемъ предиката, и когда онъ заключаетъ это основаніе въ себѣ. Къ основанію относится лишь то, что̀ содѣйствуетъ обоснованію предиката, т.-е. содѣйствуетъ необходимости мыслить его. Если въ субъектѣ сужденія есть элементы, которые не играютъ такой роли для судящаго, то они для него не входятъ въ составъ основанія. Такъ, напр., для того, кто знаетъ,

что всѣ S суть P, ближайшее опредѣленіе S въ единичномъ сужденіи: „это (какъ-либо точнѣе опредѣленное) S есть P“ не входитъ болѣе въ составъ основанія. Точно такъ же тотъ, кто знаетъ, что предпріятіе, точно опредѣленное для его сознанія по качеству, во времени и въ пространствѣ, окончилось несчастливо, находитъ полное основаніе для предиката въ самомъ предпріятіи и его ближайшихъ опредѣленіяхъ. Слѣдовательно, предикатъ, т.-е. сознаніе несчастнаго исхода, не обосновывается для него, кромѣ того, воспоминаніемъ, что газеты сообщали объ этомъ предпріятіи. Тѣмъ не менѣе въ его сознаніи и это ближайшее опредѣленіе входитъ въ представленіе субъекта и такимъ образомъ служитъ составною частью его.

84. Психологическій и логическій субъектъ. Эта противоположность между субъектомъ и основаніемъ предиката исчезаетъ однако, если мы будемъ брать „субъектъ сужденія“ въ болѣе строгомъ спеціально логическомъ смыслѣ. Опредѣленія субъекта, нисколько не содѣйствующія необходимости предиката, не находятся ни въ какомъ чисто логическомъ отношеніи къ предикату. Они не лежатъ въ основаніи предиката въ логическомъ смыслѣ; предикатъ не зависитъ отъ нихъ логически, хотя и связанъ съ ними психологически; слѣдовательно, они входятъ въ составъ не логическаго, а лишь психологическаго субъекта. Съ основаніемъ предиката совпадаетъ логическій, а не психологическій субъектъ. Логическій субъектъ, или основаніе предиката, есть, точнѣе говоря, единство „условій“, которымъ подчиненъ предикатъ въ сознаніи судящаго; между тѣмъ психологическій субъектъ есть совокупность представленій, къ которымъ присоединяется предикатъ съ сознаніемъ объективной необходимости, все равно, служитъ ли вся эта совокупность условіемъ присоединенія предиката или нѣтъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ

и до сихъ поръ, мы будемъ подразумѣвать подъ словомъ „субъектъ“ исключительно (полный) психологическій субъектъ и будемъ отличать отъ него „логическій“ субъектъ присоединеніемъ этого опредѣленія.

85. Субъектъ въ формальномъ и матеріальномъ сужденіи. Субъектомъ и предикатомъ формальнаго сужденія служитъ предметъ сознанія вообще, а субъектомъ и предикатомъ матеріальнаго сужденія служитъ предметъ, мыслимый какъ объективно дѣйствительный. Предикатъ матеріальнаго сужденія становится для меня чѣмъ-то объективно дѣйствительнымъ именно потому, что объективно дѣйствительный субъектъ требуетъ его присоединенія. Слѣдовательно, субъектъ матеріальнаго сужденія, какъ предметъ сознанія объективной дѣйствительности, есть основаніе сознанія объективной дѣйствительности предиката; въ этомъ смыслѣ онъ есть реальное основаніе и основаніе реальности предиката (или содержитъ въ себѣ это основаніе). Наоборотъ, субъектъ формальнаго сужденія самъ по себѣ есть лишь основаніе представленія предиката. Онъ также становится основаніемъ реальности, если самъ мыслится, какъ объективно дѣйствительный. Вслѣдствіе сознанія, что треугольникъ существуетъ гдѣ-нибудь въ мірѣ, мысль, что тамъ же существуетъ и сумма угловъ, равная двумъ прямымъ, дѣлается въ такой же мѣрѣ необходимою, въ какой представленіе треугольника необходимо заставляетъ представлять вмѣстѣ съ тѣмъ и эту сумму угловъ.

86. Объективныя и субъективныя опредѣленія субъекта. Въ матеріальномъ сужденіи элементы, изъ которыхъ состоитъ субъектъ, могутъ быть двоякаго рода: объективные и субъективные. Объективны тѣ элементы или опредѣленія субъекта, которые принадлежатъ самому предмету субъекта и составляютъ его или дѣлаютъ его этимъ опредѣ-

леннымъ объектомъ представленія, отличающимся отъ другихъ объектовъ. Наоборотъ, субъективны тѣ опредѣленія, которыя, правда, характеризуютъ предметъ субъекта и дѣлаютъ возможнымъ отличеніе его отъ другихъ, но не служатъ составными частями или моментами самого представляемаго предмета. Въ то время, какъ объективныя опредѣленія создаютъ предметъ для представленія, субъективныя опредѣленіи служатъ скорѣе указаніемъ, какъ мы можемъ пріобрѣсти представленіе или образъ предмета. Если я знаю о пѣвцѣ лишь то, что всѣ газеты полны рѣчами о немъ, то онъ для меня объективно опредѣленъ лишь, какъ пѣвецъ, и притомъ, если я сколько-нибудь полагаюсь на сужденія газетъ, какъ хорошій пѣвецъ; каковъ онъ въ другихъ отношеніяхъ, это остается мнѣ неизвѣстнымъ. Быть можетъ, я узнаю это отчасти, если послѣдую субъективному опредѣленію, что газеты полны рѣчами о немъ, т.-е. буду читать газеты. Мы называемъ такія опредѣленія субъективными, потому что они только для насъ отличаютъ одни объекты отъ другихъ, не опредѣляя самого объекта, или не превращая объектъ въ этотъ опредѣленный объектъ.

87. Субъекты, имѣющіе субъективное и объективное значеніе. Но какъ бы ни былъ опредѣленъ субъектъ сужденія, во всякомъ случаѣ онъ обладаетъ субъективнымъ значеніемъ, поскольку для меня онъ есть полный субъектъ, т.-е. заключаетъ въ себѣ полное основаніе предиката. Онъ обладаетъ также объективнымъ значеніемъ, если остается субъектомъ въ борьбѣ и взаимодѣйствіи сужденій вообще, т.-е. при сопоставленіи со всѣмъ возможнымъ опытомъ. Если я утверждаю, что всѣ лебеди бѣлы, то содержаніе общаго понятія „лебедь“ служитъ для меня полнымъ субъектомъ предиката „бѣлый“. Этотъ субъектъ становится для меня имѣющимъ лишь субъективное значеніе, и вслѣдствіе этого

перестаетъ быть для меня субъектомъ этого предиката, если я прихожу къ сужденію, что какой-нибудь лебедь имѣетъ другой цвѣтъ. Тогда сознаніе того, что содержаніе этого общаго понятія (все равно, съ какимъ ближайшимъ опредѣленіемъ) находится гдѣ-нибудь въ дѣйствительности, не сопровождается болѣе необходимостью связывать съ этимъ содержаніемъ бѣлый цвѣтъ. Наоборотъ, въ сужденіи: „все живое происходитъ изъ клѣтки“ мы имѣемъ право разсматривать субъектъ „живое“, какъ субъектъ, имѣющій объективное значеніе для предиката „происходитъ изъ клѣтки“, поскольку мы имѣемъ основаніе допускать, что въ опытѣ никогда не найдется исключенія. Очевидно, объективное значеніе субъекта для предиката совпадаетъ съ объективнымъ значеніемъ сужденія, въ которомъ находятся данный субъектъ и предикатъ.

88. *Условія, имѣющія объективное и субъективное значеніе.* Вопросъ, имѣетъ ли субъектъ сужденія, *какъ цѣлое*, объективное значеніе, слѣдуетъ отличать отъ вопроса, какіе элементы, въ концѣ концовъ, войдутъ въ *логическій* субъектъ сужденія или окажутся объективными *условіями* предиката. „Субъективными“ слѣдуетъ называть такія условія, которыя теперь для меня являются условіями, а объективными—такія, которыя продолжаютъ играть роль условій при сопоставленіи всѣхъ возможныхъ сужденій. Для того, кто знаетъ лишь то, что опредѣленное единичное S есть P, всѣ особенности, дѣлающія S *этимъ* S, суть условія предиката. Они всѣ вмѣстѣ суть лишь *субъективныя* условія въ томъ случаѣ, если возможно общее сужденіе: „всѣ S суть P“. И для *судящаго* они перестаютъ быть условіями или необходимыми составными частями субъекта съ того момента, какъ онъ самъ придетъ къ этому общему сужденію. Но онъ придетъ къ этому общему сужденію тогда, когда опытъ покажетъ ему, что это, то и т. д. S одинаково суть P, и за-

ставитъ его послѣдовательно выдѣлить эти особенности изъ ряда условій. S не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ объективныхъ условій P, если отсутствіе какого бы то ни было изъ его признаковъ привело бы къ сужденію, въ которомъ съ этимъ (неполнымъ) S вмѣсто P было бы связано не-P. Въ этомъ случаѣ S есть чистое, имѣющее объективное значеніе основаніе P или чистый логическій субъектъ сужденія: „S есть P". Въ связи съ вопросомъ объ объективныхъ условіяхъ пріобрѣтаетъ значеніе также и противоположность объективныхъ и субъективныхъ опредѣленій (86): очевидно, лишь объективныя опредѣленія субъекта могутъ, въ концѣ концовъ, оказаться условіями предиката, имѣющими объективное значеніе. Въ природѣ субъективныхъ опредѣленій заключается та особенность, что они случайны въ отношеніи къ объектамъ.

89. Субъективно-необходимыя основанія. Наконецъ другой вопросъ составляетъ объективная необходимость основанія. Нѣкоторыя симптомы или сообщенія третьяго лица, положимъ, заставляютъ меня предполагать въ какомъ-либо человѣкѣ какую-либо болѣзнь. Я составляю сужденіе: эти симптомы, или эти сообщенія, указываютъ на такую-то болѣзнь. Въ этомъ сужденіи симптомы, или сообщенія, служатъ основаніемъ мысли о существованіи болѣзни. Для меня, т.-е. субъективно, эти признаки составляютъ необходимое основаніе, если безъ нихъ я отрицалъ бы существованіе болѣзни. Однако они не составляютъ объективно необходимаго основанія, такъ какъ лишь отъ случайнаго хода моего познанія зависитъ то, что я именно на основаніи этого факта пришелъ къ мысли о болѣзни. Для меня нѣтъ никакого объективнаго принужденія идти въ своемъ мышленіи именно этимъ путемъ.

90. Объективно-необходимое основаніе. Наибо-

ротъ, основаніе предиката имѣетъ объективно необходимый характеръ, если не случайный ходъ моего познанія, а объекты познанія принуждаютъ меня отъ него мысленно переходить къ слѣдствію. Такое принужденіе можетъ быть лишь результатомъ опыта. При этомъ ясно, какимъ общимъ опредѣленіямъ должно удовлетворять основаніе, чтобы быть объективно необходимымъ основаніемъ. Опытъ ведетъ насъ всегда отъ предыдущаго къ послѣдующему, или отъ однихъ объектовъ къ другимъ, одновременнымъ съ ними, но никогда не отъ послѣдующаго къ предыдущему. Въ нашемъ опытѣ послѣдующее никогда не можетъ быть раньше предыдущаго; наоборотъ, предыдущее фактически дано безъ послѣдующаго или независимо отъ него. Слѣдовательно, въ ходѣ нашего опыта предыдущее всегда служитъ предположеніемъ или условіемъ послѣдующаго, но не наоборотъ. Этимъ не исключается возможность того, что мы въ представленіи переворачиваемъ послѣдовательность, въ которой опытъ принуждаетъ насъ пріобрѣтать и мыслить объекты; иными словами, мы можемъ въ представленіи переходить не къ послѣдующимъ или одновременнымъ объектамъ, а любымъ образомъ отъ послѣдующихъ къ предыдущимъ. Но мы не можемъ этого дѣлать, не сознавая, что мы поступаемъ произвольно и противорѣчимъ опыту, т.-е. объективнымъ требованіямъ. Наоборотъ, если ходъ нашихъ представленій долженъ имѣть объективный характеръ или согласоваться съ требованіями данныхъ намъ объектовъ, то мы должны и въ своихъ представленіяхъ переходить отъ предыдущаго къ послѣдующему или къ одновременному. Слѣдовательно, и въ нашемъ объективномъ представленіи, или представленіи, имѣющемъ объективный характеръ не только по содержанію, но и во всѣхъ отношеніяхъ, предыдущее служитъ всегда необходимымъ предположеніемъ или усло-

віемъ послѣдующаго, и только предыдущее или одновременное можетъ въ такомъ представленіи быть необходимымъ условіемъ предмета. Но необходимое предположеніе въ нашемъ объективномъ представленіи совпадаетъ съ объективно-необходимымъ предположеніемъ или условіемъ. Какое предыдущее или одновременное событіе должно быть признано, въ концѣ концовъ или объективно, такимъ объективно необходимымъ условіемъ предмета, этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ составляетъ задачу особаго знанія. Во всякомъ случаѣ единство такихъ условій составляетъ то, что̀ мы назвали „объективно-необходимымъ основаніемъ“ предмета. И здѣсь, въ свою очередь, обнаруживается противоположность между объективными и субъективными опредѣленіями (86). Очевидно (ср. 88), что лишь объективныя опредѣленія субъекта могутъ быть объективно-необходимыми условіями предиката.

91. Реальныя основанія вещи. Такъ какъ только въ матеріальныхъ сужденіяхъ существуетъ противоположность между случайнымъ теченіемъ нашихъ представленій и тѣмъ порядкомъ ихъ, который требуется объектами, т.-е. опытомъ, то только въ этихъ сужденіяхъ встрѣчаются какъ объективно-необходимыя основанія, такъ и основанія, обладающія необходимостью только вслѣдствіе случайнаго хода нашего познанія. Слѣдовательно объективно необходимыя основанія суть всегда матеріальныя основанія или логическіе субъекты въ матеріальныхъ сужденіяхъ. Согласно вышесказанному, матеріальныя основанія (85) суть основанія, реальности предиката. Объективно-необходимыя матеріальныя основанія суть не что иное, какъ реальныя основанія вещи (причины). Слѣдовательно не всѣ реальныя основанія и основанія реальности предиката суть реальныя основанія вещи. Эти два понятія относятся другъ къ другу, какъ родъ къ виду. Реальное

основаніе вещи есть частный случай субъекта матеріальнаго сужденія. Имѣющее объективное значеніе, т.-е. дѣйствительное реальное основаніе вещи есть объективно опредѣленный, имѣющій объективное значеніе и объективно-необходимый чистый логическій субъектъ матеріальнаго сужденія. Предикатъ, относящійся къ такому реальному основанію вещи, есть его реальное слѣдствіе. Въ противоположность реальному основанію вещи, тѣ основанія, которыя обладаютъ объективною необходимостью не въ этомъ указанномъ только что смыслѣ, могутъ называться простыми основаніями познанія. Конечно, субъектами формальныхъ сужденій служатъ всегда простыя основанія познанія предиката.

92. Ступени субъектовъ и познаніе. Въ предыдущихъ параграфахъ вновь указанъ путь, которымъ должно идти наше познаніе въ отношеніи субъекта сужденія. Первая задача познанія состоитъ въ томъ, чтобы найти для предметовъ объективныя, а не субъективныя только опредѣленія. Это достигается съ помощью наблюденія, направленнаго на самые предметы и временно-пространственную связь или обстановку ихъ. Вмѣстѣ съ объективными опредѣленіями пріобрѣтаются и качественныя опредѣленія (ср. 71) предметовъ. Благодаря наблюденію, направленному на объектъ и его обстановку, субъектъ сужденія становится все болѣе полнымъ и полнѣе опредѣленнымъ съ качественной стороны, т.-е. въ отношеніи собственныхъ его свойствъ и свойствъ пространственно-временной обстановки. Далѣе, задача познанія состоитъ въ томъ, чтобы противопоставить кажущимся субъектамъ субъекты, имѣющіе объективное значеніе, и извлечь изъ нихъ чистыя основанія, имѣющія объективное значеніе, путемъ установки условій предиката, имѣющихъ объективное значеніе. Въ то же время задача познанія состоитъ въ

томъ, чтобы искать вездѣ, въ мірѣ матеріальнаго знанія, объективно-необходимыя, или реальныя основанія вещей. Полученные субъекты, опредѣленные объективно или качественно, даютъ возможность, какъ сказано выше, построить родовое сужденіе. Объективная значимость субъекта, какъ уже замѣчено выше, совпадаетъ съ объективною значимостью сужденія. „Выдѣленіе“ условій имѣющихъ объективное значеніе, приводитъ къ возникновенію все болѣе общихъ сужденій. Наконецъ знаніемъ реальныхъ основаній вещей обусловливается въ особенности (ср. 80) возникновеніе матеріальныхъ родовыхъ сужденій, или знаніе законосообразности объективно дѣйствительнаго міра.

ОТДѢЛЪ IV.

Полнота сужденій и относительность.

Глава XII. Категорическое сужденіе.

93. Традиціонное дѣленіе. Съ точки зрѣнія относительности принято различать категорическія сужденія: „S есть P“, гипотетическія сужденія: „если S существуетъ, то существуетъ и P“ или „если A есть B, то C есть D“, и, наконецъ, сужденія „дисъюнктивныя“: „A есть или B, или C“. Однако эти различія по формѣ не совпадаютъ прямо съ логическими различіями. Одно и то же сужденіе, не измѣняя своего смысла, можетъ быть выражено въ первой или во второй формѣ. Сужденія: „обжегшійся ребенокъ боится огня“ и „если ребенокъ обжегся, онъ боится огня“ высказываютъ одну и ту же мысль. Точно такъ же предложеніе: „A есть или B, или C“ можетъ быть замѣнено предложеніями „если A есть B, то оно не есть C“, „если оно не есть B, то оно есть C“.

94. Если мы будемъ подъ отношеніемъ подразумѣвать логическое отношеніе,—а мы должны это дѣлать, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о логическихъ различіяхъ, — то a priori ясно, что мы не найдемъ различій, которыя бы касались сущности этого отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, логическое отношеніе есть всегда одно и то же отношеніе объективной необходимости или отношеніе между основаніемъ и слѣдствіемъ. Различіе возможно лишь постольку, поскольку въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно поставить вопросъ: насколько далеко простирается отношеніе, въ особенности насколько велика объективная необходимость, съ которою предикатъ входитъ въ порядокъ объектовъ сознанія, т.-е. объективной дѣйствительности? Слѣдовательно вопросъ объ относительности подчиненъ вопросу о полнотѣ сужденія.

95. Категорическое и гипотетическое сужденіе. Такимъ образомъ различіе между категорическими и гипотетическими сужденіями, поскольку оно должно сводиться къ различію въ относительности, подходитъ подъ эту точку зрѣнія. Подъ гипотетическимъ сужденіемъ, если мы серьезно относимся къ этому понятію, мы должны разумѣть исключительно такія сужденія, въ которыхъ мы высказываемъ мысль только гипотетически, т.-е. условно; слѣдовательно, гипотетическими мы должны называть сужденія, высказывающія, что P должно быть мыслимо или присоединено къ S при нѣкоторомъ условіи, о которомъ не сказано, выполнено ли оно. Въ противоположность этому, категорическимъ должно называться всякое сужденіе, не связанное для судящаго ни съ какими условіями, кромѣ тѣхъ, которыя предполагаются въ сужденіи выполненными. Поскольку въ гипотетическомъ сужденіи фактически не осуществляется то, что̀ составляетъ основу сужденія, именно сознаніе, что P присоединяется или должно быть присоединено къ S, постольку гипотетическое сужденіе не есть

настоящее сужденіе. Наоборотъ, категорическое сужденіе есть сужденіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

96. Словесная форма. Естественная форма категорическаго сужденія есть простое утвержденіе: „S есть P“. Къ числу общихъ относятся тѣ категорическія сужденія, которыя могутъ быть выражены также въ мнимо-гипотетической формѣ: „если нѣчто есть S, то оно есть P“. Однако эту форму нужно отличать отъ настоящихъ гипотетическихъ сужденій, въ которыхъ высказывается слѣдующая мысль: „въ случаѣ, если что-либо есть S, то это S должно быть P“. Категорическій смыслъ вышеприведеннаго „если“, очевиденъ, такъ какъ его можно замѣнить словами: „всякій разъ, когда..., во всѣхъ случаяхъ, гдѣ...“. Положеніе, что категорическимъ сужденіямъ свойственна форма простого утвержденія, можно обратить и замѣнить слѣдующимъ: категорическимъ называется всякое такое сужденіе, для котораго форма простого утвержденія оказывается естественною или наиболѣе подходящею.

97. Реальность субъекта въ категорическихъ матеріальныхъ сужденіяхъ. Такъ какъ въ каждомъ матеріальномъ сужденіи сознаніе объективной дѣйствительности субъекта служитъ условіемъ необходимости присоединенія предиката, т.-е. существованія самого сужденія (33), то въ каждомъ фактическомъ или категорическомъ матеріальномъ сужденіи предполагается объективная дѣйствительность субъекта. Наоборотъ, категорическимъ формальнымъ сужденіемъ предполагается лишь, что субъектъ есть возможный предметъ сознанія. Этимъ не указано еще, каковы должны быть субъекты гипотетическихъ сужденій. При этомъ само собою разумѣется, что къ сужденіямъ, не имѣющимъ субъекта, указанное правило не примѣнимо.

98. Кажущееся исключеніе. Сомнѣніе въ общемъ значеніи только что установленнаго правила вытекаетъ, глав-

нымъ образомъ, изъ двухъ причинъ: изъ недостаточнаго различенія субъекта предложенія и субъекта сужденія и изъ недостаточнаго различенія ступеней объективной дѣйствительности. Сужденіе: „Пегасъ имѣетъ крылья“ не предполагаетъ, конечно, объективной дѣйствительности Пегаса въ смыслѣ существованія его внѣ человѣческаго сознанія, но имъ предполагается объективная дѣйствительность Пегаса въ смыслѣ существованія продукта человѣческой фантазіи, обозначаемаго этимъ именемъ; иными словами, этимъ сужденіемъ предполагается не зоологическая, а миѳологическая „реальность“. Тотъ, кто приписываетъ Богу предикаты въ категорическихъ сужденіяхъ, не вѣря въ его существованіе, говоритъ въ дѣйствительности не о Богѣ и его свойствахъ, а только о понятіи Бога и его признакахъ. Но при этомъ онъ предполагаетъ объективную дѣйствительность понятія „Богъ“, или, вѣрнѣе, объективную дѣйствительность того факта, что люди употребляютъ слово „Богъ“ въ нѣкоторомъ опредѣленномъ смыслѣ. Если субъектомъ его сужденія служитъ не понятіе, а представляемый объектъ, то онъ долженъ выражаться точнѣе, именно слѣдующимъ образомъ: „возможный Богъ обладалъ бы такими-то качествами“. Наконецъ, утвердительное общее „сужденіе“: „всѣ деревья въ моемъ саду принадлежатъ къ числу плодовыхъ деревьевъ“, если бы при этомъ оставалось неизвѣстнымъ, существуютъ ли въ моемъ саду вообще какія бы то ни было деревья, было бы, пожалуй, „остроумнымъ“, но логически вовсе не подходящимъ выраженіемъ для отрицательнаго сужденія, что въ моемъ саду, во всякомъ случаѣ, нельзя найти деревьевъ нефруктовыхъ.

Глава XIII. Неполныя сужденія.

99. Сужденія безъ субъекта (экзистенціальныя). Съ точки зрѣнія относительности на низшей ступени

стоятъ, безъ сомнѣнія, сужденія, не имѣющія субъекта, слѣдовательно вообще не заключающія въ себѣ отношенія. Они могутъ состоять лишь въ сознаніи объективной необходимости представлять себѣ P абсолютно, а не при допущеніи какого-либо S; иными словами, ими выражается сознаніе того, что представленіе какого-либо объекта вызывается въ насъ самимъ этимъ объектомъ. Сужденіе безъ субъекта есть простой актъ „признанія" представляемаго объекта, „вѣры" въ него, или сознанія его объективной дѣйствительности: это—экзистенціальное сужденіе. Всякое воспріятіе и воспоминаніе заключаетъ въ себѣ первоначально такое сужденіе, но лишь первоначально, потому что экзистенціальныя сужденія, какъ и всѣ другія, могутъ быть уничтожены дальнѣйшими опытами и необходимою связью ихъ. Въ воспріятіяхъ и воспоминаніяхъ заключается простое экзистенціальное сужденіе, поскольку объектъ воспріятія или воспоминанія еще ни съ чѣмъ не приведенъ въ связь, иными словами постольку, поскольку съ объектомъ не связано сознаніе принадлежности его къ какому-либо другому объекту (ср. 19).

100. Экзистенціальное сужденіе, какъ сужденіе. Не заключая въ себѣ субъекта и не выражая никакого отношенія, экзистенціальныя сужденія не могутъ считаться полными сужденіями. Однако имъ нельзя отказать въ названіи сужденія вообще. Это — единичный актъ „первоначальнаго матеріальнаго познанія", слѣдовательно примитивное матеріальное сужденіе. Какъ уже сказано (19), въ примитивномъ матеріальномъ познаніи производится первое самое общее упорядочиваніе объектовъ: сознаніе объективной дѣйствительности предметовъ отдѣляетъ ихъ отъ всего того, что обладаетъ лишь субъективною дѣйствительностью. Экзистенціальное сужденіе, какъ и всѣ сужденія (39), есть рѣшеніе о бытіи и небытіи, но рѣшеніе самаго примитивнаго характера.

101. Отношеніе къ другимъ сужденіямъ. Экзистенціальное сужденіе есть первоначальное матеріальное сужденіе также и въ томъ смыслѣ, что всякое болѣе полное матеріальное сужденіе предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ экзистенціальныя сужденія. Точнѣе говоря, всякое такое сужденіе заключаетъ въ себѣ столько экзистенціальныхъ сужденій, сколько въ немъ есть элементовъ. Слѣдовательно полное матеріальное сужденіе въ сравненіи съ экзистенціальнымъ не есть сужденіе простое, оно заключаетъ въ себѣ сочетаніе сужденій. Такое полное сужденіе есть сознаніе логическаго отношенія или отношенія логической необходимости между предметами экзистенціальныхъ сужденій. Только логическое отношеніе между предметами сознанія вообще бываетъ дано въ формальномъ сужденіи. Слѣдовательно въ экзистенціальномъ сужденіи, съ одной стороны, и въ формальномъ сужденіи, съ другой стороны, даны отдѣльно двѣ стороны матеріальнаго сужденія. Иными словами, содержаніе экзистенціальнаго сужденія, съ одной стороны, и формальнаго сужденія, съ другой стороны, сочетается въ одно цѣлое въ полномъ матеріальномъ сужденіи.

102. Абсолютное экзистенціальное сужденіе. Экзистенціальныя сужденія, содержащіяся въ актахъ воспріятія и воспоминанія, перестаютъ быть простыми экзистенціальными сужденіями, если ихъ объекты вступаютъ въ необходимую связь. Въ концѣ концовъ, остается одно единственное абсолютное экзистенціальное сужденіе. Предметомъ его служитъ связь объективной дѣйствительности вообще. Это сужденіе имѣетъ значеніе не при какомъ-либо условіи, а абсолютно. Предметомъ этого экзистенціальнаго сужденія служитъ послѣдній и абсолютный субъектъ всѣхъ матеріальныхъ сужденій, имѣющихъ субъектъ, поскольку объектъ всякаго такого сужденія включается въ связь объек-

тивной дѣйствительности. Однако, въ свою очередь, это сознаніе всеобщей связи объективной дѣйствительности основывается на нашихъ отдѣльныхъ воспріятіяхъ и воспоминаніяхъ. Въ концѣ концовъ все матеріальное знаніе зависитъ отъ воспріятія и воспоминанія и заключающагося въ нихъ непосредственнаго сознанія объективности.

103. Матеріальныя экзистенціальныя сужденія отрицательнаго характера. Мы говорили до сихъ поръ лишь объ утвердительныхъ экзистенціальныхъ сужденіяхъ. Между тѣмъ наиболѣе важное значеніе имѣютъ отрицательныя чистыя экзистенціальныя сужденія. Какъ сказано выше, всякое утвердительное матеріальное сужденіе: „S есть P“ заключаетъ въ себѣ сознаніе объективной дѣйствительности всѣхъ своихъ элементовъ. Наоборотъ, отрицательное сужденіе: „S не есть P“ заключаетъ въ себѣ лишь сознаніе объективной недѣйствительности сочетанія S съ P. или сосуществованія этихъ элементовъ, поскольку я разсматриваю его. какъ цѣлое (ср. 58). Въ отрицательномъ матеріальномъ сужденіи, если оно категорическое, объективная дѣйствительность субъекта также прежде всего предполагается. Только произведенное мысленно сочетаніе его съ предикатомъ превращаетъ его для моего сознанія въ объективно недѣйствительный субъектъ. Именно въ сознаніи этой объективной недѣйствительности и состоитъ отрицательное матеріальное сужденіе. Такъ какъ во всякомъ утвердительномъ сужденіи въ скрытой формѣ заключаются отрицательныя сужденія. то и во всякомъ утвердительномъ сужденіи присутствуютъ такія отрицательныя экзистенціальныя сужденія. Всѣ эти отрицательныя экзистенціальныя сужденія безусловны и. слѣдовательно. чисты. въ томъ случаѣ, если отрицательныя или утвердительныя сужденія. въ которыхъ они находятся, относятся къ числу родовыхъ сужденій: „Всѣ люди смертны:

нѣтъ безсмертныхъ людей". Всякое другое полное сужденіе также можетъ быть выражено въ формѣ отрицательнаго экзистенціальнаго; сужденіе: „это S есть P" можно выразить и въ слѣдующей формѣ: „это L, мыслимое, какъ не-P, не существуетъ". Но здѣсь указанная въ словѣ „это" принадлежность къ опредѣленному мѣсту въ объективной дѣйствительности играетъ роль условія, при которомъ S, мыслимое какъ не-P, оказывается недѣйствительнымъ; слѣдовательно, это „мѣсто" есть субъектъ сужденія; поэтому разсматриваемое отрицательное сужденіе не есть чистое экзистенціальное сужденіе. Въ концѣ концовъ, въ свою очередь на ряду съ послѣднимъ утвердительнымъ существуетъ и послѣднее отрицательное экзистенціальное сужденіе, которое въ скрытой формѣ заключается во всѣхъ утвердительныхъ и отрицательныхъ матеріальныхъ сужденіяхъ и по своей природѣ можетъ быть только абсолютнымъ. Объектъ его тотъ же, какъ и въ абсолютномъ утвердительномъ экзистенціальномъ сужденіи. При допущеніи какого-нибудь утвердительнаго сужденія: „это S есть P" или отрицательнаго сужденія: „это S_1, не есть P_1", вся міровая связь превращается для меня въ нѣчто недѣйствительное, если я буду мыслить въ ней S какъ не-P, или S_1, какъ P_1; слѣдовательно я признаю сужденіе: „міръ, въ которомъ это S есть не-P или это S_1, есть P_1 не существуетъ".

104. *Формальныя отрицательныя „экзистенціальныя" сужденія.* Чистому утвердительному экзистенціальному сужденію соотвѣтствуетъ въ области формальныхъ сужденій простое бытіе предмета въ сознаніи, слѣдовательно въ этомъ случаѣ мы не имѣемъ *никакого* сужденія. Наоборотъ, понятіе *отрицательнаго* экзистенціальнаго сужденія можетъ быть перенесено и въ область формальнаго познанія. Однако при этомъ понятія „существованія" и „несуществованія" совершенно измѣняютъ свой смыслъ. По-

нятіе несуществованія въ смыслѣ объективной недѣйствительности замѣняется понятіемъ непредставимости. Но если мы расширимъ такимъ образомъ понятіе существованія и несуществованія, то тогда всѣ формальныя отрицательныя сужденія суть въ то же время чистыя отрицательныя экзистенціальныя сужденія, а всѣ утвердительныя формальныя сужденія заключаютъ въ себѣ въ скрытой формѣ такія отрицательныя экзистенціальныя сужденія. Вѣдь формальнымъ отрицательнымъ сужденіемъ: „S не есть P“ выражается именно сознаніе того, что присоединеніе P къ S приводитъ къ чему-то абсолютно непредставимому.

105. Неполныя матеріальныя сужденія, имѣющія субъектъ. Кромѣ вышеупомянутаго абсолютнаго и отмѣченныхъ затѣмъ отрицательныхъ экзистенціальныхъ сужденій матеріальнаго характера, многія другія сужденія по внѣшности экзистенціальныя, на самомъ дѣлѣ болѣе или менѣе далеки отъ дѣйствительныхъ или чистыхъ экзистенціальныхъ сужденій. Чисто экзистенціальное или совершенно лишенное субъекта сужденіе служитъ исходнымъ пунктомъ, изъ котораго мы приходимъ путемъ любого числа промежуточныхъ ступеней къ сужденію полному, т.-е. имѣющему вполнѣ опредѣленный субъектъ. Однако въ концѣ концовъ для насъ нѣтъ ни одного отдѣльнаго объекта, который бы не былъ уже для насъ какимъ-либо образомъ приведенъ въ связь съ другими и, слѣдовательно, не могъ бы найти въ нихъ своего субъекта. Къ чистому экзистенціальному сужденію ближе всего стоятъ тѣ неполныя сужденія, субъектомъ которыхъ лишь въ неопредѣленной формѣ служитъ вышеупомянутый самый общій субъектъ, связь объективной дѣйствительности вообще. Тотъ, кто высказываетъ сужденіе: „Богъ существуетъ“, тотчасъ же мысленно ставитъ божественное существо въ связь съ этимъ самымъ общимъ субъектомъ, хотя бы у него и не

было представленія о томъ, какъ это божественное существо относится къ дѣйствительному міру. Тотъ, кто высказываетъ сужденіе: „мороситъ“ или: „такое-то историческое событіе существовало“, мыслитъ дождь или событіе въ болѣе или менѣе опредѣленной временной и пространственной, а, можетъ быть, даже и причинной связи, и приписываетъ ему дѣйствительность лишь въ этой связи или при допущеніи ея. Какъ далеко заходятъ эти мыслимыя связи, это зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ лица, высказывающаго сужденіе. Логика и здѣсь не можетъ предписывать, что̀ должно быть въ какомъ-либо изъ случаевъ или въ каждомъ данномъ случаѣ.

106. Неполныя и частичныя сужденія. Изъ сужденій съ субъектомъ, опредѣленнымъ не вполнѣ, заслуживаютъ особаго вниманія тѣ, въ которыхъ высказывается мысль, что объекты опредѣленнаго рода, или примѣры опредѣленнаго общаго понятія существуютъ. Если они принимаютъ экзистенціальную форму, они, обыкновенно, выражаются предложеніями вродѣ: „бываютъ такія-то P“, напр.: „бываютъ люди, лишенные воспріятія нѣкоторыхъ цвѣтовъ“. Такимъ образомъ всегда могутъ быть выражены „частныя“ сужденія: „нѣкоторые люди лишены воспріятія нѣкоторыхъ цвѣтовъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ и другихъ выраженіяхъ высказывается одно и то же содержаніе познанія. Разница заключается лишь въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ дѣйствительность людей предполагается и къ этому предположенію присоединяется сознаніе, что такіе дѣйствительные люди должны быть представлены слѣпыми на нѣкоторые цвѣта при какихъ-то ближе неизвѣстныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ сознанію непосредственно дано цѣлое—люди, слѣпые на нѣкоторые цвѣта, и этому цѣлому приписывается объективная дѣйствительность при какихъ-то ближе неизвѣстныхъ условіяхъ. Третьимъ способомъ выразить тотъ же пси-

хическій фактъ служитъ предложеніе: „нѣкоторыя существа, лишенныя воспріятія нѣкоторыхъ цвѣтовъ, суть люди“.

107. Неполныя сужденія, какъ сужденія отрицательныя. Всѣ неполныя, слѣдовательно, также всѣ „частныя“ сужденія могутъ быть превращены въ полныя, если выразить ихъ въ отрицательной формѣ. Субъектомъ такого отрицательнаго сужденія въ эмпирически обусловленномъ частномъ сужденіи служитъ всегда какая-либо часть дѣйствительности, а въ качественно обусловленномъ, или неопредѣленномъ видовомъ сужденіи, (78)—родъ. Такія отрицательныя сужденія служатъ выраженіемъ мысли, что часть дѣйствительности или родъ, какъ цѣлое, не можетъ быть мыслимъ безъ присоединенія опредѣленнаго представленія. Такъ, въ сужденіи: „нѣкоторые люди слѣпы на нѣкоторые цвѣта“ заключается сужденіе: „все человѣчество не можетъ быть мыслимо совершенно свободнымъ отъ этого недостатка“. Точно также въ сужденіи: „нѣкоторыя коническія сѣченія суть эллипсы“ заключается сужденіе: „плоскость, пересѣкающая конусъ, не можетъ быть представлена послѣдовательно занимающею всѣ положенія безъ того, чтобы при этомъ не получились также эллиптическія сѣченія“.

108. Неполныя формальныя сужденія. Послѣднее сужденіе относится къ числу формальныхъ. Если утвердительныя сужденія, имѣющія форму экзистенціальныхъ, на самомъ дѣлѣ суть сужденія съ неполнымъ субъектомъ, то въ такомъ случаѣ нѣтъ основаній, почему бы они не могли быть также формальными сужденіями.

109. Относительность неполныхъ сужденій. Особенный характеръ неполныхъ сужденій, все равно, вполнѣ ли или не вполнѣ они лишены субъекта, зависитъ отъ особеннаго характера отношенія въ нихъ, поскольку присоединеніе предиката въ нихъ производится дѣйствительно, т.-е. ка-

тегорически, но при этомъ вовсе не указывается или не указывается опредѣленно мѣсто предиката въ связи объективной дѣйствительности или въ содержаніи нашего сознанія.

110. Форма неполныхъ сужденій. На этомъ именно основывается до извѣстной степени право всѣхъ такихъ сужденій имѣть экзистенціальную форму: „Р бываетъ, существуетъ, встрѣчается“ и т. п. Для сужденій съ неопредѣленнымъ субъектомъ еще болѣе подходяща „безличная“ форма—„мороситъ“ и т. п. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что нѣтъ другихъ способовъ для выраженія ихъ, а также, что экзистенціальная или „безличная“ форма предложенія не служитъ выраженіемъ для сужденій съ субъектомъ, вполнѣ опредѣленнымъ. Особеннаго упоминанія заслуживаютъ здѣсь тѣ исключительные случаи, когда безличное предложеніе служитъ выраженіемъ словеснаго сужденія. Когда я говорю ребенку: „дождитъ“, то я могу при этомъ имѣть въ виду сообщить ему, что видимое или слышимое имъ явленіе называется дождемъ. Въ такомъ случаѣ содержаніе воспріятія служитъ субъектомъ, а названіе служитъ предикатомъ сужденія. Обыкновенно, конечно, мысль, выражаемая такимъ предложеніемъ, бываетъ совершенно иною. Во всякомъ случаѣ и здѣсь на основаніи формы нельзя вообще опредѣлять характеръ сужденія.

111. Бытіе не есть предикатъ. Мысль, что въ экзистенціальныхъ и тому подобныхъ сужденіяхъ понятіе дѣйствительности, бытія и т п. служитъ предикатомъ, невѣрна, такъ какъ объективная дѣйствительность не есть возможный предметъ или составная часть представленія на ряду съ другими предметами; дѣйствительность обозначаетъ лишь форму, въ какой намъ данъ предикатъ и вообще всякая часть содержанія во всякомъ матеріальномъ сужденіи, все равно, каковъ предикатъ у него. Что въ каждомъ экзистен-

ціальномъ предложеніи, которое „утверждаетъ", дѣйствительность предмета, и, слѣдовательно, также въ соотвѣтствующемъ сужденіи-предложеніи эта дѣйствительность служитъ сказуемымъ,—это само собою разумѣется. Въ предложеніяхъ, какъ таковыхъ, нѣтъ вообще никакихъ логическихъ различій, а также и различій по относительности.

Глава XIV. Полныя сужденія.

112. Опредѣленность субъекта и осуществимость сужденія въ сознаніи. Сужденіе имѣетъ вполнѣ опредѣленный субъектъ, если въ сознаніи судящаго даны вполнѣ всѣ условія, отъ которыхъ съ точки зрѣнія судящаго зависитъ присоединеніе предиката. Но если даны не всѣ условія, то сужденіе, какъ мысль, вообще не можетъ быть осуществлено въ сознаніи. Въ такихъ случаяхъ замѣстителемъ его должно служить предложеніе.

113. Субъективная опредѣленность. То же относится и къ сужденіямъ съ вполнѣ опредѣленнымъ субъектомъ, если его опредѣленность въ какомъ-либо отношеніи лишь субъективна. Это происходитъ отъ того, что объективный характеръ имѣютъ тѣ опредѣленія, которыя впервые создаютъ предметъ субъекта для представленія (ср. 86). Сужденія съ объективно не вполнѣ опредѣленнымъ субъектомъ непосредственно осуществляются въ сознаніи лишь тогда, когда мы, слѣдуя указаніямъ, заключающимся въ субъективныхъ опредѣленіяхъ, пріобрѣтаемъ объективныя опредѣленія. Всѣ объективно не вполнѣ опредѣленныя сужденія въ этомъ смыслѣ лишь „условно осуществимы" въ сознаніи.

114. „Сужденія относительно истинности". Какъ субъектъ, такъ и предикатъ сужденія можетъ не имѣть объективной опредѣленности, и тѣмъ не менѣе сужденіе мо-

жетъ быть вполнѣ опредѣленнымъ. Такія сужденія, именно вслѣдствіе этого недостатка объективной опредѣленности, удобнѣе и естественнѣе всего выражаются въ предложеніяхъ, сказуемымъ которыхъ служитъ слово „истинный“ или равнозначащее ему выраженіе, напр., „такое-то въ опредѣленномъ номерѣ газеты, въ такомъ-то мѣстѣ сообщенное (по содержанію мнѣ совершенно неизвѣстное) свѣдѣніе есть истина“. Такъ какъ „истина“ вообще не можетъ быть предикатомъ сужденія, — вѣдь сужденіе и заключается въ сознаніи истинности,—то это понятіе не можетъ быть предикатомъ сужденія, соотвѣтствующаго приведенному предложенію. Скорѣе, субъектомъ этого сужденія служитъ событіе, о которомъ говоритъ газета, а предикатомъ то, что̀ она говоритъ объ этомъ событіи. Слѣдовательно, соотвѣтственно требованіямъ логики и схемѣ „S есть P“, приведенное сужденіе выразилось бы слѣдующимъ предложеніемъ: то, о чемъ газета сообщаетъ въ такомъ-то мѣстѣ, есть такое событіе, какимъ оно изображено въ этомъ мѣстѣ. Предложеніе, высказанное въ первой или во второй формѣ, даетъ указанія, какъ получить изъ газетнаго извѣстія сужденіе, объективно опредѣленное въ отношеніи субъекта и предиката и потому непосредственно осуществимое въ сознаніи.

115. Общія сужденія. Сужденія могутъ быть также объективно вполнѣ опредѣленными и все же неосуществимыми непосредственно, какъ сужденія-мысли. Такъ, общія сужденія сами по себѣ всегда въ сознаніи не осуществимы. Въ сужденіи: „всѣ тѣла притягиваются другъ къ другу“ содержаніе понятія „тѣло“ составляетъ полный и объективно вполнѣ опредѣленный субъектъ: ничто, кромѣ тѣлесности, не предполагается нами для сознанія необходимости мыслить протяженіе. Но такъ какъ для нашего сознанія существуютъ лишь такія-то тѣла, находящіяся въ такомъ-то мѣстѣ и времени и

обладающія такими-то свойствами, то это сужденіе можетъ быть осуществлено въ сознаніи лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Оно для сознанія играетъ роль не столько сужденія, сколько правила создавать сужденія. Непосредственно его можно осуществить лишь въ формѣ сужденія-предложенія. Но сужденіе-предложеніе, какъ таковое, есть не общее, а единичное сужденіе.

116. Относительность этихъ сужденій. Во всѣхъ сужденіяхъ, имѣющихъ вполнѣ опредѣленный субъектъ, предикатъ имѣетъ логически опредѣленное мѣсто. Но если субъектъ въ какомъ-либо отношеніи опредѣленъ лишь субъективно, то предикатъ не имѣетъ объективно опредѣленнаго мѣста, или не входитъ въ объективный порядокъ, опредѣленіе котораго служитъ цѣлью познанія. Въ этомъ заключается особенный характеръ логическаго отношенія въ такихъ сужденіяхъ. Инымъ характеромъ въ свою очередь отличается логическое отношеніе въ общихъ сужденіяхъ. Общія сужденія, какъ таковыя, или вовсе не указываютъ или указываютъ, лишь опредѣляя въ нѣкоторыхъ границахъ, мѣсто предиката въ мірѣ представляемыхъ объектовъ или въ мірѣ объективной дѣйствительности, если они относятся къ числу матеріальныхъ сужденій. Первый случай относится къ родовымъ, второй—къ универсальнымъ сужденіямъ.—Поэтому всѣ здѣсь названные виды сужденій суть не со всѣхъ сторонъ полныя сужденія, если принять въ расчетъ логическое отношеніе въ нихъ.

117. Форма общихъ сужденій. Такъ какъ предикатъ общихъ сужденій пріобрѣтаетъ объективно или хотя бы лишь субъективно опредѣленное мѣсто среди представляемыхъ объектовъ или въ мірѣ дѣйствительности, въ случаѣ, если выраженное въ немъ правило примѣняется къ отдѣльнымъ явленіямъ, то этимъ оправдывается мнимо-гипотетическая

форма общихъ сужденій: „если нѣчто есть S, то оно есть P“. И въ самомъ дѣлѣ, общія сужденія, хотя бы они были вполнѣ категорическими, вслѣдствіе этой особенности стоятъ посрединѣ между категорическими единичными и гипотетическими сужденіями. Они суть акты опредѣленнаго упорядоченія лишь условнымъ образомъ, т.-е. при условіи примѣненія правила.

118. Опредѣленность предиката. Какъ субъектъ, такъ и предикатъ сужденія можетъ быть болѣе или менѣе опредѣленнымъ. Если я знаю о розѣ лишь то, что она красна, но не знаю, каковъ ея красный цвѣтъ, то мое сужденіе не имѣетъ опредѣленнаго предиката и, слѣдовательно, принадлежитъ къ числу неполныхъ. Поэтому оно также можетъ быть осуществлено въ сознаніи лишь, какъ сужденіе-предложеніе, но не какъ сужденіе-мысль. Общія сужденія, обыкновенно, имѣютъ не вполнѣ опредѣленный предикатъ и потому на двоякомъ основаніи не осуществимы въ сознаніи. Нечего прибавлять, что всякая лишь субъективная опредѣленность предиката также дѣлаетъ сужденіе, какъ таковое, неосуществимымъ въ сознаніи.

119. Полное отношеніе. „Точныя“ сужденія Полное логическое отношеніе бываетъ лишь въ единичныхъ сужденіяхъ, которыя связываютъ въ нашемъ сознаніи объективно полный и въ единственномъ смыслѣ опредѣленный субъектъ съ такимъ же опредѣленнымъ предикатомъ. Всякое такое сужденіе по праву можетъ быть названо точнымъ. Общія сужденія точны въ томъ случаѣ, если въ нихъ не только съ общимъ субъектомъ связанъ общій предикатъ, но и въ скрытой формѣ къ каждому опредѣленному примѣру субъекта присоединяется такой же опредѣленный примѣръ предиката,—другими словами, въ томъ случаѣ, если съ возможными модификаціями содержанія субъекта связаны законосо-

образно соотвѣтствующія модификаціи содержанія предиката. Всякое выраженіе въ понятіяхъ точныхъ отношеній производится необходимо съ помощью понятій величины: законосообразное отношеніе между величинами получаетъ полное выраженіе въ математической формулѣ. Поэтому идеалъ точнаго общаго сужденія есть законъ, формулированный математически.

Глава XV. Разностороннее и расширенное отношеніе.

120. Взаимныя сужденія. Во всякомъ сужденіи, не лишенномъ субъекта, существуетъ взаимная связь между субъектомъ и предикатомъ. Если всѣ или хотя бы нѣкоторые А суть В, то необходимо нѣкоторые В суть А. Сужденіе поднимается на болѣе высокую ступень, если въ немъ существуетъ не только эта сама собою разумѣющаяся взаимная связь, но и такая связь, въ силу которой субъектъ имѣетъ въ предикатѣ, какъ предикатъ въ субъектѣ, свое полное основаніе, иными словами, въ томъ случаѣ, если субъектъ данъ съ предикатомъ такъ же безусловно, какъ предикатъ съ субъектомъ. Примѣромъ такихъ прямо обратимыхъ или „взаимныхъ“ сужденій служитъ, напр., единичное сужденіе: „Карлъ Великій былъ первымъ римскимъ императоромъ германскаго происхожденія“, или сужденіе: „этотъ домъ стоитъ рядомъ съ этимъ деревомъ“, или родовое сужденіе: „водородъ есть простое тѣло съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ“. О спеціальныхъ видахъ этого рода сужденій сказано будетъ ниже. Значеніе такихъ сужденій станетъ яснымъ, если мы примемъ въ расчетъ, что цѣль знанія всегда заключается въ томъ, чтобы найти взаимныя отношенія между объектами.

121. Цѣпи сужденій. Логическое отношеніе расширяется, если субъектъ сужденія въ свою очередь служитъ

предикатомъ въ другомъ сужденіи или вообще части одного сужденія связаны съ другими сужденіями. Въ первомъ случаѣ является простая цѣпь сужденій, а во второмъ случаѣ возникаетъ какая-нибудь изъ формъ развѣтвленія или сцѣпленія сужденій. Всякій разсказъ, въ которомъ сужденія связаны другъ съ другомъ съ сознаніемъ объективной необходимости, есть цѣпь сужденій. Связь воспріятій и воспоминаній даетъ всегда начало всевозможнымъ развѣтвленіямъ и сцѣпленіямъ сужденій. Даже наши простыя сужденія заключаютъ въ себѣ, обыкновенно (ср. 44), въ потенціальной формѣ развѣтвленія или сцѣпленія сужденій.

122. Необходимыя связи сужденій. Отъ этихъ фактическихъ связей сужденій слѣдуетъ отличать необходимыя связи сужденій. Первыя служатъ условіемъ вторыхъ. Необходимая связь между двумя сужденіями существуетъ тогда, когда одно „слѣдуетъ“ изъ другого, т.-е. такъ связано съ другимъ сужденіемъ, что дано вмѣстѣ съ нимъ и уничтожается при уничтоженіи его, т.-е. при превращеніи его въ противорѣчащее сужденіе, — изъ „S есть P“ въ „S есть какое нибудь не-P“.

123. Выводящія сужденія. Сужденія, связанныя съ сознаніемъ того, что они слѣдуютъ изъ опредѣленныхъ другихъ сужденій, мы называемъ кратко выводящими сужденіями. Они, обыкновенно, имѣютъ слѣдующую форму: „такъ какъ существуетъ S, то существуетъ и P“, „такъ какъ A есть B, то оно есть C“ или „то C есть D“. Выводимое сужденіе мы будемъ называть выводнымъ, а тѣ, изъ которыхъ оно слѣдуетъ, мы будемъ называть обосновывающими сужденіями или посылками. Сознательный переходъ отъ какихъ-нибудь обосновывающихъ сужденій къ соотвѣтствующему выводному сужденію—отъ посылокъ къ соотвѣтствующему „умозаключаемому сужденію“ — есть умозаключеніе. Слѣдовательно, всякое вы-

водящее сужденіе заключаетъ въ себѣ въ скрытой формѣ умозаключеніе; поэтому должно быть столько видовъ выводящихъ сужденій, сколько есть видовъ умозаключеній. Ученіе объ умозаключеніяхъ необходимо заключаетъ въ себѣ опредѣленіе видовъ выводящихъ сужденій.

124. Аналитическія выводящія сужденія. Мы должны здѣсь различить только два вида выводящихъ сужденій. Они соотвѣтствуютъ аналитическимъ, или непосредственнымъ, и синтетическимъ, или опосредствованнымъ умозаключеніямъ. Кромѣ того, мы ограничимся здѣсь лишь дедуктивными выводящими сужденіями, которыя соотвѣтствуютъ дедуктивнымъ умозаключеніямъ. Въ дедуктивномъ выводящемъ сужденіи: „такъ какъ всѣ S суть P, то нѣкоторыя P суть S“, „выводное сужденіе“ получается изъ обосновывающаго путемъ анализа содержанія обосновывающаго сужденія. Такія выводящія сужденія мы называемъ аналитическими. „Слѣдованіе“ въ нихъ есть не что иное, какъ присутствіе одного сужденія въ другимъ, или непосредственная выводимость.

125. Синтетическія выводящія сужденія. Совершенно иной характеръ имѣютъ синтетическія выводящія сужденія: „такъ какъ молнія повредила это дерево, то она нанесла ущербъ моему имуществу“, „такъ какъ это дерево находится въ моемъ саду, то оно должно быть плодовымъ деревомъ“, „такъ какъ Кай человѣкъ, то онъ смертенъ“. Ни въ одномъ изъ этихъ сужденій выводное сужденіе не „слѣдуетъ“ изъ обосновывающаго безъ дальнихъ околичностей, т.-е. не содержится въ немъ непосредственно; здѣсь предполагается еще истиннымъ въ первомъ случаѣ единичное сужденіе: „это дерево есть мое имущество“, во второмъ случаѣ универсальное сужденіе: „всѣ деревья въ этомъ саду суть плодовыя деревья“ и въ третьемъ случаѣ родовое сужденіе, или законъ:

„всѣ люди смертны". Только въ связи съ этими сужденіями приведенныя „обосновывающія" сужденія дѣйствительно обосновываютъ соотвѣтствующія выводныя сужденія. Такъ какъ изъ трехъ различенныхъ здѣсь видовъ синтетическихъ выводящихъ сужденій послѣднія, безъ сомнѣнія, самыя важныя, то мы обращаемъ на нихъ особенное вниманіе и называемъ ихъ сужденіями,—выводящими законъ. Этими сужденіями обосновывается законъ въ томъ смыслѣ, что въ нихъ предполагается законосообразное отношеніе между объектами познанія.

126. Болѣе точное опредѣленіе. Синтетическое (дедуктивное) выводящее сужденіе есть сужденіе, составляющее единство, несмотря на то, что оно заключаетъ въ себѣ много сужденій. Содержаніемъ этого сужденія служитъ сознаніе о томъ, что въ субъектѣ выполнено условіе предиката, и въ какой мѣрѣ оно выполнено, слѣдовательно содержаніемъ его служитъ сознаніе о томъ, въ какой мѣрѣ субъектъ есть дѣйствительный субъектъ сужденія. Въ каждомъ сужденіи полный субъектъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія предиката. Въ (дедуктивномъ) синтетическомъ выводящемъ сужденіи такія условія выдѣлены для сознанія въ особое сужденіе. Сужденіе, выводящее законъ, отличается тою особенностью, что въ немъ выдѣлены условія, съ которыми предикатъ связанъ вообще или законосообразно, иными словами, въ немъ выдѣлено въ особое сужденіе общее основаніе предиката. Это—сужденіе, въ которомъ выражается сознаніе, въ какой мѣрѣ связь между субъектомъ и предикатомъ не только существуетъ, но и имѣетъ характеръ законоособразной связи или общей связи основанія и слѣдствія; короче говоря, это сужденіе, заключающее въ себѣ для сознанія законъ, по которому оно утверждается.

127. Значеніе выводящихъ сужденій. Названіями

„аналитическій" и „синтетическій" обозначается, между прочимъ, и различное значеніе этихъ двухъ видовъ выводящихъ сужденій для знанія. Въ первыхъ выводное сужденіе не заключаетъ въ себѣ никакого знанія, выходящаго за предѣлы того, что уже заключалось въ обосновывающемъ сужденіи. Во вторыхъ выводное сужденіе заключаетъ въ себѣ новое знаніе. Поэтому первыя сужденія могли бы называться просто пояснительными, а вторыя—расширяющими знаніе. Сужденія, выводящія законъ, расширяютъ знаніе, находя законосообразности въ фактахъ.

128. Причинныя сужденія. Сужденіе, выводящее законъ, заключаетъ въ себѣ двоякое отношеніе, именно отношеніе между субъектомъ и предикатомъ и отношеніе между общимъ основаніемъ предиката и предикатомъ. Въ причинномъ сужденіи,—„такъ какъ S существуетъ, то существуетъ и P", или „такъ какъ A есть B, то оно есть C", или „то C есть D",—сюда присоединяется еще своего рода взаимное отношеніе. Изъ причины „слѣдуетъ" дѣйствіе по опредѣленному закону. Поэтому, если дѣйствіе должно быть мыслимымъ, то причину нужно мыслить существующею; если бы причина мыслилась, какъ не существующая, то и дѣйствіе должно было бы представляться не существующимъ. Если я знаю, что нагрѣваніе этого тѣла есть причина его расширенія, или что тѣло расширяется, потому что оно нагрѣвается, то для моего сознанія не только расширеніе необходимо и законосообразно связано съ нагрѣваніемъ, но, и наоборотъ, мысль о нагрѣваніи требуетъ мысли о расширеніи тѣла, такъ что мысль о томъ, что нагрѣваніе не происходило, принуждаетъ меня считать и расширеніе не существовавшимъ въ это время. Причинное отношеніе заключается, какъ мы увидимъ дальше, не въ чемъ иномъ, какъ въ этомъ двустороннемъ логическомъ или лежащемъ въ основѣ сужденія отношеніи. (Ср. гл. XX, XXI).

129. Сужденія о принадлежности. Особый случай причиннаго отношенія составляетъ отношеніе „принадлежности" или отношеніе вещи къ своему свойству, дѣятельности и т. д. Итакъ отношеніе принадлежности есть не что иное, какъ двустороннее логическое отношеніе. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ гл. XXI.

Глава XVI. Гипотетическія сужденія.

130. Опредѣленіе. Всякое выводящее сужденіе становится гипотетическимъ, если неизвѣстно, можно ли считать истиннымъ обосновывающее сужденіе (посылку),– если вмѣсто „такъ какъ" сказано „въ случаѣ",—и потому выводное сужденіе тоже фактически не установлено. При этомъ мы сознаемъ лишь, что нѣчто должно быть мыслимымъ, въ случаѣ если мыслится нѣчто другое. Гипотетическое сужденіе вовсе не есть „сужденіе о сужденіяхъ". Сужденія суть психологическіе процессы; сужденія о нихъ были бы сужденіями о психологическихъ процессахъ. На самомъ же дѣлѣ тотъ, кто говоритъ: „если это вещество водородъ, то оно, соединившись съ кислородомъ, дастъ воду", высказываетъ сужденіе не о психологическомъ, а о химическомъ процессѣ. Или, вѣрнѣе, онъ воздерживается отъ всякаго сужденія о томъ, произойдетъ ли этотъ химическій процессъ. Утвержденіе, что гипотетическое сужденіе есть сужденіе категорическое съ предикатомъ „составляетъ слѣдствіе", также не выдерживаетъ критики. Не говоря уже о томъ, что о выводящихъ сужденіяхъ (123 сс.), которыя вовсе не относятся къ числу гипотетическихъ, пришлось бы сказать то же самое, надобно обратить еще вниманіе на то, что понятіе „быть слѣдствіемъ" вообще не есть возможный предикатъ, такъ какъ это понятіе не можетъ быть элементомъ содержанія сужденія; скорѣе самый актъ сужде-

нія во всякомъ не лишенномъ субъекта сужденіи именно и заключается въ сознаніи, что нѣчто составляетъ слѣдствіе чего-либо другого, или въ сознаніи объективно необходимаго присоединенія. Понятіе „быть слѣдствіемъ“ есть своего рода логическое отношеніе, связывающее предикатъ съ субъектомъ.

131. Осуществленіе въ сознаніи гипотетическаго сужденія. Гипотетическое сужденіе заключается прежде всего въ сознаніи такой законосообразности, благодаря которой, если построено одно сужденіе, должно быть построено и другое. Но эта законосообразность, если отвлечься отъ словеснаго выраженія, можетъ дойти до сознанія не иначе, какъ въ формѣ, по крайней мѣрѣ, попытки мысленно осуществить ее. Тогда возникаетъ попытка построить выводящее сужденіе; иными словами, пытаясь отдаться мысли, что нѣчто есть („посылка“), я сознаю себя вынужденнымъ мыслить, что нѣчто другое также существуетъ (выводное сужденіе). На самомъ дѣлѣ, обыкновенно, когда я строю гипотетическое сужденіе, существуетъ какой-либо поводъ построить посылку. Въ противномъ случаѣ непонятно было бы, какимъ образомъ вообще можно прійти къ гипотетическому сужденію. Но въ сущности гипотетическаго сужденія нѣтъ такого повода. Поэтому гипотетическое сужденіе, *какъ таковое*, какъ сужденіе-мысль, не осуществимо въ сознаніи. Замѣстителемъ его въ сознаніи должно быть сужденіе-предложеніе. Но сужденіе-предложеніе, какъ таковое, имѣетъ, въ свою очередь, не гипотетическій, а категорическій характеръ. При этомъ, конечно, сужденіе-предложеніе, въ которомъ сказуемымъ служатъ слова „есть слѣдствіе“, составляетъ категорическое сужденіе, имѣющее *этотъ предикатъ*.

132. Гипотетическое сужденіе и умозаключеніе. Изъ отношенія гипотетическихъ сужденій къ выводящимъ ясно, что видовъ *гипотетическихъ* сужденій должно быть столько,

сколько есть видовъ умозаключеній. Всякое гипотетическое сужденіе, можемъ мы сказать, заключаетъ въ себѣ или составляетъ гипотетическое умозаключеніе; оно есть умозаключеніе, отличающееся отъ категорическаго или дѣйствительно осуществленнаго въ сознаніи тѣмъ, что въ немъ неизвѣстно, можно ли считать истинными посылки или одну изъ нихъ, а потому и выводное сужденіе не установлено фактически, а признается лишь условно. Всякая посылка категорическаго умозаключенія, истинность которой не подвергается прямо сомнѣнію въ соотвѣтствующемъ гипотетическомъ сужденіи, иными словами, всякое сужденіе, не принимающее формы посылки, изъ которой слѣдствіе могло бы вытекать, предполагается истиннымъ. Такъ, въ сужденіи: „въ случаѣ, если А—мой другъ, онъ мнѣ поможетъ“, общее сужденіе: „всякій мой другъ, располагающій такими же условіями или мотивами для помощи, какіе мы находимъ у А, поможетъ мнѣ“ необходимо предполагается истиннымъ. Въ этомъ сужденіи въ совокупности съ сужденіемъ: „А—мой другъ“ даны посылки для категорическаго умозаключенія: „А поможетъ мнѣ“. Наоборотъ, въ гипотетическомъ сужденіи: „въ случаѣ, если всѣ находившіеся на потерпѣвшемъ крушеніе кораблѣ погибли, то погибъ и X“ предполагается сужденіе, что „X находился на кораблѣ“. (Ср. гл. XL).

133. Аналитическія и синтетическія гипотетическія сужденія. Изслѣдуя гипотетическія сужденія, мы здѣсь такъ же, какъ и въ выводящихъ сужденіяхъ (см. § 124 и сл.), разсматриваемъ только дедуктивныя сужденія и различаемъ среди нихъ (какъ и тамъ) аналитическія и синтетическія. Содержаніемъ первыхъ служитъ сознаніе того, что было бы непосредственно дано вмѣстѣ съ сужденіемъ, если бы оно было истиннымъ: „если бы всѣ S были P, то нѣкоторые P были бы S“. Въ синтетическихъ же сужденіяхъ мы гипотети-

чески присоединяемъ предикатъ къ субъекту съ помощью единичнаго или универсальнаго сужденія, или на основаніи законосообразности между объектами познанія. И здѣсь мы также обращаемъ особенное вниманіе на гипотетическія сужденія, въ которыхъ опосредствующимъ элементомъ служитъ законосообразность. При этомъ возможны два случая: во-первыхъ, можетъ быть установленъ законъ, но неизвѣстно, приложимъ ли онъ къ данному случаю. Сюда относится вышеприведенный примѣръ: „если А мнѣ другъ и т. д.“ Во-вторыхъ, законъ можетъ подвергаться сомнѣнію, но случай, къ которому онъ могъ бы быть примѣненъ, данъ. Сюда относится, напр., слѣдующее сужденіе: „если бы было установлено, что при такихъ-то обстоятельствахъ всегда наступаетъ такое-то слѣдствіе, то оно должно было бы наступить и въ данномъ опредѣленномъ случаѣ“. О третьемъ возможномъ случаѣ, когда и законъ, и событіе, къ которому онъ можетъ быть примѣненъ, не установлены, можно не упоминать, такъ какъ онъ не имѣетъ значенія для познанія. Наоборотъ, два первые противоположные другъ другу вида гипотетическихъ сужденій очень важны для познанія. Въ чемъ заключается ихъ значеніе, объ этомъ будетъ сказано ниже (гл. XL).

134. Нечистыя гипотетическія сужденія. Сужденія, гипотетическія по формѣ и связанныя съ сознаніемъ недѣйствительности посылокъ и выводного сужденія, не относятся къ числу чисто гипотетическихъ. Они бываютъ двухъ видовъ. Въ формѣ: „если бы S существовало, то существовало бы и P“, обыкновенно, высказываются сужденія, которыя точнѣе было бы выражать такимъ образомъ: „только въ томъ случаѣ, если бы S существовало, существовало бы и P, но S не существуетъ, слѣдовательно не существуетъ и P“. Имъ противоположны сужденія: „если бы S существовало, то должно было бы существовать и P“, въ которыхъ съ гипотетическимъ сужденіемъ

связана мысль: „но P не существуетъ, слѣдовательно не существуетъ и S“. Въ обоихъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ гипотетическое сужденіе расширилось и приняло характеръ гипотетически-категорическаго умозаключенія (ср. гл. XL).

135. Модусы гипотетическаго сужденія. Какъ въ категорическомъ (см. §168), такъ и въ гипотетическомъ сужденіи мы различаемъ Modus ponendo ponens (если S существуетъ, то существуетъ и P), ponendo tollens (если S существуетъ, то P не существуетъ), tollendo ponens (если S не существуетъ, то P существуетъ) и tollendo tollens (если S не существуетъ, то и P не существуетъ). И здѣсь сочетаніе двухъ среднихъ модусовъ даетъ такъ называемое „дисъюнктивное“, точнѣе раздѣлительное сужденіе: „или S, или P существуетъ“. Подробнѣе о гипотетическихъ сужденіяхъ будетъ сказано въ гл. XL.

Глава XVII. Раздѣлительныя—«дисъюнктивныя»—сужденія.

136. Опредѣленіе. Такъ называемыя „дисъюнктивныя“ сужденія не составляютъ особаго рода сужденій на ряду съ категорическими и гипотетическими. Однако они составляютъ своеобразное сочетаніе категорическихъ или гипотетическихъ сужденій, которому нельзя отказать и въ своеобразномъ значеніи для познанія. Въ содержаніи этихъ сужденій находятся представленія или понятія, исключающія другъ друга; дисъюнкція есть взаимное исключеніе. Логика вступаетъ въ противорѣчіе съ этимъ опредѣленіемъ, если называетъ раздѣлительными сужденія, имѣющія форму: „A есть B или C, или D и т. д.“, т.-е. сужденія, въ которыхъ нѣсколько предикатовъ не только взаимно исключаютъ другъ друга, но и относятся другъ къ другу такъ, что каждое изъ нихъ требуется, если всѣ остальныя не существуютъ. Такое двоякое отношеніе

лучше всего обозначать понятіемъ дѣленія. Раздѣлительное сужденіе есть сужденіе, въ которомъ подраздѣляется совокупность исключающихъ другъ друга возможностей обсуждаемаго явленія.

137. Категорически-раздѣлительныя сужденія. Виды ихъ. Здѣсь нужно прежде всего различить категорически и гипотетически-раздѣлительныя сужденія. Первыя состоятъ изъ категорическихъ сужденій. Они бываютъ двухъ видовъ. Къ первому относятся раздѣлительныя сужденія о разнообразіи, въ которыхъ одному и тому же субъекту приписывается изъ нѣсколькихъ исключающихъ другъ друга предикатовъ отчасти одинъ, отчасти другой, и такимъ образомъ одинъ предметъ разлагается на много частей безъ разграниченія ихъ. Другой случай составляютъ раздѣлительныя сужденія о группировкѣ, въ которыхъ содержаніе субъекта съ помощью исключающихъ другъ друга предикатовъ превращается въ опредѣленное количество разграниченныхъ объектовъ опредѣленнаго содержанія, или въ ограниченное количество совокупностей (группъ, классовъ) такихъ объектовъ. Примѣромъ перваго рода служитъ сужденіе: „эта поверхность имѣетъ отчасти красный, отчасти голубой цвѣтъ" (т.-е. въ различныхъ своихъ частяхъ красная или бѣлая). Примѣромъ второго рода служатъ слѣдующія сужденія: „предложенія внесли господа X, У и Z"; „самостоятельными архитектурными стилями въ средніе вѣка на западѣ были романскій и готическій стиль (средневѣковой стиль былъ „отчасти" романскимъ, „отчасти" готическимъ, т.-е. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ „или" романскимъ, „или" готическимъ).

138. Подвиды. Послѣдній видъ сужденій можно, въ свою очередь, раздѣлить на два подвида. Во-первыхъ, предикаты могутъ дѣлить эмпирически опредѣленное содержаніе субъекта на группы такихъ отдѣльныхъ объектовъ,

или эмпирически опредѣленные классы ихъ. Сюда относятся оба приведенные выше примѣра. Во-вторыхъ, предикаты могутъ дѣлить лишь качественно опредѣленный, т.-е. родовой субъектъ на нѣсколько видовъ: „животныя бываютъ или позвоночными, или безпозвоночными“. Наконецъ, и это „дѣленіе на виды“ можетъ быть, въ свою очередь, или „эмпирическимъ“, или „логическимъ“, т.-е. субъектъ можетъ дѣлиться на виды, встрѣчающіеся въ опытѣ, или на вообще мыслимые виды. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ формальныхъ раздѣлительныхъ сужденіяхъ,—„коническія сѣченія бываютъ или эллипсами (кругами), или параболами, или гиперболами“,—не можетъ быть рѣчи о различіи между эмпирическимъ и логическимъ дѣленіемъ.

139. Гипотетически-раздѣлительныя сужденія. Кромѣ этихъ видовъ категорически-раздѣлительныхъ сужденій встрѣчаются еще раздѣлительныя сужденія, складывающіяся изъ гипотетическихъ сужденій. Въ разсмотрѣнныхъ сужденіяхъ субъектъ подраздѣляется съ помощью предикатовъ, между тѣмъ какъ въ гипотетически-раздѣлительныхъ сужденіяхъ происходитъ скорѣе дѣленіе предикатовъ, изъ которыхъ производится выборъ въ отношеніи къ одному и тому же объекту. Эти раздѣлительныя („дисъюнктивныя“) сужденія служатъ выраженіемъ моего колебанія и въ то же время сознанія, что я долженъ приписать субъекту одинъ изъ нѣсколькихъ предикатовъ, въ случаѣ, если я отрицаю всѣ остальные, и не могу приписать ему этотъ предикатъ, если приписываю ему одинъ изъ остальныхъ. Примѣромъ этого рода можетъ служить сужденіе: „эта картина написана или Рубенсомъ, или однимъ изъ его учениковъ“.

140. Анализъ раздѣлительныхъ сужденій. Категорически-раздѣлительное сужденіе можетъ быть разложено на большее или меньшее количество простыхъ категорическихъ су

жденій. Такъ, сужденіе: „эта поверхность въ различныхъ своихъ частяхъ имѣетъ красный или зеленый цвѣтъ“ можно разложить на сужденія: нѣкоторыя части этой поверхности красны, другія зелены; красныя части не зелены; не красныя части зелены. Два послѣднихъ сужденія составляютъ modus ponendo tollens и tollendo ponens категорическаго сужденія (68). Точно такъ же гипотетически-раздѣлительное сужденіе разлагается прежде всего на отдѣльныя гипотетическія сужденія. Сужденіе „эта картина написана Рубенсомъ или однимъ изъ его учениковъ“ состоитъ изъ сужденій: „если эта картина написана Рубенсомъ, то она не написана ни однимъ изъ его учениковъ“, и „если она написана не Рубенсомъ, то она написана однимъ изъ его учениковъ“. Эти сужденія составляютъ modus ponendo tollens и tollendo ponens гипотетическаго сужденія. Въ то же время это раздѣлительное сужденіе заключаетъ въ себѣ два категорически-проблематическія сужденія: „возможно, что эта картина принадлежитъ Рубенсу“ и „возможно, что она принадлежитъ ученику Рубенса“. Поскольку эти сужденія категорическія, постольку разсматриваемое сужденіе, хотя и относится къ числу гипотетически-раздѣлительныхъ, какъ цѣлое или само по себѣ принадлежитъ къ числу категорическихъ сужденій. Гипотетически-раздѣлительное и въ то же время само по себѣ гипотетическое сужденіе было бы высказано въ слѣдующемъ случаѣ: „если эта картина относится къ эпохѣ Рубенса, а не составляетъ позднѣйшей копіи, то она написана самимъ Рубенсомъ или его ученикомъ“. Въ этомъ случаѣ изъ раздѣлительнаго сужденія можно получить, кромѣ приведенныхъ гипотетическихъ сужденій, еще гипотетически-проблематическія сужденія: „если эта картина относится къ эпохѣ Рубенса, то она принадлежитъ, быть можетъ, Рубенсу, быть можетъ, одному изъ его учениковъ“. Какъ видно изъ преды-

дущаго, различеніе сужденій, категорически и гипотетически-раздѣлительныхъ, не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о томъ, имѣетъ ли въ то же время сужденіе, какъ цѣлое, категорическій или гипотетическій характеръ.

141. Форма. Различіе между сужденіями категорически и гипотетически раздѣлительными выражается словесно, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что послѣднія преимущественно являются въ формѣ „или—или“, а въ первыхъ эта форма, правда, возможна, но тогда на ряду съ нею допустимо или даже оказывается болѣе естественною формою выраженіе „отчасти—отчасти“ или простое соединеніе предикатовъ связкою „и“. Подробности легко можно вывести изъ сравненія приведенныхъ примѣровъ. Особое значеніе раздѣлительныхъ сужденій для познанія опредѣлится при изслѣдованіи раздѣлительныхъ („дисъюнктивныхъ“) умозаключеній.

ОТДѢЛЪ V.

Объективныя сужденія.

Глава XVIII. Категоріи объективныхъ сужденій.

142. Объективныя сужденія. До сихъ поръ мы изслѣдовали лишь структуру сужденій. Содержаніе сужденія, или то, о чемъ оно высказывается, разсматривалось лишь постольку, поскольку общее различіе между формальными и матеріальными сужденіями уже можетъ считаться различіемъ въ содержаніи сужденій. Это различіе между формальными и матеріальными сужденіями до извѣстной степени перекрещивается съ такимъ же основнымъ различіемъ между объективными и субъективными сужденіями. Содержаніемъ

объективныхъ сужденій, которыя до сихъ поръ мы имѣли, главнымъ образомъ, въ виду, служитъ сознаніе объективной необходимости объективнаго порядка, т.-е. порядка, въ который вступаютъ сами объекты, такъ что для возникновенія его не нужно никакой особенной направленной на объекты дѣятельности субъекта, кромѣ самаго акта представленія.

143. Субъективныя сужденія. Однако порядокъ, представляющійся въ сужденіи объективно необходимымъ, можетъ быть въ то же время исключительно субъективнымъ, несмотря на сознаніе объективной необходимости. Мы называемъ его субъективнымъ и соотвѣтственно этому считаемъ сужденіе субъективнымъ сужденіемъ, если мы сами приводимъ объекты въ порядокъ, т.-е. дѣлаемъ ихъ предметомъ присоединяющейся къ нимъ упорядочивающей или соотносящей дѣятельности — соединенія, раздѣленія, сравненія, различенія. Объективный порядокъ даютъ себѣ объекты, субъективный создаемъ мы сами. При этомъ сознаніе объективной необходимости, слѣдовательно, субъективное сужденіе состоитъ въ сознаніи, что въ этой самой по себѣ свободной дѣятельности мы все же связаны объектами. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ гл. XXII.

144. Объективныя формальныя сужденія. Сужденія о пространствѣ. Мы будемъ изслѣдовать, прежде всего, объективныя сужденія. Формальныя сужденія этого рода бываютъ трехъ видовъ: сужденія о пространствѣ, сужденія о времени и сужденія о качествѣ. Къ первымъ относятся общія сужденія о свойствахъ нашего представленія пространства, слѣдовательно, сужденія о томъ, что пространство имѣетъ три измѣренія, что оно повсюду однородно, что оно непрерывно и что нельзя себѣ представить его границы; съ другой стороны, сюда относятся геометрическія сужденія. Такъ, если я приписываю треугольнику вообще сумму угловъ, на-

ходимую мною въ какомъ-либо отдѣльномъ треугольникѣ, то это—объективное формальное сужденіе. Утвержденіе же, что эта сумма угловъ равна двумъ прямымъ, есть субъективное сужденіе.

145. Сужденія о времени. Точно такъ же къ числу объективныхъ формальныхъ сужденій относятся общія сужденія о представленіи времени: время имѣетъ лишь одно измѣреніе, или объектъ можетъ въ немъ лишь предшествовать другому объекту, слѣдовать за нимъ или же сосуществовать съ нимъ, время всегда однородно, должно быть мыслимо непрерывнымъ, и границъ его нельзя себѣ представить.

146. Формальныя сужденія о качествѣ. Наконецъ, къ числу объективныхъ сужденій относятся формальныя сужденія о качествѣ, т.-е. сужденія, содержаніемъ которыхъ служатъ общія качественныя опредѣленія нашихъ представленій; таковы сужденія, что всякій цвѣтъ имѣетъ степень яркости, при уменьшеніи которой онъ приближается къ черному цвѣту, что непрерывность тоновъ имѣетъ лишь три измѣренія, или измѣняется лишь по тремъ направленіямъ, именно въ отношеніи высоты, силы и тембра и т. д.

147. Формальныя сужденія и матеріальное знаніе. Всѣ объективныя формальныя сужденія становятся составными частями нашего знанія объ объективной дѣйствительности постольку, поскольку объекты, о которыхъ мы судимъ, находятся въ мірѣ объективной дѣйствительности. Всякое знаніе, какъ одинъ изъ видовъ дѣятельности представленія, подчинено законамъ процессовъ представленія, обнаруживающимся для сознанія именно въ объективныхъ формальныхъ сужденіяхъ. Объективно дѣйствительный треугольникъ, какъ уже было сказано при случаѣ, имѣетъ для насъ въ дѣйствительности ту сумму угловъ, которая въ нашемъ представленіи соотвѣтствуетъ представляемому лишь треугольнику. Вслѣдствіе

этого, однако, сужденіе о суммѣ угловъ дѣйствительнаго треугольника вовсе не становится матеріальнымъ; оно есть формальное сужденіе, перенесенное на дѣйствительность. Матеріальнымъ оно было бы для сознанія того человѣка, для котораго оно обозначало бы лишь результатъ наблюденія, а не необходимость въ процессѣ представленія.

148. Объективныя матеріальныя сужденія. Предметы объективныхъ матеріальныхъ сужденій также опредѣлены не иначе, какъ во времени, въ пространствѣ и по качеству. Говоря вообще, предметомъ ихъ служитъ представляемый міръ, складывающійся изъ содержаній нашихъ воспріятій, протяженныхъ, расположенныхъ во времени и пространствѣ и качественно опредѣленныхъ. Нельзя себѣ представить ничего такого, элементы чего не были бы даны въ воспріятіи. Но это воспріятіе есть или чувственное воспріятіе, складывающееся изъ цвѣтовъ, звуковъ и т. д., какъ элементовъ, или самовоспріятіе, элементами котораго служатъ виды самочувствія, т.-е. чувства удовольствія, неудовольствія, стремленія.

149. Сферы этихъ сужденій. Объективныя матеріальныя сужденія могутъ быть отнесены къ различнымъ сферамъ, смотря по ступенямъ объективной дѣйствительности, которая предполагается въ ихъ субъектахъ и приписывается ихъ предикатамъ. Съ этими сферами перекрещиваются опредѣленнымъ образомъ двѣ самыя общія сферы: сужденій о *я*, или актовъ самопознанія, и сужденій о мірѣ вещей. Сознаніе, о чемъ я грезилъ теперь на яву или сегодня ночью во снѣ, знаніе условій моихъ актовъ представленія, воспоминанія о томъ, какого цвѣта былъ цвѣтокъ, мысль о сущности вещей—эти духовные акты относятся къ четыремъ различнымъ сферамъ объективныхъ матеріальныхъ сужденій. (См. гл. IV).

150. Психологическія сужденія. Акты самопозна-

нія суть сужденія психологическія, и притомъ субъективно психологическія. Имъ противоположны объективно психологическія сужденія. Объективная дѣйствительность ихъ предметовъ состоитъ въ существованіи ихъ въ чужомъ сознаніи или въ принадлежности ихъ къ чужой духовной личности вообще. Сужденія этого рода получаются путемъ перенесенія знанія, пріобрѣтеннаго изъ собственнаго психологическаго опыта, на предметы чувственнаго воспріятія, именно на чужія тѣла и ихъ жизненныя проявленія. Эти объективно психологическія сужденія также могутъ быть отнесены къ особой сферѣ.

151. Фиктивныя сужденія. О фиктивныхъ матеріальныхъ сужденіяхъ, т.-е. о сужденіяхъ, въ которыхъ объективная дѣйствительность предметовъ лишь предполагается, нельзя говорить въ вышеуказанномъ смыслѣ, что они относятся къ особой сферѣ сужденій. Отличительная особенность ихъ заключается скорѣе въ особенномъ характерѣ сознанія объективной дѣйствительности. Въ нихъ существуетъ на лицо это сознаніе, несмотря на противоположное знаніе. Такія фиктивныя сужденія бываютъ, въ свою очередь, различныхъ видовъ. Особеннаго упоминанія заслуживаютъ тѣ изъ нихъ, содержаніемъ которыхъ служитъ пониманіе и сознаніе истинности художественнаго изображенія. Мы „вѣримъ“ художественному изображенію—вѣримъ страданію, выраженному жестами, благородному образу мыслей, выражающемуся въ поступкахъ,—на томъ же положительномъ основаніи, на которомъ вообще основывается вѣра. „Убѣдительное“ художественное изображеніе приводитъ къ тому, что мы сознаемъ себя объективно вынужденными къ представленію страданія или благородства. Однако, съ другой стороны, мы можемъ вѣрить во все это не потому, что сомнѣніе логически исключено, а потому, что художественное изображеніе переноситъ насъ въ свой собственный міръ, именно въ

міръ художественнаго изображенія, отрываетъ насъ отъ міра дѣйствительности, изъ котораго вытекаетъ наше сомнѣніе или наше противоположное знаніе; и такимъ образомъ психологически устраняетъ въ насъ это сомнѣніе или это противоположное знаніе. Слѣдовательно, вѣра въ художественное изображеніе есть нѣчто совершенно своеобразное, отличающееся отъ другихъ формъ вѣры или „мнѣнія“,—не вѣроятность, но и не обманъ или иллюзія въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Также и въ другихъ фиктивныхъ сужденіяхъ, напр., въ научныхъ фикціяхъ, сомнѣніе или знаніе противоположнаго психологически исключено въ то время, когда мы строимъ фиктивное сужденіе. Мы уступаемъ наличному стремленію построить сужденіе и отдаемся ему, т.-е. на время оставляемъ въ бездѣйствіи сомнѣніе или противоположное сужденіе, не уничтожая его логически.

152. Мнимыя сужденія. Фиктивнымъ сужденіямъ послѣдняго рода до извѣстной степени, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ, аналогичны уже упомянутыя выше мнимыя (формальныя) сужденія, содержаніемъ которыхъ служитъ не воображаемая дѣйствительность, а мнимые объекты представленія. Въ фиктивныхъ матеріальныхъ сужденіяхъ мы переносимъ законы дѣйствительности на недѣйствительное, какъ будто бы оно существовало на самомъ дѣлѣ; въ мнимыхъ сужденіяхъ мы переносимъ законы представимаго на непредставимое. Мнимыя сужденія или сужденія о мнимыхъ объектахъ, спеціально математическія сужденія о мнимыхъ величинахъ, какъ уже сказано раньше, возможны постольку, поскольку допустимо это перенесеніе. (Ср. 55).

Глава XIX. Номинальныя сужденія.

153. Номинальныя и реальныя сужденія. Къ числу психологическихъ сужденій относятся также всѣ номи-

нальныя сужденія. Въ этомъ отдѣлѣ они составляютъ особый видъ, заслуживающій особеннаго вниманія. Содержаніемъ номинальнаго сужденія служитъ сознаніе объективной связи между представленіемъ слова или сочетаніемъ такихъ представленій, съ одной стороны, и представленіемъ вещи или объекта, обозначаемаго словомъ или же сочетаніемъ словъ, съ другой стороны. Одно и то же предложеніе можетъ служить выраженіемъ и для номинальнаго сужденія, и для сужденія о самихъ вещахъ, называемыхъ словами. Тотъ, кто высказываетъ сужденіе: „снѣгъ бѣлъ", можетъ въ одномъ случаѣ желать сказать, что объектъ снѣгъ имѣетъ свойство бѣлизны, а въ другомъ случаѣ, что словомъ „снѣгъ" обозначается нѣчто бѣлое. Въ первомъ случаѣ субъектомъ сужденія служитъ снѣгъ, а во второмъ слово „снѣгъ".

154. Номинальныя сужденія, какъ сужденія психологическія. Связь представленія бѣлаго объекта съ представленіемъ слова „снѣгъ" или необходимость сочетать эти представленія заключается однако не въ словѣ „снѣгъ", какъ таковомъ, а въ словѣ „снѣгъ", поскольку я его разсматриваю, какъ имя. Слово становится именемъ не по своей природѣ, а благодаря волѣ тѣхъ, кто пользуется имъ, какъ средствомъ, чтобы называть или обозначать имъ объекты, т.-е. вызывать въ другихъ людяхъ представленія опредѣленныхъ объектовъ. Слѣдовательно, содержаніемъ номинальнаго сужденія: „снѣгъ бѣлъ", если оно вполнѣ доходитъ до сознанія, должна служить мысль, что мнѣ слѣдуетъ со словомъ „снѣгъ" сочетать представленіе бѣлаго объекта, поскольку я мыслю слово, какъ орудіе воли, занятой обозначеніемъ объектовъ, или, короче говоря, какъ знакъ для объектовъ, относящійся къ сферѣ опредѣленнаго словоупотребленія. Предполагаемое въ такихъ номинальныхъ сужденіяхъ сознаніе объективной дѣйствительности есть не что иное, какъ сознаніе, что существуетъ слово, какъ

такой-то знакъ, или что такое-то употребленіе слова примѣняется въ дѣйствительности. Субъектомъ такихъ сужденій служитъ не слово, какъ таковое, а слово съ установившимся значеніемъ въ рѣчи. Какъ во всякомъ дѣйствительномъ сужденіи, такъ и здѣсь необходимость присоединять предикатъ къ субъекту есть необходимость въ полномъ (логическомъ) смыслѣ слова: я не могу уничтожить предикатъ, не уничтожая субъектъ, т.-е. я не могу связать со словомъ „снѣгъ" представленіе иначе окрашеннаго объекта, не сознавая, что противорѣчу требованіямъ обычнаго словоупотребленія.

155. Пояснительныя и называющія сужденія. Приведенное только что въ видѣ примѣра номинальное сужденіе есть, точнѣе говоря, пояснительное номинальное сужденіе. Въ немъ имя служитъ субъектомъ. Этимъ сужденіямъ противоположны называющія сужденія, напр., сужденіе: „это—снѣгъ", въ которыхъ имя служитъ предикатомъ, а вещь субъектомъ. И здѣсь на самомъ дѣлѣ субъектомъ служитъ не вещь снѣгъ, а вещь, какъ предметъ называющей воли. И здѣсь объективная необходимость сочетанія заключается въ невозможности противоположнаго сочетанія: я не могу сочетать съ вещью представленіе другого имени, не согласимаго съ нею вслѣдствіе обычнаго словоупотребленія, не сознавая въ то же время, что я противорѣчу этимъ объективно дѣйствительному словоупотребленію.

156. „Аналитическія" сужденія. „Аналитическія" сужденія Канта суть не что иное, какъ пояснительныя номинальныя сужденія. Содержаніемъ ихъ служитъ сознаніе того, что какой-либо признакъ содержится въ понятіи, т.-е. что онъ входитъ въ значеніе слова. „Тѣла (по своему понятію) протяженны", т.-е. словомъ „тѣло" обозначается нѣчто протяженное. „Аналитическія" сужденія возможны постольку, поскольку благодаря словоупотребленію признаки вошли въ содержаніе понятій,

т.-е. въ значеніе словъ. Развитіе знанія создаетъ все новыя понятія и даетъ имъ все болѣе богатое и полное содержаніе; благодаря этому, возможно появленіе новыхъ аналитическихъ сужденій. Въ научномъ понятіи матеріи заключается, въ концѣ концовъ, все научное знаніе о матеріи; только тотъ, кто обладаетъ всѣми этими научными знаніями, знаетъ все, что заключаетъ въ себѣ слово „матерія" въ наукѣ; поэтому для того, кто обладаетъ этими знаніями, всѣ сужденія о матеріи могутъ быть аналитическими. Можно сказать, что цѣль знанія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать возможными вездѣ аналитическія сужденія.

157. Подчиняющія сужденія. Къ числу называющихъ сужденій относятся также сужденія, „подчиняющія" предметъ понятію. Они подводятъ предметъ подъ понятіе, т.-е. включаютъ его въ сферу значенія имени. Этимъ указано уже, какой элементъ присоединяется въ подчиняющихъ сужденіяхъ къ простому называнію. Этотъ элементъ заключается въ сознаніи, что то же имя принадлежитъ и другимъ предметамъ. Слѣдовательно, въ подчиняющемъ сужденіи предметъ въ то же время „соподчиняется" понятію вмѣстѣ съ другими предметами, или „включается" въ „сферу" значенія имени. Такимъ образомъ, содержаніемъ подчиняющаго сужденія: „это—роза", если выразить его вполнѣ, служитъ сознаніе, что этотъ объектъ такъ же, какъ и другіе, имѣетъ основаніе называться розою, или есть одинъ изъ объектовъ, имѣющихъ основаніе называться этимъ именемъ. Вопросъ о томъ, выражается ли даннымъ предложеніемъ подчиняющее или реальное сужденіе, такъ же, какъ и вопросъ, выражается ли даннымъ предложеніемъ „аналитическое" или реальное сужденіе, всегда можетъ быть рѣшенъ лишь самимъ судящимъ лицомъ или же на основаніи того сочетанія мыслей, въ которомъ находится сужденіе. Вышеприведенное предложеніе не служитъ выраже-

ніемъ подчиняющаго сужденія, если судящій, говоря съ человѣкомъ, который хорошо знаетъ, что такое роза, хочетъ сказать этимъ сужденіемъ, каковы свойства показываемаго предмета.

158. Взаимныя номинальныя сужденія. Къ числу взаимныхъ, и притомъ, смотря по точкѣ зрѣнія, взаимныхъ называющихъ или пояснительныхъ сужденій относятся сужденія, отождествляющія два понятія или смыслъ двухъ словъ, а также сочетаній словъ. Всякое опредѣленіе есть, прежде всего, такое „отождествленіе понятій“. Содержаніемъ опредѣленія служитъ сознаніе того, что смыслъ имени или содержанія понятія можетъ быть выраженъ также другими словами, и что представленія, связанныя съ этими другими именами, связаны въ то же время съ первымъ именемъ. Отъ подобныхъ отождествленій понятій слѣдуетъ отличать сужденія, содержаніемъ которыхъ служитъ мысль о томъ, какіе предметы исключительно подразумѣваются подъ даннымъ названіемъ. Они также относятся къ числу взаимныхъ, именно, съ одной стороны, къ числу называющихъ, а съ другой стороны, къ числу пояснительныхъ (при обращеніи) сужденій. Такъ, сужденіе: „элементъ съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ есть водородъ“ (т.-е. то, чтó называется словомъ „водородъ“) заключаетъ въ себѣ, съ одной стороны, называющее сужденіе: „элементъ съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ называется водородомъ“, а съ другой стороны, пояснительное сужденіе: „то, чтó называется водородомъ, есть элементъ съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ“. Само собою разумѣется, приведенное выше предложеніе можетъ быть также выраженіемъ простого отождествленія понятій. Конечно, и здѣсь только лицо, высказывающее сужденіе, или только связь мыслей могутъ указать, какое сужденіе высказывается предложеніемъ.

159. Безусловныя и условныя номинальныя

сужденія. Номинальныя сужденія могутъ называться безусловными въ томъ случаѣ, если имя сдѣлалось таковымъ благодаря общему словоупотребленію, т.-е. если названіе установлено общею волею народа, говорящаго даннымъ языкомъ, и если въ то же время слово и названіе связаны другъ съ другомъ независимо отъ какихъ-либо предвзятыхъ предположеній. Съ другой стороны, номинальныя сужденія могутъ быть также въ различныхъ степеняхъ и различнымъ образомъ условными. Различные отдѣлы наукъ и т. д. пользуются, на ряду съ общимъ, также особеннымъ словоупотребленіемъ; точно такъ же слова по волѣ тѣхъ, кто пользуется ими, въ одномъ сочетаніи мыслей могутъ имѣть одно, въ другомъ другое значеніе. Въ такихъ случаяхъ слова, дѣйствительно, служатъ субъектомъ или предикатомъ номинальнаго сужденія лишь постольку, поскольку эти условія ихъ употребленія также предполагаются въ сужденіи. Наконецъ, вовсе не относятся къ числу номинальныхъ сужденій, такъ какъ вовсе не относятся къ числу сужденій, заявленія, что такое-то слово или символъ въ какомъ-либо сочетаніи должно быть принято за знакъ вещи. Лишь послѣ того, какъ благодаря такому свободному установленію именъ для опредѣленнаго порядка мыслей фактически устанавливается словоупотребленіе, сознаніе о немъ становится сужденіемъ.

160. Номинальныя сужденія, какъ процессы сознанія. Обыкновенно, не весь смыслъ или не все содержаніе номинальныхъ сужденій доходитъ до сознанія, какъ мы уже намекнули выше (154). Предположеніе, благодаря которому только и можетъ быть связано въ нашемъ сознаніи имя съ вещью и, наоборотъ, именно мысль о волѣ, занятой называніемъ предметовъ, не доходитъ до сознанія или не должно непремѣнно быть въ сознаніи. Въ сознаніи, обыкновенно, лишь присутствуетъ простое чувство необходимости приписывать объекту имя и

имени значеніе. Само собою разумѣется, при этомъ въ номинальномъ сужденіи не можетъ быть и рѣчи о представляемомъ отношеніи между вещью и именемъ, слѣдовательно, также о существующей въ сознаніи „имманентности“ или взаимопроникновеніи представленій субъекта и предиката. (Ср. 42).

Глава XX. Понятіе причины.

161. Понятія, служащія элементами сужденія. Какъ мы говорили выше, сужденіе, и въ частности объективное сужденіе, должно черпать все свое содержаніе изъ воспріятія, не исключая и пространственнаго, и временного порядка въ содержаніи воспріятія. Понятія, входящія въ сужденіе, также не могутъ имѣть содержанія, которое не было бы, въ концѣ концовъ, получено изъ воспріятія, хотя бы и съ помощью разнообразныхъ комбинацій, усиленій и абстракцій. Всѣ понятія, у которыхъ нѣтъ такого содержанія, пусты, т.-е. сводятся къ однимъ лишь словамъ. Логика не имѣетъ права признавать и употреблять понятіе, если нельзя показать, что элементы содержанія его даны въ какомъ-либо опытѣ. При этомъ она должна всегда дать полный отчетъ о формѣ этого опыта. Это замѣчаніе въ особенности относится къ понятіямъ или „категоріямъ“ причины и дѣйствія, силы и закона, субстанціи и акциденціи, дѣятельности и пассивности, необходимости и возможности, которыя управляютъ вездѣ нашимъ знаніемъ или, по крайней мѣрѣ, господствуютъ въ нашемъ языкѣ.

162. Причинныя сужденія. Прежде всего понятіе причинности или причиннаго отношенія кажется новымъ и своеобразнымъ элементомъ содержанія сужденій. Если бы это было вѣрно, то тогда существовали бы причинныя сужденія или сужденія объ отношеніи причинности, наподобіе сужденій объ отношеніяхъ въ пространствѣ или во време-

ни. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже намекали при случаѣ, отношеніе причинности не есть возможное содержаніе сужденія; оно есть особая форма акта сужденія. Причинность не есть отношеніе между мыслимыми объектами, о которыхъ мы составляемъ сужденіе; она есть отношеніе, существующее въ мышленіи, т.-е. видъ логическаго отношенія.

163. Понятіе причины: описательныя выраженія. Вопросъ, что̀ мы думаемъ, называя что-либо причиною или дѣйствіемъ, или какое содержаніе сознанія соотвѣтствуетъ этимъ словамъ, вовсе не поясняется опредѣленіями причины, какъ того, чѣмъ производится или порождается что-либо другое. Въ этихъ выраженіяхъ только обобщается, безъ всякаго на то права, наглядная форма происхожденія опредѣленныхъ причиненныхъ событій, а общій смыслъ самой причинности вовсе не затрогивается. Точно такъ же понятіе причинности вовсе не поясняется о́бразными выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: причина есть то, „вслѣдствіе чего" осуществляется что-либо, или причина есть „носитель" дѣйствія и т. д.

164. Сила, научное примѣненіе этого понятія. Понятіе причины не разъясняется также и понятіемъ силы. При этомъ нужно различить научное и наивное понятіе силы. Первое вообще не имѣетъ притязаній разъяснять явленія; оно исключительно играетъ роль вспомогательнаго понятія или удобнаго выраженія для обозначенія факта, что причинное отношеніе въ данномъ случаѣ существуетъ, или что съ наблюдаемымъ явленіемъ другое связано закономѣрно. Такъ, понятіе „силы притяженія" въ наукѣ служитъ лишь краткимъ выраженіемъ того факта, что при извѣстныхъ условіяхъ тѣла не случайно, а закономѣрно двигаются другъ къ другу опредѣленнымъ образомъ. Цѣнность

научнаго понятія силы увеличивается, когда количественное опредѣленіе силы служитъ краткимъ выраженіемъ количественно опредѣленной законосообразности.

165. Наивное понятіе силы. Иной характеръ имѣетъ наивное понятіе силы, изъ котораго, впрочемъ, развилось научное понятіе, съ помощью процесса очищенія. Для наивнаго разсмотрѣнія вещей „силы“ суть нѣчто, служащее посредникомъ между причинами и дѣйствіями; „съ помощью“ ихъ причина производитъ дѣйствіе; этимъ словомъ обозначается въ причинѣ дѣйствительно дѣятельный факторъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простымъ сокращеннымъ выраженіемъ, а съ особымъ нѣчто въ вещахъ или при нихъ. Это понятіе силы возникаетъ изъ внутренняго воспріятія; нѣтъ болѣе источника, изъ котораго оно могло бы происходить. Только въ насъ, именно въ содержаніи нашего чувства силы или чувства не напраснаго напряженія воли, и болѣе нигдѣ въ мірѣ, мы находимъ то, чтó даетъ этому понятію смыслъ и содержаніе. Мы переживаемъ чувство силы, когда сами составляемъ причину дѣйствій: при этомъ напряженіе воли кажется намъ средствомъ для дѣйствія. Въ то же время намъ кажется, что эта связь между напряженіемъ воли и нашимъ поступкомъ понятна намъ непосредственно. Поэтому и связь между причинами и дѣйствіями въ мірѣ вещей кажется намъ понятною, когда мы мыслимъ ее по аналогіи съ этою связью, т.-е. приписываемъ и „дѣйствующимъ вещамъ“ нѣчто аналогичное содержанію нашего чувства силы.

166. Критика. Это примышляемое нами представленіе обосновано прежде всего не объективно, а лишь субъективно. Въ этомъ процессѣ осуществляется потребность нашей фантазіи, а не существующая для нашего разума необходимость. Этотъ процессъ есть форма эстетическаго созерцанія вещей, а не актъ познанія, слѣдовательно не предметъ логики или

теоріи знанія. Въ основѣ этого процесса лежитъ то всеобщее стремленіе къ олицетворенію объектовъ или вкладыванію содержаній въ объекты, отъ котораго мы никогда не можемъ вполнѣ освободиться. При этомъ, съ другой стороны, даже и связь между нашимъ напряженіемъ воли или нашимъ чувствомъ силы и нашими поступками лишь кажется такою непосредственно понятною. Происходитъ это отъ того, что связь эта для насъ чрезвычайно привычна. Сама по себѣ она не понятнѣе, чѣмъ какая бы то ни была другая причинная связь въ мірѣ. Поэтому и вкладываніе содержанія нашего чувства силы въ вещи не дѣлаетъ для насъ понятною причинность вещей. Если допустить, что мы имѣемъ право на это вкладываніе, то вопросъ, какое отношеніе связываетъ причину и дѣйствіе, только замѣнился бы другимъ вопросомъ, какое отношеніе существуетъ между силою и ея дѣйствіемъ, или проявленіемъ; иными словами, вопросъ о смыслѣ причинности возникъ бы вновь.

167. Дѣятельность и пассивность. Въ непосредственной связи съ понятіемъ силы находятся противоположныя понятія дѣятельности (дѣланія, „дѣйствованія") и пассивности; самопроизвольности (спонтанности) и воспріимчивости. (рецептивности). Смѣна явленій, находимая нами въ мірѣ, есть повсюду не что иное, какъ простой, фактически существующій процессъ. Только въ насъ мы находимъ, что всякій процессъ, съ одной стороны, можно характеризовать, какъ дѣятельность, а, съ другой стороны, какъ пассивность. Мы сознаемъ себя дѣятельными, т.-е. мы сознаемъ, что процессъ сопровождается въ насъ чувствомъ хотѣнія, удовлетворяющимся при своемъ осуществленіи: это бываетъ, обыкновенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы сами составляемъ причину явленія. Мы сознаемъ себя пассивными, когда явленіе само по себѣ совершается безъ такого сопровождающаго его чувства или такъ, что съ

нимъ связано чувство противорѣчія нашей волѣ. Соотвѣтственно этому мы, подчиняясь склонности къ антропоморфизму, называемъ также вещи активными, дѣятельными, самопроизвольными, если полагаемъ, что нашли въ нихъ причину явленія, и считаемъ ихъ пассивными, поскольку въ нихъ совершается явленіе, имѣющее причину въ другой вещи. Мы называемъ одну и ту же вещь въ отношеніи къ одному и тому же явленію активною или пассивною, смотря по тому, обращаемъ ли мы вниманіе на условія явленія, лежащія въ ней самой или внѣ ея: падающій камень кажется намъ активнымъ, поскольку онъ „вслѣдствіе своей тяжести" приближается къ землѣ, и пассивнымъ, поскольку земля „принуждаетъ" его къ этому „своею притягательною силою". Антропоморфизмъ, выражающійся во всѣхъ этихъ оборотахъ рѣчи, становится вполнѣ яснымъ, когда мы вкладываемъ даже въ камень „стремленіе" къ землѣ или въ землю стремленіе притягивать его. Какъ это стремленіе, такъ и всякая активность, составляющая лишь иное выраженіе этого же понятія стремленія, а также всякая пассивность вещей относятся къ области эстетическаго созерцанія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что мы должны, или даже, что мы можемъ изгнать ихъ изъ словеснаго выраженія нашихъ познавательныхъ актовъ. Нашъ языкъ вездѣ связанъ съ антропоморфизмомъ; всякій дѣйствительный и страдательный залогъ служитъ свидѣтельствомъ этого. Даже и при допущеніи, что въ вещахъ есть активность и пассивность, или что есть смыслъ вкладывать въ вещи содержаніе нашего чувства активности и пассивности, мы бы этимъ такъ же мало подвинулись впередъ въ пониманіи причиннаго отношенія, какъ и прибѣгая къ понятію силы. Вопросъ о сущности причиннаго отношенія вообще превратился бы только въ вопросъ о сущности причиннаго отношенія между дѣятельностью вещи и явленіемъ, „вызываемымъ" ею,

168. Причинность, какъ законосообразное отношеніе во времени. Никто не оспариваетъ, что отношеніе между причиненнымъ явленіемъ и его (непосредственною) причиною всегда есть опредѣленное отношеніе во времени, а именно состоитъ въ отношеніи одновременности или непосредственнаго слѣдованія. Изъ этого однако не вытекаетъ, что, обратно, всякое отношеніе сосуществованія или непосредственнаго слѣдованія есть причинное отношеніе. Сюда долженъ присоединиться еще „законъ“, по которому происходитъ сосуществованіе или послѣдовательность. Но и здѣсь, въ свою очередь, не слѣдуетъ разсматривать законъ съ точки зрѣнія антропоморфизма, какъ силу или волю, вообще, какъ нѣчто находящееся внѣ законосообразнаго процесса или парящее надъ нимъ. Быть можетъ, въ дѣйствительности и господствуетъ такая воля надъ всѣми явленіями. Однако и въ этомъ случаѣ мы нисколько не подвинулись бы впередъ въ рѣшеніи вопроса о сущности причиннаго отношенія. Онъ возникъ бы въ новой формѣ, какъ вопросъ о свойствахъ отношенія между такимъ „закономъ“ и его осуществленіемъ.

169. Причина и необходимость. Законъ, „господствующій“ надъ вещами въ мірѣ, есть не что иное, какъ собственная законосообразность вещей, или необходимость бытія и процессовъ въ мірѣ. Здѣсь мы въ послѣдній разъ встрѣчаемся съ антропоморфизмомъ, если это утвержденіе понимается въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы мы находили въ вещахъ или явленіяхъ законосообразность или необходимость, какъ имъ самимъ принадлежащій элементъ или признакъ, или были объективно принуждены приписывать имъ что-либо подобное. Въ дѣйствительности и необходимость встрѣчается въ нашемъ опытѣ лишь, какъ предметъ внутренняго восприятія. Необходимость дана намъ только, какъ содержаніе нашего чувства долженствованія или принужден-

ности, т.-е. тщетнаго противодѣйствія. Необходимость факта есть невозможность, т.-е. безуспѣшное усиліе его уничтожить. Это слово не имѣетъ никакого содержанія, если мы хотимъ обозначить имъ что-либо иное, чѣмъ это содержаніе нашего субъективнаго опыта, такъ какъ въ мірѣ нашего сознанія нельзя найти никакого другого возможнаго смысла этого слова. Мы не имѣемъ также права, за исключеніемъ, конечно, нашей всеолицетворящей фантазіи, переносить эту необходимость на то, что́ не проявляетъ воли, и потому не можетъ чувствовать противорѣчія между желаніемъ и дѣйствительностью.

170. Причина, какъ реальное основаніе вещи. Тѣмъ не менѣе объективная необходимость существуетъ, правда, не въ смыслѣ необходимости или принужденія, производимаго или чувствуемаго объектами, существующими внѣ человѣческаго духа, а въ смыслѣ необходимости, которую мы сознаемъ, когда мыслимъ объекты. Понятіе этой необходимости вездѣ уже господствовало въ предыдущемъ изложеніи. Такое отношеніе необходимости существуетъ и между причиною и дѣйствіемъ. Причина есть прежде всего основаніе, и притомъ общее и законосообразное основаніе дѣйствія; иными словами, мысль о существованіи причины всегда заставляетъ насъ мысленно присоединять къ ней дѣйствіе. Она есть матеріальное или реальное основаніе (ср. 85): вѣдь бытіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть объективно-дѣйствительное бытіе. Наконецъ, причина есть объективно-необходимое или реальное основаніе дѣйствія (ср. 90 с.): причина есть то, что́ должно быть мыслимо уже даннымъ въ объективной дѣйствительности, если нѣчто другое, именно „дѣйствіе", должно быть мыслимо дѣйствительнымъ. Сознаніе, что A есть причина B, сводится, если не становиться на точку зрѣнія антропоморфизма, къ сознанію объ этихъ существую-

щихъ въ мысли отношеніяхъ, или объ этомъ двустороннемъ отношеніи. Находить причины въ мірѣ—это значитъ находить такія отношенія. Причинное сужденіе есть сужденіе, въ которомъ субъектъ и предикатъ связаны такими отношеніями. (Ср. также 128).

Глава XXI. Модификаціи понятія причины.

171. Части причины. Причины, обыкновенно, состоятъ изъ различныхъ элементовъ—частей причины, реальныхъ условій. Различеніе среди нихъ существенныхъ и несущественныхъ частей, собственно причиняющихъ элементовъ и лишь „поводовъ“, „побочныхъ условій“, „раздраженій, вызывающихъ разрядъ“ и т. п., логически не допустимо, если съ этимъ связано представленіе, будто бы причиненіе или участіе въ „произведеніи“ дѣйствія у одной части причины имѣетъ иной характеръ или интенсивность, чѣмъ у другихъ. Причиною служитъ всегда лишь цѣлая причина, т.-е. единство или совокупность элементовъ, существованіе которыхъ необходимо для дѣйствія. Часть причины не есть причина отчасти, какъ будто бы дѣйствіе складывалось изъ дѣйствій частей причины. Всѣ части причины одинаково существенны, такъ какъ отсутствіе каждой части одинаково уничтожаетъ дѣйствіе, т.-е. дѣлаетъ его немыслимымъ. Точно такъ же ясно, что логическое отношеніе необходимости, къ которому сводится причинное отношеніе, не допускаетъ никакихъ качественныхъ различій.

172. Причина явленія. Тѣмъ не менѣе части причины или условія дѣйствія могутъ находиться въ различныхъ отношеніяхъ къ своему дѣйствію въ пространствѣ и времени. Причины могутъ быть или причинами явленія, или же причинами чего-либо, что́ долго существуетъ.

Явленіе всегда требуетъ другого явленія—не какъ причины, а какъ части причины. Причиною паденія камня, который я держалъ въ рукѣ и теперь выпускаю изъ нея, служитъ не движеніе моей руки, а движеніе руки въ сочетаніи съ камнемъ, землею и свободнымъ пространствомъ между камнемъ и землею. Но движеніе моей руки служитъ заключительнымъ звеномъ причины и потому опредѣляетъ моментъ наступленія дѣйствія. Это особенное отношеніе во времени между частью причины явленія, тоже составляющею явленіе, и дѣйствіемъ, даетъ намъ право, несмотря на неточность выраженія, обозначать словомъ „причина" спеціально такія части причины. Конечно, мотивы для этого словоупотребленія не слѣдуетъ искать въ одномъ лишь этомъ обстоятельствѣ. Если причина „производитъ" дѣйствіе, то намъ кажется, что на это названіе имѣетъ право, прежде всего, то явленіе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ этому наглядному представленію; такому требованію наиболѣе соотвѣтствуетъ явленіе, къ которому непосредственно примыкаетъ во времени дѣйствіе. Съ другой стороны, конечно, къ потребности въ наглядности присоединяется потребность въ олицетвореніи. Этой потребности наиболѣе соотвѣтствуетъ понятіе скрытыхъ „силъ" и „способностей". Поэтому неудивительно, если, съ другой стороны, въ свою очередь, такія силы настойчиво называются причинами. Въ концѣ же концовъ, въ каждомъ данномъ случаѣ все зависитъ отъ того, какія части причины особенно привлекаютъ вниманіе.

173. Причина и субстратъ. Поставленное нами на первый планъ спеціальное примѣненіе понятія причины требуетъ также особаго названія для другихъ частей причины. Причинѣ противоположенъ носитель или субстратъ. Субстратомъ въ логическомъ смыслѣ можно и должно назвать лишь то, что́ для нашего мышленія непосредственно

„лежитъ въ основѣ предмета мышленія“, т.-е. всякое длительное или покоящееся условіе, съ которымъ бытіе предмета непосредственно связано для нашего мышленія. Однако и къ понятію субстрата или носителя примѣшивается въ обыкновенной рѣчи моментъ наглядности, заключающійся уже въ словахъ. Носителемъ или субстратомъ „свойства“ или явленія называютъ прежде всего тѣ условія, съ которыми обусловленное ими связано не только логически, но и непосредственно для представленія въ томъ смыслѣ, что они составляютъ съ обусловленнымъ явленіемъ неразрывное въ представленіи цѣлое или, по крайней мѣрѣ, связаны въ пространствѣ. Такъ, въ представленіи окрашенной поверхности цвѣтъ имѣетъ своимъ „носителемъ“ поверхность, а, въ свою очередь, протяженность имѣетъ своимъ „носителемъ“ цвѣтъ. Съ другой стороны, золото есть „носитель“ своего цвѣта, потому что цвѣтъ его существуетъ въ пространствѣ съ тѣмъ, что въ другихъ отношеніяхъ составляетъ для воспріятія „золото“, несмотря на то, что цвѣтъ въ такой же мѣрѣ „связанъ“ съ существованіемъ свѣта и воспринимающаго глаза. Даже объектъ, служащій условіемъ для явленій, пространственно далекихъ отъ него, считается носителемъ,—правда, не этихъ пространственно далекихъ явленій, а силъ дѣятельностей, которыя считаются лежащими въ объектѣ, т.-е пространственно съ нимъ соединенными. Такъ, съ точки зрѣнія этого нагляднаго представленія земля не есть носитель движенія падающаго камня, но она носитель силы, „причиняющей“ это движеніе, или притягивающей дѣятельности. Точно такъ же душа считается носителемъ своихъ мыслей и чувствъ; однако и здѣсь въ наглядномъ представленіи съ мыслью о существѣ, составляющемъ непосредственное постоянное условіе для существованія мыслей и чувствъ, связано нелогическое представленіе о пространственномъ сосуществованіи: мысли и

чувства не только причинно связаны съ душою, но и находятся въ душѣ.

174. Субстратъ представленія и реальный субстратъ. Въ предыдущемъ изложеніи нами намѣчено два возможныхъ отношенія субстрата къ явленію. Протяженіе есть субстратъ представленія цвѣта, поскольку оно есть условіе для представленія цвѣта. Наоборотъ, золото есть реальный субстратъ желтаго цвѣта, поскольку свойства золота служатъ реальнымъ условіемъ для существованія цвѣта. Только реальныя условія суть части причинъ. Поэтому только понятіе реальнаго субстрата входитъ въ вопросъ о сущности причинности. Понятіе субстрата вообще выходитъ за предѣлы процесса матеріальнаго сужденія, составною частью котоতораго служитъ понятіе причинности.

175. Акциденція. Понятію носителя соотвѣтствуетъ понятіе акциденціи, свойства, качества, признака вещей, опредѣленія ихъ, состоянія ихъ, модификаціи и т. д. Этими словами мы обозначаемъ, съ одной стороны, то, что́ можетъ быть представлено лишь въ чемъ-либо другомъ, а, съ другой стороны, и то, что́ представимо само по себѣ, но мыслится нами, какъ связанное съ реальнымъ субстратомъ. Слѣдовательно, сужденіе, что всякая акциденція, всякое свойство предполагаетъ субстратъ, есть такая же тавтологія, какъ и аналогичное сужденіе, что всякое дѣйствіе, т.-е. все причиненное, имѣетъ причину. Вопросъ всегда сводится лишь къ тому, что́ представимо, лишь какъ акциденція, или фактически мыслится нами, какъ акциденція. Тонъ не представляется нами, какъ акциденція, поскольку мы не думаемъ о томъ, съ чѣмъ связано его существованіе. Наоборотъ, „звучность“ мы безъ дальнихъ разсужденій называемъ акциденціею, потому что подъ этимъ словомъ мы подразумѣваемъ не звукъ, какъ таковой, а звукъ, связанный съ производящимъ его объектомъ.

Точнѣе говоря, въ нашемъ наглядномъ представленіи связывается съ объектомъ или мыслится существующимъ въ немъ не звукъ, а дѣятельность, производящая его. Такимъ образомъ дѣятельности и силы всегда причисляются нами къ акциденціямъ: это происходитъ на томъ именно основаніи, что подъ этимъ словомъ мы подразумѣваемъ нѣчто, находящееся въ объектахъ, съ помощью чего они дѣйствуютъ. Измѣненія въ объектѣ также считаются акциденціями, потому что въ понятіи измѣненія подразумѣвается, что оно есть слѣдствіе состоянія объекта.—Въ противоположность всему этому, мы должны прочно установить, что съ логической точки зрѣнія акциденція есть все необходимо мыслимое связаннымъ съ какимъ-либо субстратомъ (въ логическомъ смыслѣ, ср. 173).

176. Вещь. Изслѣдуя акциденціи, мы опять должны различать два возможные случая. Обычное различеніе стойкихъ или длительныхъ и преходящихъ или смѣняющихся акциденцій, само по себѣ, т.-е. поскольку при этомъ отличительнымъ признакомъ служитъ лишь время, не состоятельно съ логической точки зрѣнія. Въ логикѣ это дѣленіе замѣняется противоположностью, которую мы кратко можемъ обозначить понятіями необходимыхъ и случайныхъ акциденцій. При этомъ предполагается понятіе вещи. Здѣсь мы говоримъ прежде всего о вещи, какъ предметѣ чувственнаго воспріятія или о чувственной вещи. Вещь въ этомъ смыслѣ слова есть, прежде всего пространственное и необходимое единство содержаній воспріятія. Это единство имѣетъ необходимый характеръ, т.-е. его элементы взаимно связаны другъ съ другомъ и каждый элементъ имѣетъ свой реальный субстратъ въ единствѣ остальныхъ элементовъ. Поскольку этотъ субстратъ полонъ, т.-е. элементы вещи въ своемъ существованіи не зависятъ ни отъ какихъ внѣшнихъ реальныхъ условій, постоль-

ку вещь, какъ цѣлое, есть самостоятельный предметъ мышленія. Это опредѣленіе служитъ для насъ въ такой степени отличительнымъ признакомъ вещи, что даже и тѣ предметы, которые мы лишь мимоходомъ дѣлаемъ самостоятельными предметами мышленія или разсматриваемъ, какъ таковые, мы субстанціируемъ въ своей рѣчи, т.-е. обозначаемъ именемъ существительнымъ, напр., походка, событіе, пространство. Однако мы отличаемъ дѣйствительныя вещи отъ такихъ субстанціированныхъ объектовъ. Этотъ кусокъ золота есть вещь, т.-е. пространственное и необходимое, относительно-самостоятельное единство опредѣленныхъ содержаній воспріятія. Также и относительная самостоятельность для насъ прежде всего есть пространственная самостоятельность: если зрительный образъ куска золота мѣняетъ свое мѣсто, то мы продолжаемъ мыслить пространственно связанными съ нимъ и другія содержанія воспріятія, твердость, тяжесть и т. д.

177. Свойства. Элементы, необходимо входящіе въ единство вещи, называются „свойствами“ ея. Отдѣльныя содержанія воспріятія, цвѣтъ, вкусъ, твердость и т. д., называются свойствами именно постольку, поскольку они принадлежатъ вещи, т.-е. имѣютъ или кажутся имѣющими свой реальный субстратъ въ единствѣ остальныхъ элементовъ вещи. Соотвѣтственно этому вещь не состоитъ изъ свойствъ, какъ если бы свойства существовали сначала, а затѣмъ изъ нихъ складывалась вещь: наоборотъ, „вещь“ есть условіе „свойствъ“. Но, въ концѣ концовъ, и „вещи“, и „свойства“ создаются связью сопринадлежности или взаимнымъ логическимъ („причиннымъ“) отношеніемъ между элементами, которое не дано вмѣстѣ съ элементами вещи, а присоединяется мышленіемъ на основаніи опыта. Эта связь необходимости, или, могли бы мы также сказать, законъ, по

которому элементъ вещи долженъ быть мыслимъ тамъ и тогда. гдѣ и когда мыслится единство другихъ элементовъ, можетъ быть названъ основнымъ ядромъ вещи, послѣднимъ „субстратомъ“ вещи.

178. Состоянія. Въ свою очередь, простыми „состояніями“ вещи считаются акциденціи, которыя не необходимо принадлежатъ вещи, а связаны съ условіями, лежащими внѣ ея, слѣдовательно, существуютъ лишь постольку, поскольку существуютъ эти условія. Цвѣтъ золота мы разсматриваемъ, какъ необходимо принадлежащій золоту, и потому называемъ его свойствомъ золота. Между тѣмъ теплоту золота, или темноту, которая, какъ мы думаемъ, скрываетъ цвѣтъ золота и дѣлаетъ его невидимымъ, мы считаемъ простымъ состояніемъ, потому что эти явленія имѣютъ основаніе своего существованія въ обстановкѣ, независимой отъ золота. Твердость золота становится для насъ простымъ состояніемъ—„аггрегатнымъ состояніемъ“, когда мы научаемся разсматривать ее, какъ нѣчто зависимое отъ внѣшнихъ условій. Наконецъ уже не самый цвѣтъ, а лишь способность вызывать зрительный окрашенный образъ при извѣстномъ освѣщеніи признается нами свойствомъ золота, когда освѣщеніе становится для насъ условіемъ не только видимости, но и самаго существованія цвѣта.

179. Отношенія. Отъ свойствъ и состояній мы можемъ отличать еще отношенія, т.-е. связи вещи во времени и пространствѣ съ другими вещами. Такія отношенія суть акциденціи не одной или другой изъ соотносящихся вещей, а обѣихъ ихъ вмѣстѣ. Разстояніе между двумя тѣлами имѣетъ своимъ субстратомъ оба тѣла, а не одинъ изъ нихъ. Чтобы приписать имъ это отношеніе, я долженъ ихъ оба сочетать мысленно въ единство (ср. 210 сс.). Отношеніе заключается въ такомъ единствѣ, созданномъ моимъ мышленіемъ. Такое

*

отношеніе есть или свойство, или состояніе этого единства, смотря по тому, насколько оно имѣетъ свое реальное основаніе въ самомъ единствѣ или внѣ его. Съ точки зрѣнія подобнаго пространственнаго отношенія такое единство есть вещь, поскольку въ немъ существуютъ свойства и состоянія.

180. Принадлежность и сужденія о принадлежности. Принадлежность есть логическое отношеніе акциденціи къ субстрату представленія, или реальному субстрату. Въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. какъ „реальная" принадлежность, она есть лишь частный случай логическаго отношенія дѣйствія къ своимъ реальнымъ условіямъ, или частямъ причины. Формальнымъ сужденіемъ о принадлежности можетъ быть названо сужденіе, содержаніемъ котораго служитъ мысль, что объектъ сознанія, напр., цвѣтъ, можетъ быть представленъ лишь, какъ составная часть сложнаго представленія, напр., цвѣтъ можетъ быть представленъ лишь въ формѣ цвѣтной поверхности. Матеріальныя сужденія о принадлежности, которыя здѣсь спеціально интересуютъ насъ, бываютъ двоякаго рода, соотвѣтственно вышеуказанному различію между акциденціями. Эти сужденія бываютъ сужденіями о свойствѣ или дѣятельности и сужденіями о состояніи, въ зависимости отъ того, служитъ ли содержаніемъ сужденія мысль, что P, необходимо соединенное съ S, имѣетъ свое объективно необходимое или реальное основаніе въ S, какъ таковомъ, или же содержаніемъ сужденія служитъ мысль, что предполагается нѣчто независимое отъ S объективно дѣйствительнымъ, если P должно быть мыслимо объективно дѣйствительнымъ. Поскольку субстратъ представляется, какъ пространственный носитель, постольку, естественно, и принадлежность мыслится существующею въ пространствѣ. Въ особенности принадлежность свойствъ или состояній вещи необходимо есть пространственная принадлежность, до

тѣхъ поръ, пока словомъ „вещь“, какъ предположено выше, обозначается пространственное единство. Тѣмъ не менѣе логическое понятіе „принадлежности“, какъ таковое, не имѣетъ ничего общаго съ этимъ представленіемъ пространственнаго сосуществованія. Оно и въ самомъ дѣлѣ теряетъ этотъ пространственный характеръ по мѣрѣ того, какъ само понятіе вещи освобождается отъ этого характера.

181. Вещь и субстанція. Согласно сказанному въ параграфѣ 179 (въ заключеніи), вещь въ отношеніи къ однимъ свойствамъ можетъ разсматриваться, какъ вещь, а въ отношеніи къ другимъ свойствамъ, какъ составная часть вещи. Вообще „вещь“ утрачиваетъ свою замкнутость и мнимую самостоятельность въ той мѣрѣ, какъ развивается знаніе. Понятіе вещи замѣняется понятіемъ „субстанціи“. Существуетъ два повода для этого превращенія. Цвѣтъ золота, сначала считавшійся „свойствомъ“ этой „вещи“, оказывается вовсе не существующимъ внѣ воспринимающаго субъекта. Къ тому же онъ оказывается связаннымъ съ существованіемъ не только этой вещи, но и свѣта. Точно такъ же и другія чувственныя качества утрачиваютъ свою мнимую объективную дѣйствительность, и вообще все, что́, какъ намъ казалось, имѣетъ своимъ „носителемъ“ лишь вещь, оказывается одновременно обусловленнымъ и другими вещами. Такимъ образомъ мнимыя объективно дѣйствительныя чувственныя вещи исчезаютъ; онѣ замѣняются пространственными и необходимыми единствами „силъ“ (способностей и т. п.). Но силы сами по себѣ суть ничто; мы знаемъ только о ихъ дѣйствіяхъ; слѣдовательно, необходимое единство силъ есть на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ необходимая связь дѣйствій. А дѣйствія „силъ“, заступившія мѣсто чувственныхъ качествъ вещей, наука разсматриваетъ вездѣ, какъ виды измѣненій положенія въ пространствѣ. Слѣдовательно, эта необходимая связь силъ есть,

точнѣе говоря, необходимая связь видовъ пространственныхъ процессовъ; ихъ пространственное единство есть единство мѣста, изъ котораго исходитъ или къ которому стремится процессъ измѣненій въ пространствѣ. Также и атомы, эти послѣднія (матеріальныя) субстанціи науки суть для нашего познанія лишь исходные и конечные пункты законосообразно связанныхъ другъ съ другомъ видовъ пространственныхъ измѣненій; каждый изъ нихъ есть законосообразный пунктъ пересѣченія среди совокупности матеріальныхъ измѣненій

182. Нечувственныя субстанціи. Однако, какъ уже замѣчено, и въ пространственности мы должны видѣть лишь нашъ чувственный способъ воспріятія чего-то, что само по себѣ неизвѣстно. Такимъ образомъ чувственныя вещи совершенно ускользаютъ отъ познанія. Остаются вещи сами по себѣ, или „метафизическія“ субстанціи, которыя для нашего познанія суть не что иное, какъ непространственныя мѣста необходимой связи видовъ явленій, да и то явленій, данныхъ намъ лишь въ переводѣ на языкъ чувственнаго воспріятія.

183. Матеріальныя и духовныя субстанціи. Субстанціи, о которыхъ шла здѣсь рѣчь, относятся къ числу „матеріальныхъ“ на томъ основаніи, что онѣ служатъ предполагаемымъ субстратомъ существованія и связи матеріальныхъ явленій, т.-е. явленій, данныхъ чувствамъ въ качествахъ чувственнаго воспріятія и разсматриваемыхъ въ естествознаніи, какъ пространственныя явленія. Однако и для психическихъ явленій также нуженъ субстратъ, и этотъ субстратъ тоже есть относительно независимая субстанція. Этотъ субстратъ обладаетъ такимъ характеромъ постольку, поскольку психическія силы, т.-е. виды психическихъ явленій, представляются взаимно связанными и обусловленными и такимъ образомъ составляютъ единую

совокупность процессовъ. Мало того, духовный индивидуумъ или личность составляетъ единство не только вообще, но и въ смыслѣ, возвышающемъ это единство надъ всѣми другими встрѣчающимися въ мірѣ единствами. Субстратъ этого особеннаго единства есть психическая или духовная субстанція. Она есть духовная, а не матеріальная, потому что полагается нами въ основу духовныхъ, а не матеріальныхъ процессовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что она не есть въ то же время матеріальная субстанція, или что матеріальная субстанція не есть въ то же время эта духовная субстанція, если мы признаемъ, что психическія явленія и нѣкоторыя формы матеріальныхъ явленій взаимно связаны (ср. 29). Во всякомъ случаѣ она есть только духовная субстанція для познанія, ограничивающагося разсмотрѣніемъ психической жизни, слѣдовательно, для чисто-психологическаго изслѣдованія. Подъ „единствомъ" и „относительною самостоятельностью" этой духовной субстанціи подразумѣвается лишь то, что она считается субстратомъ единой и относительно самостоятельной связи психической жизни. Точно такъ же подъ единствомъ и относительною самостоятельностью матеріальной субстанціи подразумѣвается лишь то, что она есть подразумѣваемый субстратъ единой и относительно самостоятельной связи видовъ матеріальныхъ явленій. Единство и относительная самостоятельность субстанціи суть для насъ всегда не что иное, какъ относительная самостоятельность единства или связи дѣйствій.

184. Относительная и абсолютная субстанція. Однако всѣ отдѣльныя субстанціи суть лишь относительныя субстанціи. Субстанція есть то, что́ дѣйствуетъ; послѣднія матеріальныя субстанціи, атомы, суть субстраты дѣйствій, которыя мы считаемъ неизмѣнно связанными другъ съ другомъ. Однако на самомъ дѣлѣ эти дѣйствія, матеріальные

процессы, связаны вовсе не съ отдѣльными атомами, а съ ихъ совокупностями или единствами такихъ „субстанцій". Отдѣльный атомъ, разсматриваемый самъ по себѣ, если всмотрѣться въ него поглубже, оказывается для нашего познанія совершеннымъ ничто. Все, что́ мы пытаемся приписать ему,—всякое „притяженіе", „отталкиваніе"—,есть на самомъ дѣлѣ лишь возможный предикатъ совокупности атомовъ. Но и всякая совокупность такихъ субстанцій есть въ концѣ концовъ то, чѣмъ она служитъ для нашего познанія лишь въ связи съ другими. Точно такъ же и духовная субстанція существуетъ, т.-е. дѣйствуетъ лишь въ связи съ матеріальнымъ и духовнымъ міромъ. Слѣдовательно, въ концѣ концовъ, настоящая или абсолютная субстанція, полный носитель всякаго отдѣльнаго явленія, есть единство того, что́ лежитъ въ основѣ всѣхъ дѣйствій, какъ цѣлое; только благодаря ему, „носимыя" имъ отдѣльныя субстанціи суть относительныя субстанціи, каковыми мы ихъ признаемъ. Слѣдовательно, эта абсолютная субстанція есть послѣдній субъектъ всѣхъ „сужденій о принадлежности".

ОТДѢЛЪ VI.

Субъективныя сужденія.

Глава XXII. Сущность субъективныхъ сужденій.

185. Субъективный порядокъ. Какъ уже сказано выше, субъективными называются сужденія, содержаніемъ которыхъ служитъ сознаніе объективной необходимости субъективнаго порядка, т.-е. порядка, возникающаго впервые благодаря упорядочивающей дѣятельности субъекта, направленной на представляемые объекты. Эта дѣятельность бываетъ

двухъ родовъ; она состоитъ въ соединеніи и раздѣленіи, или же въ сравненіи. При этомъ подъ „сравненіемъ" слѣдуетъ подразумѣвать всякое соизмѣреніе объектовъ сознанія. Первая дѣятельность даетъ начало сужденіямъ объ единствѣ и сложности, а вторая—сужденіямъ о тождествѣ, равенствѣ или неравенствѣ, несогласимости, вообще сужденіямъ о качествѣ, и, наконецъ, сужденіямъ о числѣ, мѣрѣ и степени. (Ср. гл XXIII сс.).

186. Соединяющія и раздѣляющія сужденія. Эти виды субъективныхъ сужденій отличаются отъ другихъ прежде всего отношеніемъ, въ которомъ находится въ нихъ сознаніе объективной необходимости къ упорядочивающей дѣятельности. Въ соединяющихъ и раздѣляющихъ сужденіяхъ (объ единствѣ и сложности) мы сознаемъ себя объективно принужденными къ упорядочивающей дѣятельности, а въ сравнивающихъ сужденіяхъ мы сознаемъ себя объективно принужденными въ этой дѣятельности. Соединеніе и раздѣленіе есть дѣятельность опредѣленная, что касается ея разультата, единственнымъ образомъ; соединенное или раздѣленное составляетъ именно вслѣдствіе этой дѣятельности для меня единство или сложность. Соотвѣтственно этому единство или сложность могутъ быть объективно необходимыми только въ томъ случаѣ, если эта дѣятельность сама объективно необходима. Однако никакое множество въ сознаніи, какъ таковое, не можетъ вынуждать насъ къ объединенію или раздѣленію. Поэтому остается лишь, чтобы мы были вынуждены къ этой дѣятельности другими объектами, съ которыми предметы соединенія или раздѣленія находятся въ объективно необходимомъ отношеніи; иными словами, соединеніе и раздѣленіе, единство и сложность могутъ быть объективно необходимыми лишь въ объективныхъ сужденіяхъ; субъективныя сужденія объ единствѣ и множествѣ

никогда не существуютъ самостоятельно, а всегда только, какъ составныя части объективныхъ сужденій. Такъ, въ объективномъ сужденіи „это—дерево“ данное множество, обозначаемое словомъ „это“, сочетается съ помощью слова „дерево“ въ объективно необходимое единство: въ этомъ номинальномъ сужденіи высказывается сознаніе того, что я долженъ, поскольку я могу примѣнять это названіе, мыслить данное множество, какъ единство.

187. Сравнивающія сужденія. Наоборотъ, дѣятельность сравненія можетъ приводить къ различнымъ результатамъ. Къ какому результату приведетъ она въ данномъ случаѣ, это зависитъ отъ свойствъ сравниваемыхъ объектовъ. Слѣдовательно, самостоятельныя сужденія сравненія существуютъ. Такъ, актъ сравненія высоты двухъ тоновъ зависитъ, правда, отъ моего свободнаго рѣшенія, но результатъ его именно сознаніе сходства, несходства или величины качественнаго различія между ними, опредѣляется свойствомъ тоновъ.

188. Субъектъ и предикатъ субъективныхъ сужденій. Предикатомъ субъективныхъ сужденій служитъ порядокъ, устанавливаемый судящимъ лицомъ, а не объектъ, отличный отъ субъекта сужденія и противостоящій судящему лицу, какъ въ объективныхъ сужденіяхъ. Однако эта особенность субъективныхъ сужденій имѣетъ различный характеръ въ сравнивающихъ сужденіяхъ и въ сужденіяхъ, соединяющихъ или раздѣляющихъ. Въ первыхъ предикатомъ служитъ порядокъ, вытекающій изъ упорядочивающей дѣятельности на основаніи свойствъ объектовъ, а во вторыхъ этотъ порядокъ данъ вмѣстѣ съ упорядочивающей дѣятельностью. Въ первыхъ сужденіяхъ дѣятельность сравненія предполагается, а во вторыхъ выполненная дѣятельность, напр., объединенность, служитъ предметомъ обсужденія. Этимъ опредѣляется, въ свою очередь, и субъектъ субъективныхъ

сужденій. Субъектомъ ихъ никоимъ образомъ не могутъ быть предметы упорядочивающей дѣятельности, какъ таковые, т.-е. какъ эти опредѣленные объекты. Скорѣе въ сравнивающихъ сужденіяхъ субъектомъ служатъ сравниваемые объекты, какъ предметы сравнивающей дѣятельности, а въ сужденіяхъ соединяющихъ или раздѣляющихъ субъектомъ служатъ предметы, поскольку они включены въ объективный порядокъ, слѣдовательно, служатъ въ то же время предметомъ дѣйствительнаго или возможнаго (потенціальнаго, ср. 44) объективнаго сужденія. (Ср. гл. XXIV).

189. Субъективныя сужденія, какъ формальныя или матеріальныя. Такъ какъ для результата сравненія все равно, существуютъ ли объекты только въ представленіи или же обладаютъ въ то же время какою-либо объективною дѣйствительностью, то сравнивающее сужденіе есть всегда формальное сужденіе. Однако, смотря по тому, служатъ ли объекты ихъ въ остальныхъ отношеніяхъ предметомъ формальнаго или матеріальнаго сужденія, они пріобрѣтаютъ значеніе или для формальнаго, или для матеріальнаго познанія. Ими связываются формальныя или матеріальныя сужденія и создается связь познаваемыхъ въ нихъ объектовъ, правда, лишь субъективная, не имѣющая значенія для самихъ познаваемыхъ объектовъ. Соединяющія или раздѣляющія сужденія (объ единствѣ или сложности) не относятся сами по себѣ ни къ числу формальныхъ, ни къ числу матеріальныхъ, такъ какъ самостоятельно вовсе не существуютъ. Они относятся къ первой или ко второй группѣ, смотря по тому, какова объективная связь, въ которой находятся ихъ объекты, и которая дѣлаетъ объективно необходимымъ соединеніе или раздѣленіе; слѣдовательно, принадлежность ихъ къ той или другой группѣ зависитъ отъ того, есть ли это связь объективной дѣйствительности или только связь представленій.

Глава XXIII. Категоріи субъективныхъ сужденій.

190. Простое и множественное полаганіе. Условіемъ всякаго мышленія служитъ единство сознанія и сложность, какъ предметъ мышленія. Точно такъ же необходимое условіе мышленія заключается въ томъ, чтобы мы могли сдѣлать данную сложность предметомъ простого полаганія и въ то же время предметомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ полаганій. При этомъ подъ „полаганіемъ“ слѣдуетъ подразумѣвать непосредственно данное въ сознаніи отношеніе воли къ содержанію сознанія или къ совокупности содержаній сознанія, благодаря которому эта совокупность неописуемымъ точнѣе образомъ оказывается охваченною, выдѣленною и самостоятельною въ сознаніи. Вмѣсто полаганій можно было бы говорить также о простыхъ актахъ схватыванія, вниманія, апперцепціи. Нѣсколько полаганій одновременны не въ томъ смыслѣ, что они одновременно производятся, а въ томъ смыслѣ, что они одновременно существуютъ въ сознаніи. Производятся они постепенно. Но въ извѣстныхъ границахъ при переходѣ къ новымъ полаганіямъ мы можемъ удерживать въ сознаніи уже произведенныя и такимъ образомъ имѣть одновременно нѣсколько полаганій.

191. Объектъ и объекты. Когда мы дѣлаемъ данное въ сознаніи простое или сложное содержаніе предметомъ простого полаганія, тогда для насъ возникаетъ „объектъ“, или отдѣльный предметъ нашего мышленія. Точно такъ же благодаря нѣсколькимъ одновременнымъ полаганіямъ для насъ возникаетъ „нѣсколько объектовъ“. Объектъ мышленія, единство, сложность не даны намъ, а производятся духомъ съ помощью его полагающей дѣятельности. Все что угодно можетъ быть объектомъ или множествомъ объектовъ нашего

мышленія въ зависимости отъ нашей полагающей дѣятельности.

192. Объекты въ объектѣ. Мало того, сложное содержаніе сознанія одновременно можно сдѣлать предметомъ простого полаганія S и нѣсколькихъ отдѣльныхъ (т.-е. по содержанію исключающихъ другъ друга) полаганій S_1, S_2 и т. д. Происходитъ это такимъ образомъ, что отдѣльныя полаганія S_1, S_2 и т. д. не выходятъ за предѣлы предмета простого полаганія S и не оставляютъ въ немъ ничего неполагаемымъ; такимъ образомъ для насъ возникаетъ противоположность объекта и заключающихся въ немъ объектовъ, или противоположность цѣлаго и его частей. Смыслъ и наличность этого „подраздѣляющаго" полаганія также есть фактъ сознанія, недоступный дальнѣйшему анализу, но переживаемый всякимъ.

193. Единство. Троякій смыслъ этого понятія. Единство, о которомъ шла рѣчь выше, есть понятіе, имѣющее троякое значеніе. Дерево есть единство, т.-е. единый объектъ мышленія; Богъ единъ, т.-е. на ряду съ нимъ нѣтъ другого Бога; простой тонъ и тонъ, которому соотвѣтствуютъ періодическія колебанія, составляютъ одно и то же, т.-е. тождественны. Соотвѣтственно этому, мы различаемъ единство, какъ единство въ узкомъ смыслѣ этого слова или какъ объединенность, единство, какъ единственность, и единство, какъ тождество. Общій смыслъ, лежащій въ основѣ этихъ понятій тотъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ одно только полаганіе. Эти случаи отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что противоположны различнымъ понятіямъ. Противоположностью единства (объединенности) служитъ сложность, противоположностью единственности—множественность, а противоположностью тождества—(численное) различіе.

194. Единство и сложность. Въ дальнѣйшемъ изло-

женіи мы будемъ употреблять понятіе единства въ указанномъ узкомъ смыслѣ этого слова. Сложное содержаніе сознанія есть для меня единство или единый объектъ, если оно служитъ для меня предметомъ отдѣльнаго охватывающаго его полаганія. „Единствомъ“ называется простое полаганіе въ противоположность нѣсколькимъ отдѣльнымъ полаганіямъ, которыя могутъ заключаться въ содержаніи перваго. Соотвѣтственно этому, сложность, существующая не просто фактически, а для нашего сознанія, есть присутствіе нѣсколькихъ полаганій въ противоположность простому полаганію, которое охватывало сразу содержаніе этихъ нѣсколькихъ полаганій. Несмотря на свою противоположность, согласно уже сказанному выше (ср. 192) единство и сложность не исключаютъ въ нашемъ сознаніи другъ друга. Сознаніе единства въ сложности возникаетъ, когда мы въ предметѣ единаго полаганія дѣлаемъ въ то же время элементы его предметами отдѣльныхъ полаганій или актовъ вниманія.

195. Цѣльность. Цѣльность мы также понимаемъ здѣсь въ узкомъ смыслѣ этого слова. Прежде всего, конечно, цѣльность слѣдуетъ отличать отъ любого единства, присущаго сложному содержанію. Цѣлое есть полное и ограниченное единство частей. Части суть (192) содержанія отдѣльныхъ полаганій, которыя не только находятся внутри цѣлаго или содержанія сознанія, собраннаго въ единство, но и составляютъ или складываютъ его. У меня является сознаніе цѣлаго, состоящаго изъ частей, или „цѣльности“ въ томъ случаѣ, если данное въ моемъ сознаніи служитъ для меня предметомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ полаганій и въ то же время одного общаго полаганія такимъ образомъ, что только содержанія отдѣльныхъ полаганій, и ничто больше, служатъ въ то же время содержаніемъ общаго полаганія. Обратно можно сказать: у меня является сознаніе цѣлаго, если я дѣлаю данное въ

моемъ сознаніи единымъ объектомъ и въ то же время нѣсколько отдѣльныхъ или исключающихъ другъ друга полаганій составляютъ содержаніе этого объекта, слѣдовательно, ничего въ немъ не выпускаютъ и ничего не прибавляютъ. При этомъ для понятія цѣлаго, какъ мы его здѣсь опредѣлили, не важно, какія или сколько отдѣльныхъ полаганій въ немъ производятся или какая часть общаго содержанія служитъ содержаніемъ этихъ отдѣльныхъ полаганій. Послѣдній признакъ заключаетъ въ себѣ основаніе различія между цѣлымъ, какъ цѣльностью, и цѣлымъ, какъ опредѣленнымъ множествомъ— „группою". (Ср. 197).

196. Единица и множество. Утвержденіе, что нѣчто существуетъ „лишь въ единственномъ числѣ" или есть „одинъ" объектъ, а также утвержденіе, что существуетъ множество объектовъ, имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ въ виду объекты опредѣленнаго содержанія. Отдѣльное дерево есть одно, лишь какъ дерево; оно въ то же время есть множество сучьевъ, вѣтвей, листьевъ и т. д. Объектъ опредѣленнаго содержанія возникаетъ для насъ благодаря сочетанію опредѣленнаго сложнаго содержанія въ единство. Слѣдовательно, понятіемъ одного объекта, а также понятіемъ множества уже предполагается это сочетаніе въ единство или существованіе опредѣленныхъ „объектовъ". Понятіе одного служитъ выраженіемъ того, что рядомъ съ объектомъ опредѣленнаго содержанія для меня нѣтъ никакихъ другихъ объектовъ. Слѣдовательно, на ряду съ полаганіемъ, благодаря которому возникъ этотъ объектъ, нѣтъ никакого дальнѣйшаго полаганія. Согласно сказанному выше, единствомъ обозначается простое полаганіе сложнаго въ противоположность нѣсколькимъ полаганіямъ въ этомъ же сложномъ; наоборотъ, единственность есть простое полаганіе опредѣленнаго содержанія въ противоположность полаганію

дальнѣйшихъ объектовъ, т.-е. полаганію, которое присоединяетъ новое содержаніе къ содержанію перваго полаганія. Точно такъ же отличается множество отъ сложности. И первое, и второе понятіе обозначаетъ нѣсколько полаганій или объектовъ, но первое понятіе противоположно полаганію только одного изъ этихъ объектовъ, а второе понятіе противоположно единому сочетанію содержаній этихъ объектовъ. Единственное возникаетъ вслѣдствіе одного акта полаганія, а множество возникаетъ благодаря повторнымъ, слѣдующимъ другъ за другомъ полаганіямъ опредѣленныхъ объектовъ.

197. Группа. Какъ отъ единства отличается единственность, отъ сложности множество, такъ группа отличается отъ цѣлаго. Множество становится ограниченнымъ множествомъ или группою, когда рядъ полаганій опредѣленнаго содержанія, благодаря существованію которыхъ возникаетъ для насъ множество, не только одновременно существуетъ въ сознаніи, но и сдѣлался отдѣльнымъ единымъ объектомъ мышленія. Группа есть своего рода цѣлое или „цѣльность", но она не есть цѣлое или цѣльность въ указанномъ выше узкомъ смыслѣ, не единство сложнаго, которое въ то же время „складывается" изъ любыхъ отдѣльныхъ полаганій или полаганій любого содержанія, а ограниченное единство опредѣленныхъ полаганій или полаганій опредѣленнаго содержанія. Такъ какъ въ этомъ случаѣ содержаніе полаганій опредѣленное, то при этомъ опредѣлено, какой рядъ полаганій ограниченъ. Цѣлое есть это опредѣленное цѣлое, если собранное въ немъ сложное имѣетъ этотъ опредѣленный характеръ, какъ цѣлое или по своему общему содержанію, все равно, каковы подраздѣленія или болѣе ограниченное сочетаніе элементовъ, благодаря наличности которыхъ возникаетъ это сложное цѣлое. Наоборотъ, группа есть эта опредѣленная группа, если заключающееся въ ней

множество полаганій имѣетъ этотъ опредѣленный характеръ и опредѣленныя частныя содержанія, все равно, какими бы свойствами при этомъ ни обладало цѣлое, какъ цѣлое. Такъ, садъ есть это опредѣленное цѣлое, поскольку онъ, какъ цѣлое, есть этотъ опредѣленный садъ, все равно, какія бы части я ни различалъ въ немъ. Наоборотъ, группа находящихся въ немъ деревьевъ, стволовъ, скамеекъ есть эта опредѣленная группа деревьевъ, столовъ и скамеекъ, поскольку я, чтобы сознавать ее, долженъ производить опредѣленный ограниченный рядъ полаганій или актовъ объединенія и давать имъ опредѣленное содержаніе, при чемъ для опредѣленности группы не важно, какими свойствами обладаетъ цѣлое, состоящее изъ этихъ деревьевъ, столовъ и скамеекъ, т.-е. каковъ его пространственный порядокъ.

198. Начала единства и сложности. Начало „всякій объектъ единъ“ заключаетъ въ себѣ тавтологію, какъ въ томъ случаѣ, если подъ единствомъ разумѣть единство въ узкомъ смыслѣ этого слова (всякій объектъ для нашего мышленія есть нѣчто объединенное), такъ и въ томъ случаѣ, если подъ единствомъ разумѣть единичность (всякій объектъ есть „лишь одинъ“ объектъ). Объектъ впервые создается съ помощью объединенія; въ то же время всякій объектъ есть „одинъ“ объектъ не вмѣстѣ съ другими, а постольку, поскольку онъ мыслится самъ по себѣ. Опять-таки именно вслѣдствіе этого впервые возникаетъ единичность. Тавтологія становится вполнѣ ясною, если сдѣлать попытку высказать соотвѣтствующія начала сложности и множества, въ родѣ слѣдующихъ: „Все, заключающее въ себѣ разнообразіе, сложно; различные объекты опредѣленнаго содержанія вмѣстѣ составляютъ множество“. Нѣчто становится для насъ заключающимъ въ себѣ разнообразное содержаніе именно благодаря этому сознанію сложности, т.-е. благодаря нѣсколькимъ пола-

ганіямъ; въ свою очередь „множество“ есть не что иное, какъ совокупность объектовъ опредѣленнаго содержанія въ сознаніи. Приведенныя сужденія могутъ служить лишь выраженіемъ того основного факта, что для насъ вообще существуютъ единство и сложность, единичность и множество, т.-е., что мы можемъ создавать ихъ путемъ мышленія.

199. Тождество и различіе. Какъ единство и единичность, такъ и тождество обозначаетъ, что мы совершили лишь одинъ актъ полаганія. Какъ единичностью, такъ и тождествомъ уже предполагается сочетаніе сложнаго опредѣленнаго содержанія въ единство, или опредѣленный готовый объектъ, Но въ то время, какъ единичность отрицаетъ существованіе объектовъ или полаганій на ряду съ существующимъ объектомъ или уже произведеннымъ полаганіемъ, тождество, наоборотъ, указываетъ на то, что повторное полаганіе становится однимъ полаганіемъ или нѣсколько объектовъ совпадаютъ, т.-е. сводятся къ одному. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ одно полаганіе безъ другого, а во второмъ одно полаганіе вмѣсто или изъ двухъ. Соотвѣтственно этому (численное) различіе указываетъ, что этого совпаденія не происходитъ; слѣдовательно, оно является тогда, когда объекты существуютъ въ сознаніи рядомъ другъ съ другомъ. Этою противоположностью съ тождествомъ (численное) различіе отличается отъ сложности.

200. Начало тождества и различія. Подобно началу единства, и начало тождества „всякій объектъ тождественъ самъ себѣ“ есть тавтологія. Онъ тождественъ „самъ себѣ“, т.-е. тождественъ не другимъ объектамъ и не своимъ частямъ, а самъ по себѣ и разсматриваемый, какъ цѣлое, или какъ этотъ предметъ простого полаганія. Утвержденіе, что предметъ отдѣльнаго полаганія сливается для нашего мышленія въ въ отдѣльное полаганіе, или обозначаетъ собою нѣчто невоз-

можное, или высказываетъ лишь то, что уже предполагается. Точно такъ же ничего не говоритъ и начало различія: „Всякій объектъ (численно) отличается отъ другихъ объектовъ", такъ какъ слова другіе объекты служатъ лишь другимъ обозначеніемъ понятія (численно) различныхъ объектовъ. Эти начала могутъ служить лишь выраженіемъ той мысли, что, съ одной стороны, существуютъ объекты, которые могутъ быть разсматриваемы сами по себѣ и какъ цѣлое, а съ другой стороны, для насъ возможно сосуществованіе объектовъ.

201. Тождество и сравненіе. Мы мыслимъ нѣчто, какъ единство, или пріобрѣтаемъ сознаніе единства тогда, когда мы сочетаемъ что-либо въ единство. Мы мыслимъ объектъ тождественнымъ, не дѣлая его тождественнымъ, а давая ему случай стать тождественнымъ, т.-е. стать предметомъ отдѣльнаго полаганія (ср. 186 с.). Мы дѣлаемъ это въ актѣ сравненія. Отсюда ясно, что мы не можемъ сравнивать того, что раньше не различено нами, т.-е. не служитъ предметомъ нѣсколькихъ полаганій.

202. Цѣльное сравненіе. Сравненіе (сознательное) двухъ объектовъ состоитъ въ одновременномъ удерживаніи въ сознаніи двухъ объектовъ съ цѣлью сознать, какъ при этомъ условіи они относятся другъ къ другу. Удерживаніе въ сознаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ сравненіе можетъ быть цѣльнымъ и частичнымъ. Первый случай мы имѣемъ тогда, когда объектъ удерживается во всей своей опредѣленности, какъ качественной, такъ и эмпирической (71). Мы называемъ объекты тождественными, если они при этомъ сравненіи не могутъ быть нами различены, но сливаются въ одинъ объектъ. Мы называемъ ихъ (численно) различными, если какое-либо опредѣленіе мѣшаетъ ихъ сліянію, т.-е. даетъ намъ возможность раздѣлять ихъ (различать). Удерживаніе въ сознаніи объек-

товъ при цѣльномъ сравненіи сопровождается сопоставленіемъ ихъ элементовъ и равномѣрнымъ вниманіемъ ко всѣмъ этимъ элементамъ; въ этомъ случаѣ происходитъ сопоставленіе объектовъ во всей ихъ цѣльности въ „фокусѣ“ поля сознанія. Отсюда является соизмѣреніе объектовъ и результатъ его, сліяніе или сохраненіе ихъ раздѣленности, по общимъ законамъ душевной жизни.

203. Частичное сравненіе. Равенство. Логика предполагаетъ возможность такого полнаго удерживанія объекта въ сознаніи, а также возможность удерживать одновременно нѣкоторыя стороны или моменты объектовъ и пренебрегать другими. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сознанія къ объектамъ заключается частичное сравненіе или сравненіе съ опредѣленной „точки зрѣнія“. Пренебрегая нѣкоторыми сторонами сравниваемыхъ объектовъ или отодвигая ихъ на задній планъ (отвлекаясь отъ нихъ), мы отнимаемъ у нихъ способность обусловливать раздѣльность или сліяніе объектовъ въ сознаніи, сохраненіе необходимости двойного полаганія или сліяніе ихъ въ содержаніи одного полаганія. Въ этомъ случаѣ отъ удерживаемыхъ въ сознаніи сторонъ объектовъ зависитъ, сохраняемъ ли мы послѣ сравненія два полаганія или оно замѣняется однимъ. Возможны различныя ступени такого частичнаго сравненія. Мы можемъ, прежде всего, отвлечься отъ эмпирической опредѣленности объектовъ и разсматривать ихъ исключительно со стороны ихъ качества. То, что̀ при этомъ сравненіи оказывается совпадающимъ, мы называемъ „качественно“ равнымъ или просто „равнымъ“. Далѣе, мы можемъ также въ большей или меньшей степени отвлечься и отъ качественныхъ опредѣленій. Мы называемъ равнымъ „въ отношеніи опредѣленныхъ свойствъ“, напр., въ отношеніи цвѣта, то, что̀ при сохраненіи этихъ свойствъ и отвлеченіи отъ другихъ свойствъ представляется

сознанію совпадающимъ, а неравнымъ въ этомъ же отношеніи мы называемъ то, что при подобныхъ условіяхъ остается раздѣленнымъ въ сознаніи.

204. Равенство и тождество. На основаніи сказаннаго выше, мы можемъ называть равенство частичнымъ тождествомъ, а тождество абсолютнымъ (не только качественнымъ) равенствомъ. Равно въ какомъ-либо отношеніи, можемъ мы сказать, то, что́ было бы тождественнымъ, если бы было равнымъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Равенство, если взять это слово въ самомъ общемъ его значеніи, есть неразличимость, условная или безусловная. Безусловная неразличимость есть тождество. „Начало" тождества неразличимаго, если неразличимость безусловна, есть тавтологія, т.-е. простое объясненіе слова „тождество", а вовсе не начало. Точно такая же тавтологія есть и начало равенства: „всякій объектъ равенъ себѣ самому". Такъ какъ здѣсь имѣется въ виду абсолютное равенство, то это начало совпадаетъ съ началомъ тождества, которое мы уже признали тавтологіею. Это отношеніе между равенствомъ и тождествомъ не мѣшаетъ тому, что эти понятія нужно рѣзко различать. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что тождествомъ предполагается также равенство эмпирической опредѣленности, т.-е. совпаденіе мѣстъ объективной дѣйствительности, къ которымъ принадлежатъ сравниваемые объекты. Только тамъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи объ эмпирической опредѣленности, именно въ предметахъ формальнаго познанія, напр., въ объектахъ геометріи, тождество и равенство совпадаютъ. Наоборотъ, опредѣленное дѣйствительное событіе, о которомъ я слышалъ, можетъ быть или равнымъ, или тождественнымъ событію, о которомъ я читалъ. Оно тождественно тогда, если опредѣленныя въ единственномъ смыслѣ мѣста дѣйствительности, въ которыхъ они находятся, совпадаютъ.

205. Сходство. Равенство есть частичное (условное)

тождество, а сходство есть частичное равенство. Однако отношеніе между этими парами понятій не одинаковое: точнѣе говоря, сходство есть извѣстная степень равенства. Сознаніемъ простого сходства двухъ предметовъ въ какомъ-либо отношеніи, напр., по цвѣту, предполагается не только то, что другія стороны сравниваемыхъ предметовъ не принимаются во вниманіе, но и то, что само сравниваемое свойство, цвѣтъ, сохраняется въ сознаніи лишь до извѣстной степени. Въ высокой степени сходными мы называемъ объекты въ томъ случаѣ, если замѣчаемъ, что они сливаются даже при незначительной степени отвлеченія, т.-е. при значительной энергіи сохраненія въ сознаніи. Непосредственное сознаніе степени сходства есть непосредственное сознаніе энергіи сохраненія въ сознаніи, вниманія къ особенностямъ объектовъ, которое необходимо, чтобы избѣжать сліянія объектовъ, т.-е. „смѣшенія“ ихъ; иными словами, непосредственное сознаніе степени сходства есть непосредственное сознаніе трудности различенія или раздѣльнаго сохраненія въ сознаніи.

206. Противорѣчащая противоположность. Особымъ родомъ сравненія можно, наконецъ, назвать то соизмѣреніе объектовъ сознанія, изъ котораго возникаетъ сознаніе противорѣчащей противоположности, несогласимости, дисъюнкціи. У насъ является это сознаніе, когда мы пытаемся два объекта, напр., зеленое и бѣлое, представить себѣ, какъ опредѣленія одного и того же объекта, напр., одной и той же поверхности, и при этомъ чувствуемъ, что именно вслѣдствіе этого объектъ раздвояется въ нашемъ сознаніи, т.-е. становится (численно) различнымъ. Въ этомъ раздвоеніи заключается то именно, что мы называемъ фактомъ „дисъюнкціи“. Два объекта сознанія противорѣчиво противоположны, несогласимы или „дисъюнктны“ если они, будучи представленными, какъ опредѣленія объектовъ, вынуждаютъ къ такой дисъюнкціи.

207. Начало несогласимости. Знакомъ не-P мы уже раньше обозначали любой несогласимый съ P объектъ сознанія. Если придерживаться смысла этого обозначенія, то начало несогласимости, противорѣчащей противоположности или противорѣчія: „S не можетъ быть мыслимымъ въ одно и то же время, какъ P и не-P“, или „S не можетъ быть одновременно P и не-P“, опять-таки оказывается простою тавтологіею. Это начало можетъ служить лишь выраженіемъ того, что вообще существуютъ объекты сознанія, которые относятся другъ къ другу, какъ P и не-P. Въ такомъ случаѣ оно есть лишь выраженіе условія всякаго процесса сужденія.

208. Противная противоположность. Съ противорѣчащею противоположностью или простымъ сознаніемъ несогласимости можетъ соединяться сознаніе возможно большаго несходства. Тогда возникаетъ сознаніе противной противоположности. Въ такомъ отношеніи противной противоположности находятся, напр., черное и бѣлое.

209. Субъективныя категоріи. Единство, единичность, тождество, равенство, сходство и противоположныя опредѣленія, а также несогласимость суть субъективныя „категоріи“, поскольку всѣ онѣ показываютъ, что мы нѣчто дѣлаемъ, или что въ нашихъ актахъ нѣчто происходитъ. Это не объективныя категоріи, поскольку ни однимъ изъ этихъ опредѣленій не обозначается нѣчто такое, что мы могли бы найти въ объектахъ, какъ ихъ свойства или признаки. Ни одинъ предметъ сознанія, какъ этотъ предметъ или это данное въ сознаніи, не есть нѣчто единое, тожественное и т. п. Всѣ эти предикаты совершенно лишены содержанія, поскольку ими не обозначается отношеніе объектовъ къ упорядочивающей дѣятельности субъекта. Такъ какъ весь смыслъ всѣхъ этихъ категорій заключается въ наличности одного или нѣсколькихъ полаганій при различныхъ условіяхъ

или въ связи съ различными сопутствующими мыслями, то всѣ онѣ находятся въ связи съ одною противоположностью „объекта“ и „объектовъ“, или единства и сложности. Онѣ суть различныя формы одной этой противоположности или одной этой основной субъективной категоріи.

Глава XXIV. Реальное единство и тождество.

210. Объективное единство. Единствомъ называется сложное цѣлое, какъ предметъ простого полаганія, сочетающаго это сложное. Поскольку это сочетаніе имѣетъ произвольный характеръ, само единство можетъ было названо чисто субъективнымъ. Оно становится объективнымъ, если сочетаніе требуется объективно необходимою связью предмета полаганія съ другими объектами сознанія. Всякая такая объективно необходимая связь между объектами сознанія не должна, правда, но всегда можетъ выразиться въ сознаніи въ формѣ объективнаго сужденія. Слѣдовательно, объективное единство есть всегда единство въ возможныхъ объективныхъ актахъ сужденія. То же можно сказать и относительно объективной сложности и цѣльности, объективной единичности, множества, группы. Объективное единство въ частности находится всегда въ дѣйствительно или логически простомъ сужденіи. Логически просто именно то сужденіе, въ которомъ предикатъ принадлежитъ одному субъекту или сложному цѣлому, какъ единству. Принуждая насъ сочетать въ единство данную сложность, предикатъ дѣлаетъ изъ нея объективное единство. Такъ, въ сужденіи „это—дерево“ предикатъ „дерево“ превращаетъ сложное „это“ въ объективное единство. Наоборотъ, единство, т.-е. наше объединеніе сложнаго, есть всегда условіе простого сужденія. Подобнымъ же образомъ и для сложности, цѣльности,

единичности и т. д. существуютъ особые виды сужденій, для которыхъ сложность, цѣльность и т. д. служатъ условіемъ, и въ которыхъ встрѣчается объективная сложность, цѣльность субъекта, и притомъ спеціально, какъ сложность, цѣльность, требуемыя предикатомъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ въ подробностяхъ (ср. 186).

211. Единство понятія и дѣйствительное единство. Объективное единство можетъ быть единствомъ понятія или дѣйствительнымъ единствомъ. Оно относится къ первой категоріи, если или поскольку сочетаніе имени съ предметомъ простого полаганія требуетъ этого простого полаганія. Единство бываетъ дѣйствительнымъ, если оно требуется реальною связью, т.-е. составляетъ единство субъекта въ возможномъ логически простомъ реальномъ сужденіи. Примѣромъ единства понятія служитъ единство понятія „дерево", поскольку сложное содержаніе дерева мыслится мною, какъ носитель этого имени. Дѣйствительное единство составляютъ для меня два любыя тѣла, которымъ я приписываю опредѣленное разстояніе въ пространствѣ (ср. 179) или, напр., имущество человѣка, хотя бы и вовсе не „единое", поскольку я его мысленно ставлю въ отношеніе къ его обладателю. Этой противоположности дѣйствительнаго единства и единства понятія соотвѣтствуетъ такая же противоположность дѣйствительной сложности, цѣльности и т. д. и сложности, цѣльности понятія.

212. Реальное единство. Особенный случай дѣйствительнаго единства (сложности и т. д.) составляетъ, наконецъ, „реальное" единство (сложность и т. д.). Реальнымъ мы называемъ единство логическаго субъекта или основанія возможнаго предиката въ томъ случаѣ, если этотъ субъектъ или это основаніе есть реальное основаніе предиката. Какъ мы видѣли уже, реальное основаніе есть особый видъ логи-

ческаго основанія; его отношеніе къ реальному слѣдствію, т.-е. дѣйствію, „принадлежащему“ ему свойству или дѣятельности, есть особая форма логическаго отношенія. Соотвѣтственно этому и реальное единство есть видъ логическаго единства, о которомъ мы здѣсь говоримъ, а не что-либо существующее рядомъ или внѣ его. Въ предѣлахъ нашего мышленія нѣтъ ни особаго „метафизическаго“ единства, ни особыхъ „метафизическихъ“ основаній. Такъ же и подъ реальнымъ единствомъ подразумѣвается не что иное, какъ то, что нѣкоторые предикаты принуждаютъ насъ къ объединенію сложнаго. Такое реальное единство есть человѣческій духъ, поскольку каждое отдѣльное проявленіе его можетъ быть тѣмъ, что̀ оно есть, въ концѣ концовъ, лишь какъ моментъ въ цѣлой жизни личности. Реальное единство есть всякое, какъ бы оно ни было сложно, химическое тѣло, поскольку оно, какъ цѣлое, есть носитель какихъ-либо свойствъ или дѣйствій. Наконецъ, реальное единство есть всеобъемлющая субстанція, поскольку все частное вплетено въ міровое цѣлое, зависитъ отъ него и потому имѣетъ полное основаніе своего бытія въ носителѣ этого цѣлаго, мыслимомъ, какъ единство.

213. Объективное тождество. Такъ какъ тождество никогда не создается нами произвольно, т.-е. мы не можемъ одновременно представляемые объекты, не измѣняя ихъ, то представлять тождественными, то мыслить различными, то не можетъ быть рѣчи о различіи объективнаго и субъективнаго тождества въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы различали объективное и субъективное единство, сложность и т. д. Однако и здѣсь есть аналогичное различіе. Мы не можемъ произвольно, не измѣняя объектовъ, то сливать ихъ, то полагать раздѣльными, но зато мы можемъ произвольно измѣнять ихъ, чтобы они относились другъ къ другу то такъ, то иначе. Поступая такимъ образомъ, мы до извѣстной степени

произвольно создаемъ тождество (различіе), Наоборотъ, тождество вовсе не произвольно возникло лишь въ томъ случаѣ, если мы объективно вынуждены представлять объекты извѣстнымъ образомъ и соотвѣтственно этому отождествлять ихъ. Это тождество мы называемъ объективнымъ. Въ аналогичномъ смыслѣ мы говоримъ объ объективномъ различіи, равенствѣ и неравенствѣ. И это объективное тождество также есть тождество субъекта возможныхъ актовъ сужденія, и притомъ спеціально тождество, требуемое предикатомъ. Точно такъ же для тождества, различія и т. д. существуютъ особые виды сужденій, въ которыхъ они необходимо встрѣчаются, какъ объективное тождество и различіе и т. д. субъекта и для которыхъ поэтому тождество, различіе или отождествленіе, различеніе служитъ условіемъ. Это отношеніе взаимной связи существуетъ, напр., между тождествомъ и „логически отождествляющимъ“ сужденіемъ: „S_1 и S_2 оба суть это (въ единственномъ смыслѣ опредѣленное) P“. Однако и этотъ вопросъ не стоитъ обсуждать здѣсь въ подробностяхъ (ср. 187 и 201).

214. Воспризнаніе. Какъ мы уже намекали раньше, утвержденіе тождества имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если мы выражаемъ имъ, что объектъ, мыслившійся сначала, какъ два объекта, т.-е. присутствовавшій въ сознаніи, какъ нѣчто отличное отъ „самого себя“, сливается въ одинъ, а не въ томъ случаѣ, если мы этимъ утвержденіемъ приписываемъ тождество съ самимъ собою объекту, или предмету отдѣльнаго полаганія, какъ таковому. Во всякомъ случаѣ всякое возможное, а не вымышленное только тождество сводится къ этому факту сознанія. Различіе можетъ быть, прежде всего, чисто субъективнымъ, т.-е. можетъ состоять въ повтореніи представленія: я, напримѣръ, сознаю объектъ въ настоящее время и въ то же время вспоминаю, что онъ былъ

уже данъ мнѣ однажды. Когда эти объекты совпадаютъ, у меня является сознаніе тождества, которое называется *воспризнаніемъ*. Возможность этого психическаго явленія принадлежитъ къ числу существенныхъ условій нашего познанія, поскольку на немъ основывается сознательное сочетаніе мыслей объ объектахъ съ прежними мыслями о прежнихъ объектахъ. Дополненіемъ къ этому условію познанія служитъ другое, такое же существенное, именно возможность сознательнаго *различенія* того, что́, вслѣдствіе сходства въ какомъ-либо отношеніи, угрожаетъ сліяніемъ въ сознаніи. Оба эти условія сводятся, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же процессу сравненія (202) или одновременнаго удерживанія въ сознаніи объектовъ съ ихъ свойствами, благодаря чему объекты могутъ „*соизмѣряться*“ другъ съ другомъ. Воспризнаніе въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова заключаетъ въ себѣ также воспризнаніе *равенства* и сходства, напр., узнаваніе характерной черты лица или произведенія искусства въ другомъ лицѣ или произведеніи. Этимъ еще болѣе возвышается значеніе воспризнанія для познавательной дѣятельности.

215. *Дѣйствительное тождество и тождество понятія*. Въ другихъ случаяхъ *объекты* отличаются другъ отъ друга прежде всего принадлежащими имъ *свойствами*. При этомъ возникаетъ противоположность дѣйствительнаго тождества и тождества понятія. Тождество бываетъ тождествомъ понятія въ томъ случаѣ, если различныя имена, несмотря на свое различіе, требуютъ представленія одного и того же содержанія: напр., „Аристотель“ и „Стагиритъ“. Дѣйствительнымъ тождество бываетъ въ томъ случаѣ, если реальныя опредѣленія признаются принадлежащими одному и тому же объекту, напр., если обнаруживается тождество историческаго событія, о которомъ сообщаютъ различные источники. Въ свою очередь и дѣйствительное тождество можетъ быть на-

звано „реальнымъ“, если оно есть тождество реальнаго основанія различныхъ реальныхъ слѣдствій. Эти различія примѣнимы и къ другимъ категоріямъ сравненія.

216. Реальное тождество. О реальномъ тождествѣ можно говорить въ двоякомъ смыслѣ. Два возможныхъ случая мы различаемъ названіями: реальное тождество одновременнаго и реальное тождество послѣдовательнаго. Первое есть тождество реальнаго основанія сосуществующихъ реальныхъ слѣдствій, тождество „вещи“, субстрата, субстанціи въ противоположность различію ея одновременныхъ свойствъ, дѣятельностей и т. д., или тождество причины въ противоположность возможному разнообразію ея одновременныхъ дѣйствій. Изъ предыдущаго (181) слѣдуетъ, что реальное тождество чувственной вещи всегда есть лишь тождество части реальнаго основанія, а не всего реальнаго основанія. Полное и дѣйствительно заслуживающее этого названія реальное основаніе цвѣта золота не есть просто золото, а золото въ опредѣленномъ отношеніи къ свѣту и воспринимающему глазу. Истинно реальное основаніе тяжести золота есть золото и земля, а не одно только золото. Слѣдовательно, цвѣтъ и тяжесть золота, эти два „свойства“ его, имѣютъ въ дѣйствительности не одно и то же, а различныя реальныя основанія.

217. Тождество, какъ непрерывность. Въ противоположность этому реальному тождеству, „тождество“ послѣдовательнаго, т.-е. „тождество“ вещи, существующей въ различныя времена, неизмѣнно длящейся или измѣняющейся (субстратъ, субстанція), не можетъ быть разсматриваемо, какъ тождество въ логическомъ смыслѣ. То, что̀ относится къ различнымъ временамъ, уже поэтому не тождественно, даже если и отвлечься отъ всѣхъ качественныхъ различій. Тождество, о которомъ идетъ рѣчь, есть скорѣе непрерывность, т.-е. сплошное существованіе во времени и равенство или сплош-

ной переходъ другъ въ друга послѣдовательныхъ пространственныхъ и качественныхъ опредѣленій.

218. Непрерывное. Сплошнымъ, или непрерывнымъ мы называемъ то, что̀ заключаетъ въ себѣ разнообразіе, однако такъ, что мы можемъ выдѣлить изъ него лишь произвольно опредѣленныя части, слѣдовательно, ни одно дѣленіе не представляется даннымъ въ объектѣ или вынужденнымъ объектомъ; иными словами, непрерывнымъ называется то, что заключаетъ въ себѣ различія, однако такъ, что мы не можемъ эти различія разложить на объективно послѣдніе элементы, т.-е. такіе элементы, которые были бы указаны самимъ объектомъ. Во всемъ непрерывномъ существуютъ послѣдніе элементы для воспріятія, но въ то же время мы знаемъ, что они послѣдніе только для воспріятія, а не въ объектѣ. Непрерывный объектъ характеризуется именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ границъ, которыми послѣдніе элементы были бы отдѣлены въ немъ самомъ такъ, что дѣленіе могло бы сдѣлаться для насъ объективнымъ. Такою непрерывностью обладаетъ время, пространство (ср. 144 с.) и то, что̀ безъ промежутковъ наполняетъ собою время или пространство; слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ непрерывностью обладаетъ также сплошная послѣдовательность временныхъ и качественныхъ опредѣленій объектовъ.

219. „Тождество“ послѣдовательнаго. Въ объектѣ, непрерывно заполняющемъ время и не измѣняющемся пространственно или по качеству или же измѣняющемся непрерывно, не могутъ быть мыслимы послѣдніе элементы моментовъ времени или пространственныхъ и качественныхъ опредѣленій; слѣдовательно, объектъ въ отношеніи этихъ опредѣленій не можетъ быть разложенъ на нѣсколько обоснованныхъ въ объектѣ отдѣльныхъ полаганій или объектовъ мышленія, и вотъ это-то обстоятельство заставляетъ насъ называть эту непрерывность

своего рода тождествомъ. Объектъ тождественъ, т.-е. въ ряду содержаній опыта каждое дѣленіе или разграниченіе оказывается произвольнымъ и потому необходимо считать рядъ одн и м ъ, если мы не хотимъ измѣнять его насильно. Но въ то же время такіе „тождественные" объекты суть все другіе и другіе объекты, либо въ томъ смыслѣ, что они относятся къ разнымъ временамъ, либо въ томъ, что они качественно различны. Если мы обратимъ вниманіе на это обстоятельство, то опять намъ приходится признать рядъ содержаній опыта заключающимъ въ себѣ различія. Эти два факта сознанія мы соединяемъ въ понятіи одного или тождественнаго объекта, существующаго въ различныя времена и заключающаго въ себѣ непрерывный рядъ одинаковыхъ или различныхъ качественныхъ опредѣленій. Въ этомъ понятіи тождество мы приписываемъ объекту, а различія его—опредѣленіямъ. Затѣмъ рядъ смѣняющихся опредѣленій мы называемъ „измѣненіемъ", разсматривая его, какъ непрерывную послѣдовательность опредѣленій одного объекта. Поэтому утвержденіе, что всякимъ измѣненіемъ предполагается тождественный объектъ, который измѣняется, заключаетъ въ себѣ тавтологію. Понятіе измѣненія возникаетъ именно изъ этого предположенія и имѣетъ съ нимъ одинаковую цѣну или одинаковое право на существованіе.

220. Неправильное понятіе „тождества" послѣдовательнаго. Различеніе одного объекта и его постоянныхъ или смѣняющихся опредѣленій существуетъ однако лишь въ мышленіи и вытекаетъ изъ разсмотрѣнія одного и того же факта сознанія съ двухъ различныхъ сторонъ, именно, во-первыхъ, съ точки зрѣнія невозможности выдѣлить послѣдніе элементы и, во-вторыхъ, съ точки зрѣнія необходимости этого выдѣленія. „Объектъ" безъ опредѣленій такъ же, какъ и опредѣленія безъ объекта,

есть лишь абстракція, которой въ сознаніи ничего не соотвѣтствуетъ. Между тѣмъ, слѣдуя естественнымъ склонностямъ нелогическаго мышленія, мы субстанціируемъ то, чему можемъ придать самостоятельность въ понятіи, т.-е. въ словахъ, и такимъ образомъ возникаетъ мнимая противоположность между объектомъ, который, если разсматривать его самъ по себѣ, остается однимъ и тѣмъ же, т.-е. не измѣняется даже и непрерывно или не переходитъ въ другой объектъ, съ одной стороны, и присоединяющимися къ нему или „принадлежащими" ему опредѣленіями, которыя непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ или уступаютъ другъ другу мѣсто, съ другой стороны. Такъ, тонъ, непрерывно измѣняющій свою высоту, силу и тембръ, кажется намъ однимъ и тѣмъ же тономъ, въ которомъ только эти свойства сдѣлались другими. Мало того, мы разсматриваемъ домъ, въ которомъ отдѣльныя части постепенно или не слишкомъ замѣтными скачками замѣнились другими частями, какъ все тотъ же домъ, въ которомъ лишь части обновились. Въ обоихъ случаяхъ непрерывная связь нашихъ представленій объективируется нами и даетъ поводъ къ возникновенію фикціи тождественнаго объекта, остающагося неизмѣннымъ при измѣненіи своихъ свойствъ. Между тѣмъ, конечно, тонъ безъ своихъ свойствъ есть ничто, и домъ состоитъ изъ единства своихъ частей.

221. Научныя тождества. Если мы откажемся отъ нелогическаго субстанціированія различеній, существующихъ въ формѣ понятій, то измѣняющаяся, или, что̀ одно и то же согласно вышесказанному, „тожественная" въ своихъ измѣненіяхъ чувственная вещь есть не что иное, какъ непрерывный во времени, пространствѣ и по качеству рядъ находящихся въ пространствѣ и необходимыхъ единствъ объектовъ или содержаній восприятія. Тождественная признаваемая въ наукѣ „субстанція", въ которой чувственныя качества

замѣняются силами (скрытыми качествами, способностями и т. д.), есть нѣчто непрерывно длящееся, само по себѣ неизвѣстное, полагаемое въ основу дѣйствій, непрерывныхъ во времени, пространствѣ и по качеству. Въ особенности о тождественныхъ матеріальныхъ субстанціяхъ мы говоримъ всегда постольку, поскольку намъ даны въ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ моментахъ времени (необходимыя) связи пространственнаго бытія и явленій, или поскольку мы должны мыслить о такихъ явленіяхъ, которыя, въ силу своихъ свойствъ, образуютъ непрерывный рядъ. „Тождество“ матеріальныхъ субстанцій, въ особенности тождество послѣднихъ субстанцій этого рода, обозначаетъ и можетъ обозначать не что иное, какъ непрерывную послѣдовательность или непрерывную связь опредѣленій мѣста и пространственныхъ дѣйствій. Наконецъ, точно такъ же и совершенно нечувственныя субстанціи (ср. 182) тождественны постольку и лишь постольку, поскольку онѣ полагаются въ основу непрерывнаго бытія и явленій. Въ свою очередь, и ихъ тождество можетъ обозначать лишь эту непрерывность „носимаго“ ими.

222. Тождество личности. Никакая непрерывность не дана намъ болѣе непосредственно, чѣмъ непрерывность я и его отношеній къ представляемымъ объектамъ, дѣлающихъ эти объекты нашими представленіями или предметами нашего сознанія; никакое тождество не имѣетъ для насъ болѣе непосредственнаго характера, чѣмъ тождество я, которое именно состоитъ въ этой непрерывности. И здѣсь различеніе чистаго, неизмѣннаго я и смѣняющихся „содержаній“ его, т.-е. содержаній самочувствія, удовольствій, неудовольствій, стремленій, есть фикція, субстанціированіе абстракціи. Само я въ дѣйствительности въ каждый моментъ обладаетъ новыми свойствами и въ то же время оно одно, потому что его связь

для нашего сознанія непрерывна. Вмѣстѣ съ этимъ однимъ я прямо дано и единство, т.-е. тождество личности, реальнаго я, духа, духовной субстанціи. Духомъ называется субстратъ духовной дѣятельности именно постольку, поскольку онъ есть субстратъ духовной дѣятельности или духовныхъ явленій. Говоря, что этотъ духъ есть тождественная субстанція, подъ этимъ можно разумѣть лишь то, что она лежитъ въ основѣ непрерывности духовныхъ явленій. „Тождество субстанціи" можетъ означать здѣсь лишь то же, что оно обозначаетъ вездѣ, и не можетъ имѣть нигдѣ другого значенія, чѣмъ то, которое мы имѣемъ въ виду здѣсь. Если духовная субстанція есть въ то же время субстратъ матеріальныхъ явленій, т.-е. въ то же время матеріальная субстанція, и если эта матеріальная субстанція, напр., части мозга, смѣняется, то отсюда лишь вытекаетъ, что субстанція, какъ матеріальная, можетъ быть измѣняющеюся, а какъ духовная, въ то же время быть тождественною, т.-е. что она въ то же время можетъ быть носителемъ непрерывности духовныхъ явленій, или можетъ обнаруживаться въ ней.

Глава XXV. Число и сужденія о числахъ.

223. Группа, опредѣленная въ понятіи. Группа (ср. 197) есть законченный рядъ полаганій опредѣленнаго содержанія, соединенный въ одинъ предметъ мышленія. Группа можетъ быть также названа объективною (210), если мы принуждены мыслить ее вслѣдствіе объективно необходимой связи представленій. Группа имѣетъ характеръ понятія (211), если понятіе (имя) требуетъ, чтобы мы совершили объединенный законченный рядъ полаганій. Однако группа, имѣющая форму понятія, можетъ быть болѣе или менѣе полно опредѣленною, какъ понятіе. Напримѣръ, „фран-

цузскіе короли" есть группа, не вполнѣ опредѣленная, какъ понятіе, потому что здѣсь для знанія числа необходимо знаніе, выходящее за предѣлы пониманія понятія или словъ. Вполнѣ опредѣлены, какъ понятія, слѣдующія, напр., группы: пѣхотный полкъ въ военное время, копа яицъ, двадцать человѣкъ. Самымъ общимъ средствомъ для фиксированія группъ въ формѣ понятій служитъ соединеніе названій предметовъ со знаками чиселъ. При этомъ для полнаго опредѣленія понятій всегда требуется, чтобы предметы были одинаковы. Шесть церквей и замковъ не есть вполнѣ опредѣленная, какъ понятіе, группа, поскольку это сочетаніе словъ требуетъ отъ меня, правда, полаганія церквей и замковъ, а не какихъ угодно зданій, но въ то же время не указываетъ, сколько церквей и сколько замковъ долженъ я полагать.

224. Группа и число. Группа относится къ (чистому или абстрактному) числу, какъ замкнутое единство ряда полаганій опредѣленнаго содержанія къ замкнутому единству ряда полаганій вообще. Такъ какъ „полаганій вообще" въ сознаніи не можетъ быть, то число можетъ реализоваться въ сознаніи, лишь какъ группа; замѣстителемъ чистаго числа въ сознаніи служитъ названіе числа. Простѣйшее сужденіе о числѣ заключается въ пониманіи смысла названія числа, т.-е. въ сознаніи, какой замкнутый рядъ полаганій требуется имъ. Знакомъ простого полаганія и необходимымъ представителемъ въ сознаніи простого полаганія, поскольку оно мыслится, какъ полаганіе вообще безъ опредѣленнаго содержанія, служитъ 1. Знакомъ сложенія, т.-е. послѣдовательнаго присоединенія полаганій, при чемъ однако то, къ чему они присоединяются, сохраняется въ сознаніи и соединяется съ прилагаемымъ въ одинъ актъ мышленія, служитъ +. Слѣдовательно, осуществленіе въ сознаніи понятій чиселъ выражается слѣдующими знаками:

*

1+1+1 и т. д. Сужденіе: „три есть 1+1+1“ есть опредѣленіе трехъ. Какъ и всякое опредѣленіе, это сужденіе есть чистое отождествленіе понятій или взаимное номинальное сужденіе. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что знакъ + обозначаетъ не только одновременное существованіе полаганій въ сознаніи, но и сознательное объединеніе ихъ. Только послѣдовательность одного полаганія, другого полаганія и третьяго, какъ цѣлое, или эти полаганія вмѣстѣ составляютъ три; выполненное уже сочетаніе есть условіе для того, чтобы мы могли или должны были примѣнить понятіе трехъ.

225. Операціи съ понятіями чиселъ. Сочетаніе сложнаго въ единство, гдѣ бы оно ни происходило, есть само по себѣ чисто субъективный процессъ въ томъ смыслѣ, что его осуществленіе нисколько не вліяетъ на предметы сочетанія. Этотъ фактъ сознанія лежитъ въ основѣ всякаго соединенія и раздѣленія вообще и всѣхъ сужденій, основанныхъ на этихъ актахъ. Этотъ фактъ сознанія предполагается, когда мы—внѣ области понятій чиселъ—примѣняемъ къ сложному содержанію сознанія въ однихъ случаяхъ одно, въ другихъ случаяхъ нѣсколько словесныхъ выраженій (понятій), связанныхъ другъ съ другомъ какими-либо грамматическими формами и, въ свою очередь, замѣняемъ эти сочетанія выраженій (понятій) то тѣми, то другими выраженіями. Именно этотъ фактъ сознанія даетъ намъ право объединять ряды полаганій или числовыя единства то однимъ, то другимъ способомъ въ видѣ понятій чиселъ, создавать такимъ образомъ новыя единства, или же опять раздѣлять единства на любое количество частныхъ единствъ. Здѣсь мы имѣемъ лишь своеобразный частный случай измѣнчивыхъ сочетаній и разложеній единствъ понятій, которыя производятся нами и во всевозможныхъ другихъ понятіяхъ. Къ этому со-

единенію и разложенію сводятся, въ концѣ концовъ, всѣ операціи съ числами; на немъ основывается, въ концѣ концовъ, всякое счисленіе или мышленіе въ понятіяхъ чиселъ; точно такъ же въ соотвѣтствующихъ или сходныхъ операціяхъ съ понятіями объектовъ состоитъ не всякая, правда, но одна изъ опредѣленныхъ формъ мышленія объ объектахъ. Счисленіе есть особый видъ мышленія изъ понятій и въ понятіяхъ. Поэтому попытка представить мышленіе, какъ видъ счисленія, имѣетъ значеніе лишь остроумнаго сопоставленія и логически совершенно несостоятельна, поскольку это представленіе упускаетъ изъ виду безконечное богатство оборотовъ мысли и разнообразіе логическихъ формъ

226. Сумма. Такимъ образомъ, ничто, напр., не мѣшаетъ намъ замѣнить сочетаніе ряда полаганій сочетаніями частей этого ряда. Въ результатѣ является сумма, напр. 3+2. Смыслъ этого символа двоякій; во-первыхъ, тотъ, что мы произвели первый рядъ полаганій, объединили его и назвали это единство словомъ три, а затѣмъ произвели дальнѣйшія полаганія, объединили ихъ и назвали словомъ два, а съ другой стороны, тотъ, что мы сдѣлали также предметомъ отдѣльнаго акта мышленія весь рядъ полаганій, помня въ то же время, что онъ былъ предметомъ этихъ двухъ объединеній, и весь этотъ актъ фиксировали, какъ понятіе, отмѣтивъ знакомъ 3+2. Утвержденіе, что 3+2=1+1+1+1+1, показываетъ, что всѣми этими сочетаніями нисколько не нарушается рядъ простыхъ полаганій.

227. Разность. Всякій рядъ простыхъ полаганій, объединяемыхъ въ понятіи числа, напр. 3, въ случаѣ присоединенія дальнѣйшихъ полаганій, объединенныхъ въ числѣ 2, можетъ быть вмѣстѣ съ ними подведенъ подъ новое понятіе числа, въ нашемъ случаѣ 5. Рядъ полаганій, который послѣ прибавленія ряда полаганій, равнаго 2, можетъ быть обозначенъ

числомъ 5, въ виду этой возможности, обозначается символомъ 5—2, символомъ разности, и сочетается въ единство. Разность есть число, которое превратилось бы, вслѣдствіе прибавленія опредѣленнаго ряда полаганій къ заключающимся въ немъ полаганіямъ, въ опредѣленное новое число.

228. Произведеніе. Символъ 3 . 2 есть не что иное, какъ другое названіе для 2+2+2. Сумма „2+2+2" есть замкнутый рядъ одинаковыхъ единствъ простыхъ полаганій. Однако эти единства возникаютъ, какъ таковыя, также благодаря простымъ полаганіямъ. Слѣдовательно, сумма 2+2+2 есть такъ же, какъ и 1+1+1, замкнутый рядъ простыхъ полаганій, только сопровождающійся сознаніемъ, что содержаніе этихъ полаганій есть въ то же время предметъ двухъ полаганій или объединяетъ ихъ въ себѣ. Эти два факта вмѣстѣ обозначаются символомъ 3 . 2.

229. Частное. Наоборотъ, всякое простое полаганіе, всякая единица, такъ какъ въ понятіи ея не сказано ничего опредѣленнаго о ея содержаніи, безъ противорѣчія можетъ быть мыслима заключающею въ себѣ любой рядъ простыхъ полаганій, сложенныхъ въ замкнутое единство. Если такихъ полаганій было 3, то этотъ рядъ обозначается символомъ $^1/_3+^1/_3+^1/_3$. Въ сужденіи „$^1/_3+^1/_3+^1/_3=1$", или „$3\,.\,^1/_3=1$" заключается, между прочимъ, опредѣленіе символа $^1/_3$. Этотъ символъ есть знакъ простого полаганія, поскольку 3 такихъ полаганія обозначаются, какъ 1, или поскольку они сопровождаются побочною мыслью, что ихъ можно такъ обозначить.

230. Число, какъ непрерывная величина. Всякое такое единство или простое полаганіе можетъ, въ свою очередь, мыслиться заключающимъ въ себѣ ряды единствъ или простыхъ полаганій, и этотъ процессъ можетъ продолжаться до безконечности, не противорѣча понятію единства. Такимъ образомъ, рядъ полаганій, которыя могутъ мы-

слиться заключенными въ одномъ полаганіи, оказывается безконечнымъ; каждое число есть непрерывная величина, рядъ возможныхъ чиселъ есть непрерывный рядъ. Въ этомъ ряду каждое число можетъ быть безконечно разнообразными способами суммою и разностью, произведеніемъ и частнымъ. Оно есть то или другое, смотря по тому, ставится ли оно мысленно въ отношеніе къ низшимъ или высшимъ числамъ, къ болѣе элементарнымъ единствамъ или къ болѣе высокимъ сочетаніямъ единствъ. Дѣйствія надъ числами, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе, сводятся къ мысленному установленію этихъ отношеній. Въ свою очередь, для всѣхъ этихъ дѣйствій основное значеніе имѣетъ простое полаганіе, повторное полаганіе и сочетаніе полаганій въ новый актъ простого полаганія, или, короче говоря, счисленіе.

231. Р а в е н с т в о ч и с е л ъ. Какъ простое сужденіе о числахъ,такъ и равенство чиселъ, есть равенство понятій или взаимное номинальное сужденіе. Равенство $3+2=5$ сводится къ сознанію, что символъ $3+2$ обозначаетъ такой рядъ полаганій, который можетъ быть также обозначенъ символомъ 5, или, наоборотъ, если исходить изъ двухъ первыхъ символовъ, это равенство означаетъ, что рядъ простыхъ полаганій, требуемыхъ знакомъ $3+2$, и рядъ полаганій, требуемыхъ знакомъ 5, совпадаютъ. Такъ какъ для чистаго понятія числа содержанія полаганій или полагаемый объектъ, а также всякая субъективная разница послѣдовательности полаганій, напр., быстрота или медленность послѣдовательности въ моемъ сознаніи, не принимаются въ расчетъ, то это совпаденіе б е з у с л о в н о: сознаніе его есть сознаніе б е з у с л о в н а г о р а в е н с т в а. Мы можемъ его также назвать сознаніемъ т о ж д е с т в а, такъ какъ здѣсь, какъ и во всѣхъ чисто формальныхъ сужденіяхъ, не можетъ быть противоположности эмпирической и лишь качественной опредѣленности (ср. 204). Но ряды

полаганій, обозначаемыхъ или требуемыхъ двумя приведенными выше символами, могутъ совпадать не иначе, какъ такъ, что отдѣльные слѣдующіе другъ за другомъ полаганія одного и другого ряда послѣдовательно совпадаютъ безъ остатка. Это послѣдовательное совпаденіе безъ остатка есть настоящее опредѣленіе равенства чиселъ.

232. Равенство группъ. Какъ отъ числа отличается группа, такъ и отъ равенства чиселъ слѣдуетъ отличать равенство группъ. Оно состоитъ въ сознаніи совпаденія не рядовъ полаганій вообще, а рядовъ полаганій съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ содержаніемъ: три дерева и два дерева составляютъ столько же деревьевъ, какъ и какія-нибудь пять деревьевъ, т.-е. первые ряды полаганій, сложенные въ одинъ рядъ, совпадаютъ съ послѣднимъ, поскольку содержаніе полаганій мыслится, лишь какъ примѣръ понятія дерево, т.-е. при этомъ мы отвлекаемся отъ различій между деревьями. Но если мы отвлекаемся въ представленіи деревьевъ отъ всего, кромѣ того, что дѣлаетъ ихъ примѣрами одного и того же понятія, то эти деревья не тождественны другъ другу, а равны. Поэтому сознаніе совпаденія рядовъ полаганій съ опредѣленными содержаніями, т.-е. сужденіе о группѣ не можетъ быть чистымъ сужденіемъ о тождествѣ. Оно превратилось бы въ чистое сужденіе о тождествѣ, если бы мы мыслили не различныя, а тѣ же самыя деревья одинъ разъ, какъ $3 + 2$, другой разъ, какъ 5: эти 3 и эти 2 дерева суть эти пять деревьевъ. Въ каждомъ равенствѣ группъ предполагается выше описанное равенство содержанія полаганій. Поэтому-то всякое равенство чиселъ, не теряя своего значенія, можетъ быть понято, какъ равенство группъ любого содержанія, или можетъ быть примѣнено къ какимъ угодно объектамъ.

233. Равенство, какъ процессъ сознанія. Простое

полаганіе вообще, а также абстрактный рядъ полаганій, какъ уже сказано выше, не можетъ быть содержаніемъ сознанія. Сознаніе можетъ осуществить ихъ, какъ полаганіе или рядъ полаганій опредѣленныхъ объектовъ,—у ребенка, напр., пальцевъ или камешковъ. Впрочемъ, замѣстителями ихъ въ сознаніи могутъ быть символы чиселъ. Точно такъ же сужденіе о равенствѣ (тождествѣ) абстрактныхъ чиселъ, суммъ, разностей и т. д. не есть возможный процессъ сознанія; оно осуществляется непосредственно въ сознаніи, лишь какъ сужденіе-предложеніе. Даже и сужденія о равенствѣ группъ обыкновенно не осуществляются въ сознаніи, какъ таковыя. Они также обыкновенно и даже необходимо, если группы превосходятъ извѣстную величину, представляются въ сознаніи, какъ простыя сужденія-предложенія, т.-е., какъ сознаніе правильности сочетанія символовъ. Наконецъ, также уже актъ сравненія производится при посредствѣ именъ числительныхъ. Когда группы объектовъ обозначены именемъ числительнымъ, мы называемъ другія группы равными имъ, если сочетаніе ихъ, производимое послѣдовательно при счисленіи, въ концѣ концовъ, требуетъ того же имени числительнаго. Сознаніе совпаденія группъ замѣняется сознаніемъ того, что одно и то же понятіе числа требуется обѣими группами, т.-е. оно выражается отождествляющимъ сужденіемъ-предложеніемъ (символомъ), если воспользоваться прежде употребленнымъ нами выраженіемъ (213).

Глава XXVI. Мѣра и степень.

234. Величина. Величиною въ узкомъ и настоящемъ смыслѣ этого слова называется только непрерывная величина (ср. 218). Величину имѣетъ, или величиною называется нѣчто непрерывное, т.-е. сложное, состоящее изъ частей, пере-

ходящихъ другъ въ друга безъ границъ, слѣдовательно, нѣчто такое, что можетъ быть разложено на рядъ отдѣльныхъ полаганій, при чемъ однако опредѣленная форма разложенія не дается или не требуется самимъ сложнымъ объектомъ. Такъ какъ непрерывный объектъ индифферентно относится ко всякаго рода дѣленію, то такія дѣленія могутъ идти въ безконечность, поскольку мы имѣемъ въ виду природу самого объекта. „Величина" дана въ сознаніи, когда въ немъ данъ такой сложный объектъ, напр., линія. Также и вопросъ, какъ великъ объектъ, разрѣшается, прежде всего, и самымъ непосредственнымъ образомъ нагляднымъ представленіемъ.

235. Мѣра. Отъ этого непосредственно даннаго въ представленіи сознанія величины нужно однако отличать сознаніе величины, полученное посредствомъ измѣренія, или сознаніе „мѣры" величины. Измѣрять это значитъ дѣлать величину предметомъ ряда подраздѣляющихъ полаганій съ одинаковымъ содержаніемъ или разлагать ее на одинаковыя величины; мѣра есть группа равныхъ частей величины, которыми величина можетъ быть замѣнена, или изъ которыхъ она можетъ быть сложена. Каждая изъ этихъ частей величины есть элементъ измѣренія; величина, съ которой соизмѣряются равныя части, есть масштабъ.

236. Относительная и абсолютная мѣра. Мѣра или количество равныхъ частей величины различна, смотря по величинѣ частей. Поэтому на вопросъ, какъ велика величина, я не получаю опредѣленнаго отвѣта до тѣхъ поръ, пока не знаю размѣра частей величины. Точно такъ же я долженъ затѣмъ знать также размѣръ частей, изъ которыхъ сложены эти части, и т. д. Иными словами, окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ; всѣ опредѣленія мѣры относительны, если они не опираются, въ концѣ концовъ, на какія-либо величины, данныя въ непосредственномъ нагляд-

номъ представленіи, или если не найденъ послѣдній элементъ измѣренія, который самъ не допускаетъ дальнѣйшаго измѣренія, слѣдовательно, можетъ служить абсолютною единицею мѣры. Такимъ послѣднимъ элементомъ служитъ едва замѣтное. Число едва замѣтныхъ элементовъ есть абсолютная мѣра величины. Такимъ образомъ я получаю абсолютный отвѣтъ на вопросъ, какъ велика длина линіи, если я знаю, сколько разъ я могу переходить на этой линіи отъ точки къ точкѣ такъ, чтобы всякій переходъ былъ едва замѣтенъ. Едва замѣтное не имѣетъ болѣе никакой величины, для воспріятія, конечно.

237. Субъективное и объективное измѣреніе. Несмотря на всю свою „абсолютность", это измѣреніе имѣетъ лишь субъективный характеръ и субъективно колеблется. Оно обусловлено случайнымъ отношеніемъ объектовъ къ нашимъ воспринимающимъ органамъ и не всегда одинаковою способностью воспріятія и различенія. Не менѣе колеблющимся характеромъ отличаются и всѣ другія субъективныя измѣренія, напр., непосредственное измѣреніе періодовъ времени, для котораго единицею мѣры служила бы часть времени, сохраняемая по возможности неизмѣнно въ нашемъ представленіи. Только объективныя, точнѣе говоря, заимствуемыя изъ объективно дѣйствительнаго внѣшняго міра единицы мѣры могутъ быть прочными и обязательными для всѣхъ масштабами. Мы обладаемъ такими единицами, поскольку внѣ насъ существуютъ величины, неизмѣнность которыхъ обусловливается извѣстною намъ законосообразностью объективно дѣйствительнаго міра. Ручательствомъ ихъ неизмѣнности, въ концѣ концовъ, служитъ законъ причинности, соотвѣтственно которому при одинаковыхъ условіяхъ существуетъ одинаковое.

238. Непосредственное и опосредствованное измѣреніе. Такими величинами бываютъ лишь простран-

ственныя величины. Поэтому мы можемъ объективно непосредственно измѣрять лишь пространственныя величины, а объективное измѣреніе другихъ величинъ должны производить лишь при посредствѣ пространственныхъ величинъ. Объективное измѣреніе времени возможно, потому что существуютъ равномѣрныя движенія, т.-е. такія движенія, въ которыхъ съ равными величинами времени связаны равныя величины пространства; объективное измѣреніе температуры въ дѣйствительности есть измѣреніе величинъ расширенія, вызываемыхъ опредѣленными движеніями и т. д. При этомъ измѣряется не сама температура, т.-е. тепло и холодъ, какъ предметъ нашего ощущенія, а дѣйствіе процессовъ движенія, лежащихъ въ основѣ теплоты въ объективной дѣйствительности.

239. Степень. Содержаніе самихъ нашихъ ощущеній, какъ и всѣ качества ощущенія, можетъ быть измѣряемо только субъективно, а не объективно. Здѣсь едва замѣтное вездѣ остается послѣднимъ масштабомъ. Величина качественнаго различія между двумя цвѣтами, напр., краснымъ и зеленымъ, или степень ихъ несходства опредѣляется для моего непосредственнаго сознанія, прежде всего, увѣренностью, съ которою я ихъ раздѣляю при незначительной энергіи сохраненія ихъ въ памяти или незначительномъ вниманіи къ ихъ особенностямъ (ср. 205). Та же самая величина качественнаго различія или степень несходства выражается въ понятіи и, слѣдовательно, опредѣляется такъ, что можетъ быть сообщена другимъ количествомъ едва различимыхъ цвѣтовъ, которые нужно вставить между двумя цвѣтами, чтобы перейти отъ одного къ другому непрерывно и въ то же время кратчайшимъ путемъ; иными словами, это качественное различіе опредѣляется количествомъ едва замѣтныхъ оттѣнковъ, на которые все разстояніе между цвѣтами разлагается для меня. Точно такъ же абсолютная мѣра даннаго

цвѣта, яркости, интенсивности какого-либо ощущенія, т.-е. степень, не различія между даннымъ ощущеніемъ и другими ощущеніями, а степень самого ощущенія опредѣляется количествомъ едва замѣтныхъ различій, на которыя разлагается качественное разстояніе этого цвѣта, яркости или интенсивности отъ отсутствія цвѣта, полнаго отсутствія яркости, нулевого пункта интенсивности. Качества и качественныя различія, какъ таковыя, измѣримы, но при этомъ нужно помнить, что здѣсь подъ измѣреніемъ можетъ подразумѣваться лишь это сознаваніе количествъ едва замѣтныхъ величинъ.

240. Равенство величинъ. Простое равенство величинъ, напр., равенство трехъ сторонъ A, B и C треугольника: $A = B = C$, есть само по себѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ равенство чиселъ или группъ. Оно состоитъ въ сознаніи того, что совпадаютъ или „взаимно покрываются" не какіе-либо ряды полаганій, а данныя въ наглядномъ представленіи линіи, если отвлечься отъ различій мѣста и направленій. Если вмѣсто этого простѣйшаго равенства величинъ мы имѣемъ дѣло съ равенствомъ суммъ пространственныхъ величинъ, то при этомъ мы опираемся еще на особое заимствованное изъ нагляднаго представленія предположеніе, именно предположеніе, что пространственныя величины можно складывать, т.-е., что части пространства, линіи, поверхности и т. д., могутъ быть такъ соединены, что величина возникающаго такимъ образомъ цѣлаго складывается изъ величины частей, слѣдовательно, пространственныя величины относятся другъ къ другу не такъ, какъ тоны, потому что присоединеніе тоновъ другъ къ другу не даетъ цѣлаго, въ которомъ высоты или интенсивности отдѣльныхъ тоновъ суммировались бы.

241. Равенства величинъ, какъ равенства

группъ. Именно это предположеніе руководитъ нами, когда въ уравненіе входятъ пространственныя величины, не какъ эти опредѣленныя единыя величины, данныя въ представленіи, а какъ группы одинаковыхъ частей величины и какъ суммы ихъ, разности, произведенія, кратныя и т. д., слѣдовательно, въ томъ случаѣ, когда равенство является въ формѣ равенства группъ и такимъ образомъ подчиняется законамъ абстрактнаго равенства чиселъ. Широкое примѣненіе формы числового уравненія и соотвѣтственнаго счисленія къ (непрерывнымъ) величинамъ вообще возможно лишь постольку, поскольку, съ одной стороны, число мыслится, какъ непрерывная величина, а съ другой стороны, символы отношеній чиселъ, суммъ и разностей, произведеній и частныхъ, на основаніи нагляднаго представленія могутъ быть истолкованы и въ дѣйствительности истолковываются, какъ символы аналогичныхъ и подчиненныхъ подобнымъ же правиламъ отношеній между пространственными величинами. „Равенство мѣры величинъ", напр., въ аналитической геометріи, имѣетъ свой особый заимствованный изъ нагляднаго представленія смыслъ въ сравненіи съ чистымъ равенствомъ чиселъ, но одинаковая законосообразность даетъ право выражать ихъ въ одинаковой формѣ и прибѣгать къ одинаковымъ пріемамъ съ ними.

ОТДѢЛЪ VII.

Понятіе.

Глава XXVII. Сущность понятія.

242. Общее опредѣленіе. Возможные объекты нашего сознанія составляютъ сплетеніе, въ которомъ, въ концѣ концовъ все связано со всѣмъ прямо или косвенно, и отдѣльные

объекты непрерывно и безъ границъ переходятъ другъ въ друга по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Задача построенія понятій состоитъ въ томъ, чтобы разграничить въ этомъ сплетеніи постояннымъ и пригоднымъ для всѣхъ способомъ объекты и болѣе или менѣе широкія совокупности ихъ и такимъ образомъ создать для мышленія и сношеній разъ навсегда установленныя, опредѣленныя цѣнности, имѣющія значеніе для всѣхъ. Средствомъ для этого служитъ словесное выраженіе, связанное съ ограниченнымъ объектомъ или элементами ограниченнаго круга объектовъ. Понятіе есть сфера значенія слова или словеснаго выраженія или сфера возможныхъ объектовъ сознанія, поскольку они находятъ свой объединяющій центральный пунктъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченіе въ словесномъ выраженіи.

243. Общія представленія. Понятія не суть представленія; общія понятія не суть общія представленія. Конечно, всякое качественно опредѣленное представленіе, какъ „это" качественно опредѣленное единичное представленіе, можетъ быть названо общимъ, поскольку оно можетъ представлять сразу любое количество качественно одинаковыхъ, но эмпирически различныхъ объектовъ. Однако эту общность слѣдуетъ отличать отъ общности общаго понятія, которое обнимаетъ много возможныхъ другъ отъ друга качественно отличныхъ представленій или объектовъ представленія. Еще болѣе далеки отъ общаго понятія такъ называемыя общія представленія, которыя правильнѣе было бы называть неопредѣленными и колеблющимися, именно представленія, переходящія то въ одни, то въ другія сходныя съ ними либо потому, что все въ нихъ колеблется, либо потому, что одинъ какой-либо элементъ или совокупность элементовъ, будучи предметомъ особаго вниманія или особаго интереса, явственнѣе выступаетъ на первый планъ и остается болѣе

или менѣе постояннымъ. Для того, чтобы быть общимъ понятіемъ, такимъ представленіямъ не достаетъ, какъ общности, т.-е. сочетанія въ замкнутый объектъ мышленія, такъ и основного элемента понятія, именно сознанія объективной необходимости, которымъ впервые создается понятіе, какъ и всѣ продукты логической дѣятельности. Даже и присутствіе постояннаго элемента въ смѣняющихся или переходящихъ другъ въ друга представленіяхъ не дѣлаетъ ихъ понятіями, если при этомъ нѣтъ сознанія, что этотъ элементъ долженъ оставаться. Само собою разумѣется, это сознаніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если есть что либо, что требуетъ постоянства такого сохраняющагося элемента.

244. Мнимыя общія представленія. Простою фикціею, не имѣющею поэтому ничего общаго съ понятіями, слѣдуетъ считать общія представленія, которыя, будто бы возникаютъ вслѣдствіе того, что мы выдѣляемъ въ представленіи общіе признаки качественно различныхъ, но сравнимыхъ объектовъ и въ то же время не представляемъ различныхъ признаковъ ихъ. Такія общія представленія, напр., представленіе треугольника, которое заключало бы въ себѣ только общія свойства треугольника, неосуществимо въ сознаніи. Къ числу такихъ же фикцій относятся общія представленія, будто бы возникающія вслѣдствіе того, что въ единичномъ представленіи V, состоящемъ изъ нѣсколькихъ непредставимыхъ отдѣльно другъ отъ друга элементовъ $\alpha\beta\gamma$,, напр., въ представленіи бѣлаго плоскаго круга, одинъ изъ элементовъ, напр., α, бѣлизна, усиливается, подчеркивается другими представленіями V_1, V_2 и т. д., которыя имѣютъ съ V общій элементъ α, тогда какъ другіе элементы β,γ ослаблены или отодвинуты на задній планъ. Эта теорія упускаетъ изъ виду, что рядомъ съ представленіями V_1, V_2 всегда существуютъ также представленія V', V'', которыя имѣютъ съ V другіе общіе эле-

менты, β или γ, слѣдовательно, должны были бы усиливать эти элементы и оттѣснять α. Въ результатѣ явилось бы подчеркиваніе и оттѣсненіе всѣхъ, слѣдовательно, ни одного элемента.

245. Понятіе и имя. Если должно произойти дѣйствительное подчеркиваніе одного изъ элементовъ α, β, γ насчетъ другихъ, и если это подчеркиваніе должно быть постояннымъ независимымъ отъ случайнаго интереса къ одному изъ элементовъ, то для этого необходимо новое извнѣ присоединяющееся представленіе, которое исключительно соединено съ этимъ элементомъ, а слѣдовательно и съ объектами, въ которыхъ онъ встрѣчается, и такимъ образомъ разъ навсегда можетъ принуждать къ подчеркиванію его. Такими представленіями служатъ представленія словъ. Они способны выдѣлять представленіе объекта изъ цѣлаго сплетенія именно потому, что существуютъ отдѣльно отъ символическихъ представленій, или представленій объекта, т.-е. не входятъ въ ихъ сплетеніе. Представленія словъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стоящихъ съ ними наравнѣ жестовъ, составляютъ единственное средство для прочнаго и имѣющаго всеобщее значеніе выдѣленія элементовъ объектовъ. Въ каждомъ общемъ понятіи именно слово требуетъ сохраненія въ сознаніи опредѣленнаго общаго элемента, а въ остальныхъ отношеніяхъ, т.-е. въ границахъ, допускаемыхъ этимъ общимъ, допускаетъ смѣну представленій; слѣдовательно, слово служитъ основаніемъ объективной необходимости, заключающейся въ понятіи, и такимъ образомъ имъ впервые создается понятіе.

246. Абстракція и детерминація. Въ этомъ подчеркиваніи не самостоятельныхъ элементовъ сознанія съ помощью слова, обозначающаго ихъ, состоитъ фактъ абстракціи, находимый нами въ общихъ и спеціально такъ называемыхъ

абстрактныхъ понятіяхъ. Слѣдовательно, абстракція, какъ законченный фактъ (ср. 248), есть не что иное, какъ фактъ сознанія, или переживаніе, состоящее въ томъ, что содержанія представленій, обозначаемыхъ опредѣленнымъ словомъ,—безъ ущерба для мысли, что данное слово присвоено имъ, какъ знакъ или имя,—могутъ измѣняться, при предположеніи или условіи сохраненія нѣкотораго общаго элемента. Абстракція состоитъ въ необходимомъ существованіи, а не самостоятельномъ актѣ представленія этого общаго элемента, съ одной стороны, и въ индифферентности, т.-е. въ любой смѣнѣ, а не въ отсутствіи другихъ элементовъ объектовъ, съ другой стороны. Говоря, что мы отвлекаемся въ понятіи отъ однихъ признаковъ объектовъ и удерживаемъ другіе, мы этимъ высказываемъ слѣдующее: одни признаки служатъ для нашего сознанія условіемъ примѣненія слова, а другіе нѣтъ. Если мы говоримъ, что понятіе „детерминируется“ признакомъ, то это значитъ: этотъ признакъ есть элементъ въ единствѣ условій, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе слова, соотвѣтствующаго понятію.

247. Болѣе точное опредѣленіе понятія. Теперь мы можемъ точнѣе опредѣлить сущность понятія. Полная сознательная реализація понятія представилась бы въ формѣ взаимнаго сужденія (ср. 120) между словомъ, обозначающимъ понятіе, и постояннымъ условіемъ его примѣненія, т.-е. въ формѣ двухъ сужденій, изъ которыхъ въ одномъ слово служило бы логическимъ субъектомъ или достаточнымъ основаніемъ для представленія объ этомъ постоянномъ элементѣ, а въ другомъ этотъ постоянный элементъ былъ бы логическимъ субъектомъ или достаточнымъ основаніемъ для примѣненія слова. Первое сужденіе было бы пояснительнымъ, и при томъ полнымъ пояснительнымъ, а второе называющимъ. Такъ какъ постоянный элементъ есть возможный предметъ созна-

нія лишь въ связи съ объектами, въ которыхъ онъ встрѣчается, то полная реализація понятія въ сознаніи предполагаетъ сознаваніе всѣхъ возможныхъ объектовъ, охватываемыхъ имъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ общихъ понятіяхъ, именно въ „родовыхъ" (ср. 250), это невозможно, то такія понятія могутъ быть осуществлены въ сознаніи лишь неполно. Однако и этого достаточно для потребностей мышленія. Мало того, для мышленія вообще нужно лишь, чтобы понятія вообще были на лицо. Понятіе же существуетъ на лицо тогда, когда данъ психическій фактъ, лежащій въ основѣ указаннаго взаимнаго, съ одной стороны, пояснительнаго, съ другой стороны, называющаго сужденія. Понятіе само по себѣ есть потенціальное взаимное сужденіе выше описаннаго характера.

248. Возникновеніе понятій. Понятія, если они не созданы нами самими теперь, возникаютъ благодаря опыту. Процессъ возникновенія понятій есть своего рода индукція, и, какъ всякая индукція (гл. XXXIV), складывается изъ двухъ процессовъ, которые могутъ быть названы здѣсь процессомъ послѣдовательной абстракціи (слѣдуетъ отличать отъ абстракціи, какъ законченнаго факта, ср. 246), съ одной стороны, и процессомъ послѣдовательной детерминаціи съ другой стороны. Абстрагированіе состоитъ въ выдѣленіи одного признака изъ единства условій, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе слова, соотвѣтствующаго понятію, а детерминированіе есть включеніе признака въ это единство. Благодаря смѣнѣ и взаимодѣйствію этихъ процессовъ смыслъ словъ, съ одной стороны, расширяется, а, съ другой стороны, также суживается. Согласное съ опытомъ сочетаніе слова съ отдѣльнымъ представленіемъ первоначально оказывается заодно соотвѣтствующимъ тѣмъ большему кругу представленій, чѣмъ менѣе опредѣленный и всесторонне ограниченный характеръ имѣетъ единичное представленіе, или чѣмъ менѣе оно удерживается

*

нами въ сознаніи, какъ таковое. Поэтому неопредѣленныя или колеблющіяся представленія (ср. 243) облегчаютъ образованіе общихъ понятій. Надобно замѣтить, что первоначально присутствуютъ въ нашемъ сознаніи не прочно сохраняемыя, а неопредѣленныя единичныя представленія, легко готовыя перейти въ другія представленія. Но, съ другой стороны, существованіемъ такихъ представленій также и затрудняется образованіе всякихъ понятій вообще, поскольку всякое понятіе по своей природѣ должно быть точно ограниченнымъ, а не колеблющимся и неопредѣленнымъ. Такимъ образомъ, первоначальныя соединенія словъ съ возможными единичными представленіями, не отличающіяся опредѣленностью, служатъ исходнымъ пунктомъ, изъ котораго развитіе понятій идетъ въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи расширенія и ограниченія.

Глава XXVIII. Виды, содержаніе и объемъ.

249. Идеальныя понятія и понятія о дѣйствительности. Подобно найденному нами въ сужденіяхъ различію между формальными и матеріальными сужденіями, и среди понятій мы должны противопоставить понятія, имѣющія своимъ содержаніемъ объекты сознанія, какъ таковыя, тѣмъ понятіямъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ объективную дѣйствительность. По аналогіи мы можемъ ихъ назвать формальными и матеріальными понятіями. Это названіе имѣетъ то же самое значеніе и, пожалуй, менѣе вызываетъ недоразумѣній, чѣмъ выше приведенныя. Къ первому разряду относятся всѣ математическія понятія, а ко второму всѣ понятія о вещахъ, дѣятельностяхъ и т. д.

250. Единичныя и общія понятія. Кромѣ того, понятія дѣлятся еще на единичныя и общія. Въ единичныхъ все содержаніе понятія составляетъ единичный объектъ. Въ свою

очередь, единичныя понятія бываютъ индивидуальными и коллективными: „Сократъ“ и „человѣчество“, т.-е. „совокупность людей“. Общія понятія обнимаютъ нѣкоторое множество объектовъ. Они также подраздѣляются на универсальныя, или эмпирически опредѣленныя общія понятія, напр., „поэты древняго классическаго міра“, и родовыя, или лишь качественно опредѣленныя, слѣдовательно, эмпирически не обусловленныя, или не ограниченныя понятія. (Ср. 71). Послѣднія, напр., „лирическіе поэты“, относятся къ числу собственно такъ называемыхъ родовыхъ понятій. Содержаніемъ универсальныхъ понятій служатъ возможные субъекты универсальныхъ, а содержаніемъ родовыхъ понятій—возможные субъекты родовыхъ сужденій. Формальныя или идеальныя понятія, какъ таковыя, могутъ быть лишь родовыми. Понятіе „этотъ представляемый мною теперь треугольникъ“ не есть уже чисто формальное понятіе, такъ какъ треугольникъ характеризуется здѣсь ближайшимъ опредѣленіемъ, какъ фактъ, принадлежащій къ связи объективной дѣйствительности, именно дѣйствительности моей внутренней жизни, короче говоря, какъ психологическій фактъ.

251. Конкретныя и абстрактныя понятія. Это подраздѣленіе перекрещивается съ дѣленіемъ на конкретныя и абстрактныя понятія. Къ числу первыхъ относятся такія понятія, которыя могутъ быть представлены сами по себѣ со всѣмъ своимъ содержаніемъ или, если это понятія общія, въ формѣ единичныхъ примѣровъ, а ко второму разряду относятся понятія, предметы которыхъ могутъ существовать въ сознаніи, лишь какъ неотдѣлимые элементы другихъ представленій. Раньше приведенныя понятія могутъ служить примѣромъ конкретныхъ понятій (250). Примѣромъ абстрактныхъ понятій могутъ служить: индивидуальное понятіе „смерть Цезаря“; коллективное понятіе „положительное право“, т.-е. „совокупность всѣхъ дѣйствующихъ постановленій

права"; универсальное понятіе „формы постройки греческихъ храмовъ"; родовое понятіе „архитектоническія формы стиля".

252. Воображаемыя понятія. Отъ абстрактныхъ понятій слѣдуетъ еще отличать воображаемыя понятія, содержаніе которыхъ вообще не можетъ быть осуществлено въ представленіи. О ихъ сущности и значеніи см. 55. Они относятся къ разряду формальныхъ понятій. Среди матеріальныхъ понятій имъ соотвѣтствуютъ фиктивныя матеріальныя понятія, напр., понятіе совершеннаго государства. Ср. объ этомъ 151.

253. Содержаніе понятія. Содержаніемъ понятія называется единство и связь того, что́ въ понятіи служитъ условіемъ для обозначенія его соотвѣтствующимъ словомъ. Всякій элементъ содержанія понятія, слѣдовательно, всякое условіе примѣненія соотвѣтствующаго ему слова есть „признакъ понятія". Поскольку и эти признаки, въ свою очередь, могутъ быть выдѣлены или могутъ сдѣлаться самостоятельными для сознанія, благодаря особымъ словамъ, и такимъ образомъ составить содержаніе самостоятельныхъ понятій, они могутъ называться частями понятія въ сравненіи съ тѣмъ понятіемъ, признаками котораго они служатъ.

254. Содержаніе понятія въ болѣе и менѣе широкомъ смыслѣ. Подъ содержаніемъ понятія мы подразумѣваемъ здѣсь прежде всего мыслимое непосредственно въ понятіи содержаніе, или единство и связь условій примѣненія соотвѣтствующаго ему слова, непосредственно заключающихся въ его принятомъ въ рѣчи значеніи. Отъ этого „болѣе узкаго" и собственно логическаго содержанія понятія слѣдуетъ отличать „болѣе широкое" содержаніе понятія, заключающее въ себѣ и тѣ признаки, которые не отдѣлимы отъ первыхъ признаковъ. Эта неотдѣлимость въ формальныхъ понятіяхъ служитъ предметомъ формальнаго знанія, слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ неотдѣлимостью въ пред-

ставленіи; въ матеріальныхъ же понятіяхъ эта неотдѣлимость есть предметъ матеріальнаго познанія или же познанія формальнаго, перенесеннаго на объективную дѣйствительность (147). Поскольку мы имѣемъ дѣло съ первымъ случаемъ, т.-е. поскольку „вторичные" признаки, или признаки, входящіе лишь въ „болѣе широкое" содержаніе понятія, лишь фактически или лишь на основаніи свидѣтельства опыта относительно объективно дѣйствительнаго міра связаны съ „первичными" признаками или элементами „болѣе узкаго" содержанія понятія, постольку это болѣе широкое содержаніе специально можетъ быть названо эмпирическимъ. Въ понятіи равносторонняго треугольника равноугольность есть вторичный признакъ, т.-е. входитъ лишь въ содержаніе понятія въ широкомъ смыслѣ. Въ понятіи двуногаго неопереннаго живого существа (=человѣкъ) наличность специфически человѣческихъ свойствъ входитъ лишь въ эмпирическое содержаніе понятія.

255. Объемъ понятія. Объемомъ понятія называется совокупность различныхъ объектовъ, удовлетворяющихъ условіямъ примѣненія слова, соотвѣтствующаго понятію. Это опредѣленіе имѣетъ однако различный смыслъ въ примѣненіи къ эмпирическимъ понятіямъ и понятіямъ, лишь качественно опредѣленнымъ, каковы „деревья въ моемъ саду" и „деревья". Въ первыхъ объемъ опредѣляется совокупностью эмпирически опредѣленныхъ единичныхъ объектовъ: это, то и т. д. дерево въ моемъ саду. Во вторыхъ объемомъ служитъ совокупность качественно опредѣляемыхъ объектовъ, или, такъ какъ объекты, опредѣленные только качественно, могутъ существовать во многихъ экземплярахъ, то объемомъ этихъ понятій служитъ совокупность различныхъ видовъ. Объемъ эмпирически опредѣленныхъ понятій есть всегда эмпирическій объемъ, въ томъ смыслѣ, что его

можетъ установить лишь опытъ, направленный на объективную дѣйствительность. Объемъ понятій, опредѣленныхъ лишь качественно, можетъ быть логическимъ и эмпирическимъ. Логическій объемъ такого понятія есть совокупность возможныхъ, т.-е. вообще мыслимыхъ видовъ, а эмпирическій объемъ есть совокупность видовъ, данныхъ фактически, или по свидѣтельству опыта. Очевидно, въ формальныхъ понятіяхъ на ряду съ логическимъ объемомъ не можетъ быть эмпирическаго.

256. Отношеніе содержанія и объема. Во всѣхъ единичныхъ понятіяхъ объемъ необходимо совпадаетъ съ содержаніемъ. Во всѣхъ общихъ понятіяхъ всякое обогащеніе содержанія, въ случаѣ, если къ нему присоединяется элементъ, который не долженъ быть мыслимъ связаннымъ съ нимъ всегда по законамъ представленія, или по свидѣтельству опыта, само собою разумѣется, приводитъ къ суженію объема. Въ противномъ случаѣ прибавленіе новаго признака вообще не связано ни съ какими измѣненіями объема. Линіи второго порядка и линіи второго порядка, которыя могутъ быть представлены, какъ пересѣченія плоскости съ поверхностью конуса, суть однѣ и тѣ же линіи. Точно такъ же деревья въ моемъ саду и плодовыя деревья посрединѣ моего сада суть одни и тѣ же деревья, если изъ опыта извѣстно, что всѣ деревья въ моемъ саду плодовыя, и что всѣ они находятся посрединѣ сада. Слѣдовательно, утвержденіе, что объемъ понятія суживается, когда содержаніе его обогощается, и расширяется, когда содержаніе суживается, относится къ числу или самоочевидныхъ или неправильныхъ положеній.

257. Опредѣленіе. Опредѣленіе понятія есть не что иное, какъ сознательное воспроизведеніе его содержанія, т.-е. осуществленіе того взаимнаго, съ одной стороны, пояснитель-

наго, съ другой стороны, называющаго сужденія, въ потенціальномъ существованіи котораго состоитъ понятіе. Ср. 247. Поскольку содержаніе понятія, какъ цѣлое, не есть возможный самостоятельный предметъ сознанія, а нуждается въ словѣ для пріобрѣтенія самостоятельности,—а въ этомъ положеніи находятся всѣ общія и абстрактныя понятія,—постольку опредѣленіе необходимо есть равенство понятій или взаимное номинальное сужденіе. Далѣе, само собою разумѣется, и тамъ, гдѣ содержаніе понятія, какъ цѣлое, можетъ быть представлено само по себѣ, но отдѣльные его признаки могутъ получить самостоятельность, лишь какъ понятія, опредѣленіе, имѣющее цѣлью именно такую самостоятельность въ мышленіи отдѣльныхъ признаковъ, возможно, лишь какъ равенство понятій. Наконецъ, если подразумѣвать подъ опредѣленіемъ вообще, какъ это обыкновенно дѣлается, лишь словесно формулированное сужденіе, то, само собой разумѣется, всякое опредѣленіе есть опредѣленіе черезъ понятія, или равенство понятій. Такія опредѣленія черезъ понятія производятся, обыкновенно, проще всего путемъ указанія ближайшаго высшаго или болѣе общаго понятія, „genus proximum", и признаковъ, которыми содержаніе опредѣляемаго понятія отличается отъ соподчиненныхъ понятій, или „differentia specifica". Съ помощью такого опредѣленія понятіе самымъ простымъ путемъ включается въ систему понятій.

258. Пониманіе понятія. Такія опредѣленія приводятъ къ пониманію понятія и, слѣдовательно, могутъ быть названы дѣйствительно логическими опредѣленіями лишь тогда, когда всѣ входящія въ опредѣленіе понятія вполнѣ понятны. Въ противномъ случаѣ опредѣленіе есть лишь способъ замѣнить слова словами, пригодный, быть можетъ, для формалистической „логики", но не имѣющій цѣны для познанія или даже вредный, какъ средство для усыпленія мышленія. Кромѣ того,

для полнаго пониманія понятія, если мы имѣемъ дѣло съ конкретнымъ единичнымъ понятіемъ, необходимо полное знакомство съ обозначаемымъ имъ объектомъ, а если мы имѣемъ дѣло съ общимъ или абстрактнымъ понятіемъ, то необходимо не только сознаваніе всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ входящихъ въ его содержаніе, включая и отношенія, въ которыхъ они въ моемъ сознаніи находятся другъ къ другу, но и сознаніе о томъ, изъ какой сферы сознанія или изъ какой области опыта они происходятъ, и какова психологическая закономѣрность, соотвѣтственно которой они сочетаются другъ съ другомъ. Такого пониманія нужно прежде всего требовать для высшихъ понятій мышленія, и въ особенности, какъ уже сказано было при случаѣ, его нужно требовать отъ логики. Ср. 161.

259. Виды опредѣленій. Различеніе двухъ возможныхъ видовъ опредѣленія: номинальныхъ опредѣленій, или простого объясненія словъ, и реальныхъ опредѣленій, т.-е. такихъ, въ которыя входитъ существованіе опредѣляемаго, не выдерживаетъ критики. Опредѣленія всегда бываютъ номинальными, но, съ другой стороны, для пониманія понятія всегда необходимо сознаніе о томъ, подразумѣвается ли подъ словомъ лишь предметъ сознанія или же нѣчто принадлежащее къ объективно дѣйствительному міру, а также сознаніе о томъ, къ какой сферѣ сознанія или объективной дѣйствительности относится предметъ опредѣленія. Ср. 258.—Различіе между экзистенціальными и генетическими опредѣленіями есть различіе въ опредѣляемыхъ понятіяхъ, а не въ видѣ опредѣленія, если подъ генетическими подразумѣвать такія опредѣленія, которыя заключаютъ въ себѣ также описаніе способа, какимъ возникаютъ объекты понятія; таково, напр., опредѣленіе окружности, какъ линіи, происходящей отъ движенія точки, находящейся на неизмѣнномъ разстояніи отъ

опредѣленной другой точки. Такія генетическія опредѣленія умѣстны и цѣнны въ томъ случаѣ, если обозначаемые понятіемъ объекты обладаютъ свойствомъ возникать опредѣленнымъ образомъ. Въ другихъ случаяхъ такія опредѣленія невозможны. Наоборотъ, генетическое опредѣленіе, если подразумѣвать подъ нимъ опредѣленіе, уясняющее происхожденіе понятія, не только есть особый видъ опредѣленія, но и требуется всегда для полнаго пониманія понятія. Далѣе, если подразумѣвать подъ „опредѣленіями сущности" такія опредѣленія, которыя ограничиваются указаніемъ „первичныхъ признаковъ", а подъ производными—такія опредѣленія, которыя ограничиваются указаніемъ „вторичныхъ" признаковъ, то лишь первыя изъ нихъ заслуживаютъ названія опредѣленія. Опредѣленіе человѣка, какъ двуногаго неоперенпаго живого существа, собственно, не есть опредѣленіе, хотя для знающаго такимъ образомъ и можно въ достаточной мѣрѣ обрисовать человѣка. Впрочемъ опредѣленное присоединеніе вторичныхъ признаковъ къ первичнымъ цѣнно въ томъ отношеніи, что облегчаетъ пониманіе понятія. Наконецъ, имѣетъ полное основаніе различеніе синтетическихъ и аналитическихъ опредѣленій, т.-е. опредѣленій, состоящихъ въ утвержденіи, что слово должно быть употребляемо въ опредѣленномъ смыслѣ, и опредѣленій, опирающихся на установившееся словоупотребленіе. Согласно сказанному выше, первое опредѣленіе вовсе не есть сужденіе. Оно становится сужденіемъ лишь послѣ того, какъ употребленіе слова устанавливается благодаря такому утвержденію. Рядомъ съ опредѣленіемъ стоятъ, какъ очень цѣнныя иногда средства содѣйствовать пониманію понятій, описаніе, поясненіе съ помощью примѣровъ, аналогіи, иллюстраціи съ помощью противоположности, образные обороты и т. п.

260. Дѣленіе понятія есть дѣленіе его объема. Словесное дѣленіе, т.-е. дѣленіе посредствомъ понятій производится съ помощью исключающихъ другъ друга (дисъюнктныхъ) понятій, объемы которыхъ въ совокупности равны объему дѣлимаго понятія. Само собою разумѣется, дѣлящія понятія удовлетворяютъ этимъ двумъ требованіямъ въ томъ случаѣ, если ихъ только два и они относятся другъ къ другу, какъ А и не-А, т.-е. отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что одинъ и тотъ же признакъ А находится въ одномъ изъ нихъ и отсутствуетъ въ другомъ или же въ томъ случаѣ, если дѣлящія понятія отличаются признаками, которые составляютъ различныя модификаціи одного и того же признака М дѣлимаго понятія. Въ первомъ случаѣ основаніемъ дѣленія служитъ присутствіе или отсутствіе признака А, а во второмъ признакъ М. Въ интересахъ ясности дѣленія логика требуетъ, чтобы оно производилось съ помощью одного основанія, въ одномъ какомъ-либо направленіи. При этомъ само собою разумѣется, рядомъ могутъ существовать и „перекрещиваться“ различныя дѣленія, произведенныя соотвѣтственно различнымъ основаніямъ. Кромѣ того, сами дѣлящія понятія, въ свою очередь, могутъ быть предметомъ дальнѣйшаго дѣленія (подраздѣленія) и т. д. Осуществленіе дѣленія приводитъ всегда къ раздѣлительному сужденію. Дѣленіе можетъ быть логическимъ или эмпирическимъ. Ср. 255 и 138. Научная цѣнность дѣленія всегда зависитъ отъ научной цѣнности дѣлящихъ понятій. Ср. 267.

Глава XXIX Отношенія понятій и цѣнность понятій.

261. Равенство объема. Понятія могутъ быть названы тождественными въ узкомъ смыслѣ этого слова, если ихъ

содержанія въ узкомъ смыслѣ этого слова, непосредственно требуемыя соотвѣтствующимъ словомъ, а, слѣдовательно, и ихъ объемы совпадаютъ, и только слова различны: „прямоугольный ромбъ" и „равносторонній прямоугольникъ". Они тождественны въ широкомъ смыслѣ этого слова или эквиполлентны, если содержаніе одного изъ нихъ, непосредственно требуемое словомъ, всегда должно быть мыслимо связаннымъ съ содержаніемъ другого, вслѣдствіе законовъ представляющей дѣятельности или на основаніи свидѣтельства опыта: „равносторонній треугольникъ" и „равноугольный треугольникъ" или „человѣкъ" и „двуногое оперенное живое существо". Въ этомъ случаѣ совпаденіе объемовъ не дано непосредственно вмѣстѣ съ пониманіемъ словъ, а требуетъ знанія объектовъ.

262. Подчиненіе. Понятіе B подчиняетъ себѣ B_1, а B_1 подчинено понятію B, если въ B_1 къ содержанію прибавленъ какой-либо признакъ, который не долженъ быть мыслимъ непремѣнно связаннымъ съ содержаніемъ B ни вслѣдствіе законовъ представляющей дѣятельности, ни на основаніи опыта, или, наоборотъ, если содержаніе B въ сравненіи съ содержаніемъ B_1 лишено какого-либо такого элемента, и, слѣдовательно, объемъ понятія B_1 составляетъ часть объема B. Обогащеніе содержанія или умноженіе условій примѣненія слова есть актъ „детерминаціи", а уменьшеніе объема или количества условій примѣненія слова есть актъ „абстракціи" (248). Слѣдовательно, подчиненныя, или низшія понятія возникаютъ путемъ детерминаціи, а высшія—путемъ абстракціи. Если мы имѣемъ дѣло съ понятіями родовыми, то подчиняющее въ сравненіи съ подчиненнымъ называется родовымъ понятіемъ, а подчиненное—видовымъ. Если нужно обозначить нѣсколько ступеней подчиненія, то для этого можно

пользоваться различными другими названіями, въ родѣ классъ, порядокъ, семейство и т. д.

263. Соподчиненіе и т. п. Понятія называются соподчиненными, если ихъ объемы составляютъ самостоятельныя, т.-е. не совпадающія другъ съ другомъ части высшаго понятія; они называются перекрещивающимися, если часть ихъ объема общая. Въ отношеніи противорѣчащей противоположности находятся два понятія, изъ которыхъ одно, не будучи опредѣлено точнѣе въ остальныхъ отношеніяхъ, лишь исключаетъ содержаніе другого: „бѣлое“ и „не-бѣлое“.

264. Отношенія понятій, какъ отношенія представленій. Иной характеръ, чѣмъ эти спеціальныя отношенія понятій, имѣютъ тѣ отношенія, которыя возникаютъ впервые не между понятіями, а уже между элементами представленій въ нихъ. Понятія называются несогласимыми, или дисъюнктными, если заключаютъ въ себѣ несогласимые элементы, т.-е., если въ широкомъ или узкомъ содержаніи понятія находится элементъ, который не могъ бы быть включенъ въ содержаніе другого понятія безъ измѣненія его, т.-е. безъ уничтоженія его. Понятія называются согласимыми, если въ нихъ нѣтъ такого элемента. Несогласимость понятій есть условіе ихъ соподчиненія. Несогласимы понятія „бѣлый“ и „красный“, также „цвѣтной“ и „непротяженный“, „Цезарь“ и „человѣкъ, умершій естественной смертью“ и т. д. Понятія находятся въ отношеніи противной противоположности, если въ ряду соподчиненныхъ понятій они отстоятъ другъ отъ друга на возможно далекомъ разстояніи. Ср. 208. Диспаратны или несравнимы понятія тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе общимъ въ сравненіи съ ними должно быть высшее понятіе, обнимающее ихъ въ себѣ. Такъ, диспаратны понятія „крас-

ный“ и „сладкій“ и въ еще большей степени „красный“ и „добродѣтельный“.

265. Категоріи, какъ высшія понятія. Продолжая подчиненіе понятій другъ другу, мы приходимъ, наконецъ, къ высшимъ понятіямъ, которыя называются также самыми общими категоріями. Высшее и самое общее понятіе есть понятіе объекта сознанія вообще; за нимъ слѣдуютъ понятія объекта сознанія, какъ таковаго, и объекта сознанія, какъ предмета сознаванія объективной дѣйствительности, или, короче говоря, противоположность лишь представляемаго и дѣйствительнаго. Далѣе, противоположности конкретныхъ и абстрактныхъ понятій, проходящія черезъ всю систему подчиненныхъ другъ другу понятій, соотвѣтствуетъ противоположность самостоятельнаго объекта мышленія и несамостоятельныхъ элементовъ или опредѣленій его. При этомъ подъ самостоятельными объектами мышленія подразумѣваются или самостоятельно представляемые объекты —тонъ, мелодія, окрашенная поверхность, — или вещи, относительно самостоятельныя по свидѣтельству нашего матеріальнаго познанія, т.-е. относительно самостоятельно существующія вещи, или относительно самостоятельныя субстанціи. Точно такъ же къ числу „несамостоятельныхъ элементовъ“ или „опредѣленій“ относятся элементы, безъ которыхъ объекты не могутъ быть представлены, а также элементы, которые необходимо приписывать вещамъ или субстанціямъ на основаніи опыта относительно объективно дѣйствительнаго міра. Между этими двумя или четырьмя категоріями посредствующее положеніе занимаютъ отношенія, которыя также бываютъ двухъ родовъ, именно отношенія, данныя въ представленіи, и отношенія въ мышленіи. Къ числу первыхъ принадлежатъ отношенія пространства и времени, а къ числу послѣднихъ логическія отно-

шенія, т.-е. отношенія основанія и слѣдствія, и отношенія возникающія благодаря нашей упорядочивающей дѣятельности соединенія, раздѣленія и сравненія, именно субъективныя категоріи. Категоріи причины и дѣйствія, субстрата и свойства, силы, дѣятельности и т. д. суть виды логическаго отношенія, т.-е. понятія, подчиненныя логическому отношенію вообще. Наконецъ, модификаціями логическаго отношенія могутъ быть названы категоріи модальности: дѣйствительность, необходимость, возможность (вѣроятность).

266. Грамматическія категоріи. Отъ этихъ логическихъ категорій слѣдуетъ отличать грамматическія категоріи, т.-е. высшіе роды словъ. Логическія категоріи въ нихъ не отражаются вполнѣ и законосообразно. Къ грамматикѣ, а не къ логикѣ относятся также такъ называемыя перемѣщенія категорій, т.-е. смѣшеніе классовъ словъ, въ особенности субстанціированіе свойствъ, событій, дѣятельностей: идти—ходъ. Эти явленія не имѣютъ никакого логическаго значенія, поскольку съ ними не связаны перемѣны въ смыслѣ.

267. Цѣнность понятій. Мысль, что понятія выражаютъ „сущность“ объектовъ, возникла изъ мистическаго представленія о лежащемъ въ основѣ объектовъ особомъ ядрѣ, или „сущности“. Въ дѣйствительности къ сущности объекта принадлежитъ все, что̀ принадлежитъ объекту. Къ тому же, такъ какъ одни и тѣ же объекты могутъ подходить подъ одни и тѣ же понятія, то каждый объектъ долженъ былъ бы имѣть много „сущностей“. Мысль, что понятіе всегда выдѣляетъ существенные, т.-е. для понятія существенные признаки, есть истина, но и тавтологія. Въ понятіе входитъ всегда то, что̀ для него „существенно“, или относится къ нему. Наоборотъ, важнымъ слѣдуетъ считать ученіе о томъ, что понятіе имѣетъ тѣмъ болѣе цѣнности, чѣмъ болѣе оно выдѣляетъ существенныхъ, т.-е. важныхъ признаковъ, именно важныхъ

для нашего чувства, для практической жизни или нравственной оцѣнки, или, наконецъ, для познанія. Для познанія же признаки важны въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ входить, какъ факторъ, въ законосообразности. Такъ какъ законосообразности выражаются въ сознаніи въ формѣ родовыхъ сужденій, то мы можемъ также сказать: понятія имѣютъ познавательную цѣнность въ той мѣрѣ, поскольку ихъ содержаніе можетъ быть субъектомъ или предикатомъ родовыхъ сужденій или входить въ нихъ, какъ рѣшающій элементъ. Этимъ же признакомъ опредѣляется и цѣнность дѣленій понятій (ср. 260). Она тѣмъ выше, чѣмъ больше значенія для познанія въ указанномъ отношеніи имѣютъ дѣлящія понятія съ ихъ отличительными признаками.

268. Понятіе и познаніе. Субъектъ родового сужденія есть общее основаніе соотвѣтствующаго ему предиката. Изъ него можно умозаключать вообще о существованіи предиката (его слѣдствія). Слѣдовательно, для познанія цѣнны тѣ понятія, которыя въ скрытой формѣ заключаютъ въ себѣ общее знаніе или законъ. Научное построеніе понятій имѣетъ цѣлью создавать такія понятія: одна изъ функцій этой дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы осаждать пріобрѣтенныя общія свѣдѣнія въ формѣ прочно установленныхъ понятій и такимъ образомъ создавать содержательныя и имѣющія общее значеніе цѣнности для мышленія и сношеній. Въ концѣ концовъ, наука должна создать систему понятій, въ которой была бы уложена и, такъ сказать, уплотнена система знаній. Понятіе не есть исходный пунктъ знанія; наоборотъ, система понятій можетъ быть названа конечною цѣлью знанія.

269. Мышленіе въ понятіяхъ. При всемъ томъ все же понятіе становится понятіемъ благодаря слову и логической связи съ нимъ содержаній сознанія. Мышленіе въ понятіяхъ

есть мышленіе съ помощью словъ; чистымъ мышленіемъ въ понятіяхъ бываетъ такое мышленіе, которое совершается исключительно съ помощью словъ, служащихъ представителями понятій. При случаѣ было уже сказано (ср. 54 с.), когда актъ сужденія долженъ совершаться съ помощью словъ, или въ формѣ „сужденій-предложеній“, и какъ такія сужденія возможны. Въ концѣ концовъ, наше мышленіе по существу для сознанія происходитъ съ помощью словъ (символовъ), т.-е. помимо словъ оно протекаетъ безсознательно. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь цѣнность, которую безсознательная представляющая дѣятельность имѣетъ для насъ, открывается сознанію въ сопровождающихъ чувствахъ. Логическая, или познавательная цѣнность обнаруживается въ логическихъ чувствахъ, въ чувствѣ истины, достовѣрности, короче объективной необходимости, если сочетаніе словъ сообразуется съ субъективною необходимостью представляющей дѣятельности, и въ чувствѣ неистинности, противорѣчія съ тѣмъ, что̀ имѣетъ объективное значеніе или существуетъ, если собственное наше субъективное теченіе представленій, т.-е. теченіе, не соотвѣтствующее мышленію, или сообщенія другихъ вынуждаютъ насъ къ сочетаніямъ словъ, которымъ противорѣчитъ объективная необходимость представляющей дѣятельности.

ОТДѢЛЪ VIII.

Опытъ и законосообразности мышленія.

Глава XXX. Основанія сужденія.

270. Общія соображенія. Отъ основанія предиката въ сужденіи, какъ уже было сказано при случаѣ, слѣдуетъ отли-

чать основаніе сужденія. Подъ основаніемъ сужденія мы подразумѣваемъ здѣсь то, что́ дѣлаетъ возможнымъ сужденіе, какъ таковое, или то, благодаря чему содержанія представленій могутъ быть другъ для друга субъектами или предикатами; въ этомъ смыслѣ основаніемъ сужденія служатъ опытъ и законы духовной жизни.

271. Опытъ, какъ основаніе сужденія. Опытъ въ самомъ общемъ смыслѣ есть данность, т.-е. существованіе чего-либо для меня или въ видѣ предмета моего сознанія. Въ этомъ смыслѣ всякій объектъ какого угодно сужденія, а также и само сужденіе, какъ сознательный процессъ, есть предметъ опыта. Въ этомъ именно общемъ смыслѣ мы и понимаемъ „опытъ", когда говоримъ, что онъ служитъ основаніемъ сужденій. При этомъ нужно вполнѣ серьезно относиться къ понятію „основанія". Опытъ можетъ „обосновывать" сужденіе, лишь поскольку онъ самъ есть нѣчто отличное отъ сужденія. Основаніе есть всегда одно, а обосновываемое—другое. Сужденіе „всякій цвѣтъ имѣетъ степень яркости" дано въ опытѣ, или есть опытъ; необходимость представлять всякій цвѣтъ имѣющимъ какую-либо степень яркости существуетъ для меня лишь въ томъ случаѣ, если я ее испытываю или переживаю. Но само это переживаніе не обусловлено опытомъ; въ основѣ его не лежитъ отличающійся отъ него самого опытъ, или видъ данности объектовъ въ сознаніи.

272. Воспріятіе, какъ основаніе сужденія. Опытъ служитъ основаніемъ сужденія въ томъ смыслѣ, что онъ есть основаніе сознанія объективной необходимости представленія или связи представленій. Непосредственнымъ основаніемъ сознанія объективной необходимости представляющей дѣятельности служитъ всегда воспріятіе. Здѣсь выполнено требованіе, чтобы основаніе отличалось отъ своего слѣдствія. Актъ воспріятія не есть само сознаніе объективной

необходимости. Этотъ актъ самъ по себѣ есть прежде всего способъ, которымъ объекты возникаютъ въ моемъ сознаніи; онъ лишь первоначально обусловливаетъ сознаніе принужденія со стороны объектовъ въ актахъ представленія. Сознаніе объективной необходимости, связанное съ воспріятіемъ, или непосредственное сознаніе объективной дѣйствительности можетъ быть уничтожено потомъ другимъ знаніемъ и замѣнено своею противоположностью. Тѣмъ не менѣе актъ воспріятія остается тѣмъ же.

273. Воспоминаніе. Съ другой стороны, сознаніе объективной необходимости въ актахъ представленія связывается съ каждымъ воспоминаніемъ, все равно имѣемъ ли мы дѣло съ воспоминаніемъ объ опредѣленномъ воспріятіи, или же съ воспоминаніемъ о томъ, что́ вообще было дано въ сознаніи. Основаніемъ сознанія объективности въ этомъ случаѣ служитъ то, благодаря чему существуетъ воспоминаніе, именно прежде существовавшая данность объектовъ въ сознаніи. Въ то же время всякая форма воспоминанія, по мѣрѣ своего совершенствованія, заключаетъ въ себѣ и сознаніе объективной необходимости сочетанія объектовъ сознанія. Основаніемъ этого сознанія служитъ то обстоятельство, что объекты нѣкогда совпадали или соединялись въ воспріятіи или въ сознаніи вообще, и благодаря этому совпаденію или соединенію между ними установились „ассоціаціи". Обоснованное" въ опытѣ сознаніе объективной необходимости сочетанія объектовъ всегда основывается на такихъ ассоціаціяхъ. Если мы говоримъ, что сужденіе имѣетъ свое основаніе въ опытѣ, или „эмпирически" обосновано, то это значитъ, что производимое въ немъ сочетаніе основано на воспріятіи, на воспоминаніи, наконецъ, на ассоціаціяхъ, установившихся въ опытѣ. Нечего и говорить, что такія сужденія всегда бываютъ „матеріальными".

274. A posteriori и a priori. Сужденія, обоснованныя въ этомъ смыслѣ съ помощью опыта, могутъ называться апостеріорными. Наоборотъ, апріорными могутъ называться сужденія постольку, поскольку они имѣютъ свое основаніе въ томъ, что существуетъ въ человѣческомъ духѣ a priori, т.-е. независимо отъ опыта. Но въ человѣческомъ духѣ не существуетъ ничего a priori, кромѣ него самого, т.-е. его природы и своеобразныхъ законовъ ея. Поэтому чисто апріорными можно называть лишь тѣ сужденія, въ которыхъ, правда, какъ и во всякомъ сужденіи, содержаніемъ служатъ объекты опыта, но основаніе того, что дѣлаетъ ихъ сужденіями, т.-е. сознаніе объективной необходимости сочетанія представленій находится лишь въ законахъ духовной дѣятельности. Изъ этого ясно въ то же время, что въ извѣстномъ смыслѣ всякое сужденіе и даже всякое содержаніе нашего духа должно быть обосновано a priori; слѣдовательно, чистой апріорности не можетъ быть противопоставлена чистая апостеріорность. Въ самомъ дѣлѣ, въ духѣ ничего не можетъ быть такого, въ существованіи и свойствахъ чего не осуществлялась бы природа и законосообразность духа. Для нашего сознанія не было бы цвѣтовъ, если бы духъ не обладалъ свойствомъ отвѣчать на свѣтовыя раздраженія ощущеніями цвѣтовъ. Точно такъ же ни одно сужденіе не можетъ быть построено безъ того, чтобы, совершая эту дѣятельность, духъ не подчинялся своимъ законамъ. Также всякое содержаніе духа, обязанное своимъ существованіемъ воспріятію, воспоминанію и ассоціаціи и въ этомъ смыслѣ апостеріорное, въ то же время имѣетъ все-таки и апріорный характеръ, поскольку въ немъ какимъ-либо образомъ проявляется законосообразность духа.

275. Апріорность качественныхъ формальныхъ сужденій. Предыдущія соображенія уже показываютъ, что „апріорность“ сужденій имѣетъ различныя ступени. Прежде

всего апріорными могутъ быть названы всѣ качественныя формальныя сужденія (ср. 146). Объективная необходимость не могла бы въ нихъ быть безусловною необходимостью представленія, если бы она не существовала независимо отъ воспріятія, воспоминанія, ассоціаціи идей. Однако эта независимость требуетъ ближайшаго опредѣленія. Непрерывный рядъ возможныхъ тоновъ возникаетъ для насъ благодаря воспріятію, т.-е. благодаря опыту, но какъ только онъ однажды явился такимъ образомъ, у насъ возникаютъ апріорныя формальныя сужденія, напр., апріорное формальное сужденіе „непрерывность тоновъ имѣетъ три и только три измѣренія“, или „тоны всегда вполнѣ опредѣляются своею высотою, силою и тембромъ“. Это сужденіе имѣетъ апріорный характеръ, поскольку для построенія его не нужно наблюденія отдѣльныхъ тоновъ, такъ какъ непосредственнымъ основаніемъ его и ручательствомъ въ его достовѣрности служитъ законосообразность нашего представленія тоновъ, какъ она фактически существуетъ. Однако это сужденіе нельзя назвать апріорнымъ въ томъ смыслѣ, будто бы оно вполнѣ основывается на природѣ нашего духа или составляетъ слѣдствіе чистой законосообразности нашего духа. Безъ предшествующихъ соотвѣтствующихъ воспріятій мы бы не имѣли никакихъ представленій ни о цвѣтахъ (ср. выше 274), ни о тонахъ. Приведенное нами сужденіе обусловлено не теперешнимъ воспріятіемъ опредѣленныхъ тоновъ или воспоминаніемъ о нихъ, а прежними воспріятіями этого опредѣленнаго рода. Впрочемъ это обстоятельство не исключало бы еще чистой апріорности, если бы мы могли утверждать, что въ силу природы нашего духа для нашего сознанія не могло бы существовать тоновъ, съ различіями по другимъ направленіямъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы на нашъ духъ дѣйствовали вмѣсто дѣйствительно существующихъ звуковыхъ раздраженій или рядомъ съ ними

совершенно другія звуковыя раздраженія, о которыхъ мы теперь не можемъ сказать, какого рода они были бы. Само собой разумѣется, на это утвержденіе мы не имѣемъ права; мы вовсе не знаемъ, какимъ образомъ относился бы духъ къ такимъ раздраженіямъ. Поэтому мы должны оставаться при утвержденіи, что приведенное сужденіе основывается на законосообразности духа, существующей для насъ послѣ того, какъ мы въ извѣстной сферѣ воспринимающей дѣятельности, именно въ области слуха, получили эти опредѣленныя, а не какія-либо иныя воспріятія на основаніи опредѣленныхъ воздѣйствій внѣшней среды. Такимъ образомъ разсматриваемое сужденіе, конечно, имѣетъ „апріорный" характеръ, но сама его апріорность производная, основанная на воспріятіяхъ или опытахъ, апостеріорная, могли бы мы сказать. Оно обладаетъ лишь условною, или производною апріорностью.

276. Апріорность сужденій о пространствѣ. Въ такомъ же положеніи, какъ и качественныя формальныя сужденія, находятся сужденія о пространствѣ, слѣдовательно, въ частности и геометрическія сужденія. Представленіе пространства, какъ и представленіе тона или цвѣта, дано a priori прежде всего въ томъ смыслѣ, что отъ природы духа зависитъ располагать нѣкоторыя воспріятія, напр., зрительныя и осязательныя, вообще въ пространственной формѣ. Представленіе пространства апріорно также и въ томъ смыслѣ, что мы теперь фактически пользуемся представленіемъ пространства опредѣленнаго вида, именно трехмѣрнаго. Однако его нельзя назвать даннымъ a priori въ томъ смыслѣ, будто бы природа духа требуетъ представлять въ пространственной формѣ всѣ впечатлѣнія вообще, какого бы рода они ни были. Слуховыя ощущенія, какъ таковыя, т.-е. помимо связанныхъ съ ними зрительныхъ представленій, не имѣютъ никакихъ простран-

ственныхъ опредѣленій. Представленіе пространства не можетъ быть названо апріорнымъ также въ томъ смыслѣ, въ какомъ это было бы возможно, если бы имѣли право утверждать, что вслѣдствіе природы нашего духа наше представленіе пространства должно было бы имѣть свои теперешнія свойства даже и въ томъ случаѣ, если бы съ дѣтства духъ подвергался совершенно иного рода впечатлѣніямъ или къ существующему опыту присоединился совершенно иной опытъ. Сужденія объ общихъ свойствахъ пространства и основанныя на нихъ болѣе частныя геометрическія сужденія апріорны, т.-е. существуютъ благодаря свойствамъ духа, но они зависятъ также и отъ теперешняго или прошлаго опыта, т.-е. отъ того, что опытъ давалъ поводъ къ возникновенію не иного какого-либо, а фактически существующаго представленія о пространствѣ. Въ своемъ представленіи пространства, а слѣдовательно, и сужденіяхъ о немъ мы связаны воспріятіемъ пространства такъ же, какъ въ своихъ представленіяхъ о тонахъ мы связаны воспріятіемъ тона. Четвертое измѣреніе пространства для насъ точно такъ же непредставимо, какъ четвертое измѣреніе тоновъ, или какъ не представимы тоны вообще для глухого.

277. Апріорность времени. Инымъ характеромъ отличаются формальныя сужденія о времени. Необходимость временного порядка объектовъ сознанія, включая и общія свойства его, существуетъ независимо отъ частныхъ особенностей нашихъ содержаній сознанія. Насколько мы знаемъ, она связана съ природою представляющаго духа, поскольку онъ вообще представляетъ. Въ этомъ смыслѣ она дана чисто a priori. Слѣдовательно, формальныя сужденія о времени, напр., „время имѣетъ лишь одно измѣреніе“, „все представляемое находится во времени“, апріорны совершенно иначе, чѣмъ сужденія о пространствѣ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы мы получали совершенно иныя впечатлѣнія, чѣмъ теперь,

все же временной порядокъ неизмѣнно сохранился бы, какъ необходимая форма нашихъ представленій, а также чувствъ и воли.

278. Апріорность субъективныхъ сужденій. До сихъ поръ шла рѣчь о формальныхъ объективныхъ сужденіяхъ. Имъ противостоятъ субъективныя сужденія. Изъ нихъ прежде всего безусловно апріорны тѣ, которыя могутъ существовать, какъ самостоятельныя сужденія, слѣдовательно, сравнивающія сужденія (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова). Они могутъ быть апріорными, потому что основываются на иной законосообразности, чѣмъ объективныя сужденія, именно не на законосообразности представленій, а на законосообразности нашего субъективнаго упорядочиванія представляемыхъ объектовъ, или, короче говоря, на нашей субъективной законосообразности мышленія. Сужденіе „красный и голубой цвѣтъ не похожи другъ на друга“ признается достовѣрнымъ, конечно, лишь потому, что красное и голубое суть эти опредѣленные цвѣта. Однако чистое субъективное сравнивающее сужденіе не имѣетъ дѣла съ этимъ качествомъ представленій. Содержаніемъ его служитъ сознаніе не о томъ, что нѣчто имѣетъ эти свойства, называемыя нами краснотою и бѣлизною, а о томъ, что эти свойства должны быть поставлены въ опредѣленное мысленное отношеніе другъ къ другу, если или поскольку они встрѣчаются въ какомъ-либо объектѣ нашего сознанія. У насъ не было бы повода для этого субъективнаго сужденія, если бы для насъ не существовало цвѣтовъ, но вслѣдствіе этого сужденіе не сдѣлалось бы ложнымъ, поскольку лишь законы нашего духа остались бы прежними. Оно не могло бы уничтожиться и тогда, если бы на насъ дѣйствовали какія-либо теперь неизвѣстныя раздраженія и вызывали въ насъ совершенно иныя представленія цвѣтовъ. Наоборотъ, несамостоятельныя субъективныя

сужденія, напр., сужденія о единствѣ, сложности и т. п., апріорны или апостеріорны, смотря по тому, относятся ли они къ числу формальныхъ или матеріальныхъ. Сужденіе о томъ, что я долженъ сложить три угла треугольника въ одно цѣлое, если приравниваю ихъ къ двумъ прямымъ, есть формальное и апріорное сужденіе о единствѣ; сознаніе о томъ, что сложное содержаніе дерева должно быть объединено, если мы хотимъ приписать ему названіе дерева, есть матеріальное и апостеріорное сужденіе. Ср. 186 сс.

279. Матеріальныя апріорныя сужденія. Впрочемъ на ряду съ апріорными формальными сужденіями, или, короче говоря, съ формальною апріорностью существуютъ также апріорныя матеріальныя сужденія или матеріальная апріорность. Матеріальною апріорностью обладаетъ то, что́ основывается на законосообразности духа, не постольку, поскольку онъ представляетъ или дѣлаетъ объекты предметами упорядочивающаго мышленія, а поскольку онъ мыслитъ о чемъ-либо, какъ объективно дѣйствительномъ. Содержаніемъ апріорныхъ матеріальныхъ сужденій, какъ и только что описанныхъ субъективныхъ сужденій, служитъ исключительно сознаніе о томъ, какъ мы должны мыслить, если даны извѣстные объекты мышленія. Точнѣе говоря, содержаніемъ ихъ служитъ сознаніе какой-либо законосообразности, или, правильнѣе: законосообразности процесса матеріальныхъ сужденій вообще. Поэтому-то они безусловно апріорны. Сюда относится, напр., сужденіе, что всякое измѣненіе требуетъ, какъ части причины, другого измѣненія, съ которымъ оно непосредственно связано во времени.

280. Непосредственныя сужденія. Различіе между апріорными и апостеріорными сужденіями перекрещивается съ различіемъ между непосредственными и опосредствованными сужденіями. Къ числу непосредственныхъ сужденій относятся,

съ одной стороны, сужденія, непосредственно обоснованныя въ опытѣ, т.-е. въ воспріятіи и воспоминаніи, а, съ другой стороны, сужденія, въ которыхъ непосредственно выражается законосообразность мышленія или представляющей дѣятельности. Первыя необходимо бываютъ единичными сужденіями, а вторыя—самыми общими сужденіями, какія только можно себѣ представить. Всѣ остальныя сужденія находятся между этими двумя полюсами.

281. Опосредствованныя сужденія. Изъ непосредственныхъ эмпирическихъ сужденій получаются другія сужденія путемъ расширенія, обобщенія, или, короче говоря, путемъ индукціи; съ другой стороны, изъ непосредственныхъ апріорныхъ сужденій получаются другія сужденія путемъ вывода, или дедукціи. Наконецъ, между такими индуктивно полученными эмпирическими сужденіями и такими дедуктивно полученными апріорными сужденіями находятся дедуктивныя эмпирическія сужденія, т.-е. сужденія, полученныя путемъ вывода, или дедукціи, изъ индуктивно построенныхъ общихъ, въ особенности родовыхъ сужденій.

282. Сужденія и „основанія". Сужденія, какъ мы сказали выше (270), имѣютъ свое „основаніе" въ опытѣ и въ законахъ духа. Согласно сказанному выше, субъектъ въ сужденіи служитъ „основаніемъ" предиката. Если сужденія выведены изъ другихъ сужденій, то они, кромѣ того, имѣютъ свое „основаніе" въ этихъ сужденіяхъ. Поэтому, разсматривая сужденія, можно говорить объ основаніяхъ въ трояномъ значеніи этого слова. Основанія въ послѣднемъ смыслѣ этого слова или обоснованіе сужденій съ помощью обосновывающихъ сужденій (посылокъ) мы уже изслѣдовали въ главѣ о выводящихъ сужденіяхъ. Ср. 123 сс.

Глава XXXI. Законы мышленія.

283. Традиціонное ученіе. Въ традиціонной логикѣ законами мышленія считаются „начала" тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія.

284. Законъ тождества. Мы уже признали, что законъ тождества въ формѣ утвержденія „всякій объектъ тождественъ самъ себѣ" или не имѣетъ смысла, или заключаетъ въ себѣ тавтологію. Ср. 200. Точно то же слѣдуетъ сказать и о законѣ равенства: „всякій объектъ равенъ самому себѣ". Ср. 204. Первое изъ этихъ положеній, какъ мы нашли, можетъ указывать лишь, что вообще для нашего сознанія существуютъ объекты, т.-е. замкнутыя самостоятельныя сложныя единства. Точно такъ же не имѣетъ никакой цѣны законъ тождества въ формѣ утвержденія: „всякій субъектъ есть предикатъ для самого себя" (omne subjectum est praedicatum sui), напр., „домъ есть домъ". Мы можемъ, конечно, строить такія предложенія, но, когда мы строимъ сужденія, мы никогда не приписываемъ предмету его самого въ качествѣ предиката. Даже если это предложеніе имѣетъ цѣлью лишь показать, что если предметъ мыслится, то невозможно, чтобы не мыслился именно этотъ предметъ, то и въ такомъ случаѣ оно ничего не говоритъ. Наконецъ, тавтологіею долженъ быть признанъ и законъ соотвѣтствія: „А, которое есть В, есть В". При этомъ вездѣ предполагается, что приведенныя формулы дѣйствительно имѣютъ притязаніе служить выраженіемъ законовъ мышленія. Если же рѣчь идетъ не о законахъ, а о требованіяхъ, то закону тождества можно приписать даже троякій смыслъ: во-первыхъ, онъ можетъ быть понятъ, какъ требованіе постоянства представленій въ противоположность колеблющимся и расплывающимся представленіямъ; во-

вторыхъ, оно можетъ быть понято, какъ требованіе постоянства и единообразнаго смысла понятій; въ-третьихъ, какъ требованіе устанавливать постоянныя сужденія, т.-е. такія сужденія, которыя могутъ быть оправданы, короче говоря, сужденія, имѣющія объективное значеніе. Впрочемъ нельзя, конечно, отрицать, что въ законѣ тождества при болѣе свободномъ толкованіи его можно найти дѣйствительный законъ мышленія. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже (288).

285. Законъ противорѣчія. Нѣсколько иную оцѣнку вызываетъ законъ противорѣчія въ своей традиціонной формулировкѣ. Уже раньше мы нашли, что законъ „А, которое есть В, не есть не-В“ лишь въ томъ случаѣ не тавтологія, если онъ служитъ выраженіемъ мысли, что вообще существуютъ предикаты, относящіеся другъ къ другу, какъ В и не-В, т.-е. исключающіе другъ друга или противорѣчащіе другъ другу. Ср. 207. То же самое можно сказать и о формулѣ: „противорѣчащія сужденія—S есть P, и S не есть P—не могутъ быть оба истинными“. Сознаніе истинности утвердительнаго сужденія „S есть P“ есть не что иное, какъ осуществленіе въ сознаніи самого этого сужденія. Но для полнаго осуществленія въ сознаніи утвердительнаго сужденія „S есть P“ требуется еще и сознательное отрицаніе присоединенія какого-либо не-P къ S, или сознаніе объективной невозможности этого присоединенія. Въ этомъ именно и состоитъ сознаніе ложности сужденія „S не есть P“. Точно такъ же въ полномъ сознаніи истинности отрицательнаго сужденія „S не есть P“ заключается уже сознаніе ложности утвердительнаго сужденія „S есть P“. Слѣдовательно, начало противорѣчія заключаетъ въ себѣ не законъ акта сужденія, а описаніе сущности этого акта или сознанія истинности. Онъ указываетъ, въ чемъ состоитъ утвердительное и отрицательное сужденіе, опредѣляя взаимное отношеніе, непосредственно

заключающееся въ нихъ. Это начало имѣетъ цѣну именно въ томъ случаѣ, если понимать его, какъ выраженіе этого отношенія. Кромѣ этого, законъ противорѣчія можетъ также считаться отрицательнымъ выраженіемъ тѣхъ требованій, которыя мы считаемъ возможнымъ вложить въ содержаніе закона тождества.

286. Законъ исключеннаго третьяго. Обратную сторону закона противорѣчія во второй приведенной формулировкѣ его составляетъ утвержденіе: „противорѣчащія сужденія не могутъ быть оба ложными". И это утвержденіе прежде всего оказывается тавтологіею. Сознаніе ложности сужденія состоитъ именно въ построеніи противорѣчащаго ему сужденія, т.-е. въ сознаніи истинности противорѣчащаго сужденія. Въ свою очередь, и этотъ законъ имѣетъ однако цѣну, какъ выраженіе этого факта, т.-е., если понимать его, какъ опредѣленіе сознанія ложности. Два приведенныя утвержденія соединяются въ законъ исключеннаго третьяго: „изъ двухъ противорѣчащихъ сужденій или одно, или другое есть истина", или: „S есть P или не-P, третій случай невозможенъ". Этотъ законъ служитъ полнымъ выраженіемъ того факта, который мы высказали уже раньше въ формѣ утвержденія, что всякій актъ сужденія состоитъ въ объективно необходимомъ обращеніи къ объекту P, которое необходимо совпадаетъ съ отклоненіемъ отъ другихъ объектовъ, именно, отъ всѣхъ не-P, или въ формѣ положенія, что утвержденіе и отрицаніе суть одинъ и тотъ же актъ, разсматриваемый лишь съ разныхъ сторонъ.

287. Законъ достаточнаго основанія. Наконецъ, тавтологіею или простымъ объясненіемъ слова слѣдуетъ считать и законъ достаточнаго основанія въ слѣдующей его формулировкѣ: „вмѣстѣ съ основаніемъ дано и слѣдствіе, при отсутствіи слѣдствія отсутствуетъ и основаніе". Основаніе, въ

смыслѣ этого „закона основанія", есть именно то, вмѣстѣ съ чѣмъ дано нѣчто другое, называемое его „слѣдствіемъ", или то, что принуждаетъ насъ мыслить объ этомъ другомъ; въ свою очередь, необходимость мыслить нѣчто, напр. В, потому что мыслится нѣчто другое, именно А, приводитъ къ тому, что А уничтожается, т.-е. замѣняется противорѣчащею противоположностью, если исчезаетъ В, т.-е. замѣняется противорѣчащею противоположностью. Въ свою очередь, ничто не мѣшаетъ намъ видѣть въ законѣ достаточнаго основанія именно это опредѣленіе сущности основанія или, если угодно, выраженіе того факта, что такія „основанія" существуютъ. Съ другой стороны, также и въ законъ достаточнаго основанія можно вложить троякое требованіе: во-первыхъ, требованіе, чтобы во всякомъ сужденіи субъектъ заключалъ въ себѣ достаточное основаніе предиката; во-вторыхъ, требованіе, чтобы сужденія были достаточно обоснованы въ опытѣ и законахъ мышленія; въ-третьихъ, требованіе, чтобы сужденія, насколько возможно, были „обоснованы" съ помощью другихъ сужденій, именно, чтобы они прежде всего были выводимы изъ родовыхъ сужденій и такимъ образомъ были членами стройной системы знанія. Ср. 282.

288. Законосообразность мышленія. Рядомъ со всѣми этими тавтологическими „законами" мышленія или этими болѣе или менѣе важными для мышленія опредѣленіями, которыя тѣмъ не менѣе не имѣютъ права называться законами, стоитъ лишь одинъ дѣйствительный законъ мышленія. Этотъ законъ, въ концѣ концовъ, можетъ быть найденъ и въ разсмотрѣнныхъ только что „началахъ", въ особенности въ началѣ тождества и противорѣчія и въ началѣ достаточнаго основанія. Онъ состоитъ именно въ законосообразности самого мышленія. Законосообразность есть постоянство или послѣдовательность; законосообразность мышленія суще-

ствуетъ въ томъ случаѣ, если при одинаковыхъ предположеніяхъ должно быть мыслимо одинаковое, если изъ равнаго для мышленія вытекаетъ равное, или если одинаковыя основанія имѣютъ для сознанія одинаковыя слѣдствія. Законъ законосообразности мышленія, этотъ единственный законъ мышленія, утверждаетъ именно, что наше мышленіе отличается этимъ свойствомъ. Этотъ законъ имѣетъ четвероякое примѣненіе, согласно четыремъ различнымъ условіямъ нашего процесса сужденія или нашего сознанія необходимости мыслить что-либо.

289. Законосообразность въ объективныхъ формальныхъ сужденіяхъ. Необходимость мышленія въ объективныхъ формальныхъ сужденіяхъ есть необходимость представлять что-либо, и эта необходимость всегда подчинена условію, что нѣчто другое также представляется; основанія необходимости представлять что-либо, можемъ мы также сказать, состоятъ въ этомъ видѣ сужденій всегда въ простомъ существованіи представленій или элементовъ представленія. Такъ, необходимость представлять себѣ, что въ треугольникѣ сумма двухъ угловъ больше третьяго угла, имѣетъ основаніе въ существованіи треугольника въ моемъ представленіи, именно не этого или того треугольника, а треугольника вообще. Поскольку я это знаю, т.-е. поскольку, пріобрѣтая это знаніе, я имѣю въ виду только природу треугольника вообще, или умозаключаю, только исходя изъ нея, это сужденіе имѣетъ общее значеніе. Оно имѣетъ общее значеніе именно вслѣдствіе общей законосообразности моего мышленія въ примѣненіи ея къ тому мышленію, которое имѣетъ основаніе лишь въ существованіи представленія, или въ примѣненіи къ объективному формальному процессу сужденія.

290. Закон сообразность эмпирическихъ сужденій. Наоборотъ, въ „эмпирическихъ сужденіяхъ“, т.-е. сужденіяхъ, обоснованныхъ съ помощью опыта (271 сс.), условіемъ необходимости мыслить что-либо, служитъ данность объекта въ воспріятіи или воспоминаніи или сообразное опыту сочетаніе (ассоціація) объектовъ. Общій законъ мышленія въ его примѣненіи къ эмпирическимъ сужденіямъ говоритъ, что эмпирическія основанія необходимо суть общія основанія, что объектъ на основаніи опыта не можетъ принуждать меня къ осуществленію въ сознаніи какой-либо мысли и въ то же время къ отрицанію ея. Въ этомъ примѣненіи своемъ законъ мышленія есть „законъ причинности“. Подробнѣе объ этомъ законѣ и его отношеніяхъ сказано въ главѣ XXXII.

291. Законосообразность процесса субъективнаго сужденія. Въ противоположность объективнымъ сужденіямъ вообще для всѣхъ субъективныхъ сужденій характерно то, что они предполагаютъ, кромѣ объектовъ, данныхъ въ воспріятіи или воспоминаніи или же въ сознаніи вообще, еще особую дѣятельность упорядочиванія или особыя „операціи“ съ объектами. Согласно этому, законъ мышленія въ его примѣненіи къ субъективнымъ сужденіямъ гласитъ слѣдующее: одинаковыя данныя, будучи предметомъ одинаковой упорядочивающей дѣятельности или одинаковыхъ операцій мышленія, даютъ одинаковые результаты. Соотвѣтственно различнымъ формамъ упорядочивающей дѣятельности этотъ общій законъ выражается въ нѣсколькихъ частныхъ положеніяхъ: одинаковое соединеніе, дѣленіе, сравненіе одинаковыхъ объектовъ и т. п., приводитъ къ одинаковымъ результатамъ. Само собою разумѣется, въ послѣднемъ случаѣ предполагается, что и сравниваніе происходитъ одинаковое; иными словами, послѣдній частный случай этого закона дѣйствителенъ лишь, если отвлечься отъ субъективныхъ колебаній или воз-

можныхъ различій въ трудности и легкости сравненія. Особый случай примѣненія закона мышленія къ субъективнымъ сужденіямъ составляютъ слѣдующія ариѳметическія правила: сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе одинаковыхъ величинъ приводитъ къ одинаковымъ результатамъ, или, короче говоря, дѣйствія надъ одинаковыми величинами приводятъ къ одинаковымъ результатамъ.

292. Абстрактно логическая законосообразность мышленія. Наконецъ, мы встрѣчаемся съ закономъ мышленія, какъ общимъ закономъ умозаключенія, безъ примѣненія къ особымъ условіямъ. Какъ таковой, онъ утверждаетъ что то, что̀ мы должны мыслить, мы вынуждены мыслить не въ той или иной, а во всякой связи мыслей; иными словами, достовѣрная мысль достовѣрна, все равно, съ какой стороны мы ее разсматриваемъ, съ какими другими мыслями мы ее сочетаемъ, или въ какую бы мысленную связь съ другими мыслями мы ни включали ее. Эту сторону законосообразности мышленія мы отмѣчаемъ названіемъ абстрактно логической законосообразности. Она господствуетъ въ особенности въ обыкновенно спеціально такъ называемыхъ „непосредственныхъ“ умозаключеніяхъ и въ силлогистическихъ умозаключеніяхъ. Въ такой же мѣрѣ законосообразность въ ея примѣненіи къ эмпирическимъ сужденіямъ господствуетъ въ индукціи, а въ примѣненіи къ субъективнымъ сужденіямъ въ счисленіи и въ примѣненіи къ объективнымъ формальнымъ сужденіямъ—въ геометріи.

Глава XXXII. Опытъ и законъ причинности.

293. Формулы закона причинности. Мы уже раньше признали тавтологіею утвержденіе, что всякое дѣйствіе, т.-е.

все причиненное, имѣетъ причину. Правило „одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ дѣйствіямъ“ есть не столько правило, сколько указаніе признака понятія причины. Какъ мы увидимъ дальше, мы говоримъ о причинѣ лишь тогда, когда установили законосообразность ея связи съ дѣйствіемъ. Впрочемъ, законъ причинности обыкновенно высказывается въ формѣ закона причинности явленій: всякое явленіе имѣетъ своею причиною другое явленіе, съ которымъ оно непосредственно связано во времени. Мы видѣли уже, что причиняющее явленіе точнѣе было бы называть частью причины произведеннаго явленія. Здѣсь мы оставимъ пока безъ разсмотрѣнія вопросъ (ср. 309), нужно ли понимать непосредственную связь во времени причиненнаго и причиняющаго явленія, какъ непосредственное с л ѣ д о в а н і е перваго за вторымъ, или же между ними можетъ существовать также отношеніе одновременности. Не только явленіе или измѣненіе, но и различіе требуетъ причины: должна существовать причина того, что эта роза бѣла, а та красна. Наконецъ, всякое бытіе вообще кажется намъ связаннымъ съ причиною. То, что с у щ е с т в у е т ъ теперь, должно было уже существовать раньше, или возникнуть въ этотъ моментъ благодаря отличной отъ него причинѣ. Въ первомъ случаѣ, условіемъ теперешняго с у щ е с т в о в а н і я явленія служитъ, по крайней мѣрѣ, его собственное с у щ е с т в о в а н і е въ п р е д ы д у щ і й моментъ. Конечно, съ логической точки зрѣнія не важно, назовемъ ли мы это условіе дѣйствительно причиною или частью причины теперешняго существованія, или удовлетворимся тѣмъ, что назовемъ его лишь „условіемъ“.

294. С у ж д е н і я в о с п р і я т і я. Законъ причинности, какъ уже сказано выше (290), есть примѣненіе законосообразности мышленія къ эмпирическимъ сужденіямъ. Онъ есть не что иное, какъ осуществленіе общей законосообразности мыш-

ленія въ этихъ сужденіяхъ. Но къ числу эмпирическихъ сужденій относятся прежде всего сужденія, основанныя на воспріятіи. Содержаніемъ простого или примитивнаго сужденія, основаннаго на воспріятіи, служитъ сознаніе объективной дѣйствительности воспринятаго предмета; это—экзистенціальное сужденіе, слѣдовательно, сужденіе, не заключающее въ себѣ противоположности субъекта и предиката. Если намъ данъ въ воспріятіи не одинъ объектъ, а множество рядомъ стоящихъ объектовъ, то мы имѣемъ сознаніе объективной дѣйствительности не только этихъ объектовъ, какъ таковыхъ, но и ихъ порядка въ пространствѣ и времени. Однако и здѣсь логическая противоположность субъекта и предиката еще не дана: я еще не долженъ присоединять одинъ объектъ къ другому, потому что представляю это другое и разсматриваю его, какъ объективно дѣйствительное; воспріятіе есть лишь непосредственное основаніе того, что я мыслю нѣсколько объектовъ и вмѣстѣ съ ними пространственно-временной порядокъ дѣйствительными. Какъ бы ни было широко мое воспріятіе, сужденіе, основанное на немъ, остается все же экзистенціальнымъ сужденіемъ или совокупностью такихъ сужденій, не заключая въ себѣ отношенія зависимости или логическаго отношенія, характеризующаго полное сужденіе.

295. Эмпирическая ассоціація. Это отношеніе зависимости или это сознаніе необходимости мыслить какой-либо объектъ, потому что мыслится другой, является впервые вслѣдствіе ассоціацій, завязывающихся на основаніи сосуществованія въ сознаніи. Законъ эмпирической ассоціаціи или ассоціаціи на основаніи встрѣчи въ сознаніи, называемый не особенно удачно „закономъ ассоціаціи по смежности", состоитъ въ слѣдующемъ: объекты, сосуществующіе въ сознаніи или слѣдующіе другъ за другомъ, составляютъ цѣлое такого рода, что данная вновь часть этого цѣлаго обладаетъ тенденціею

воспроизводить въ сознаніи другія части въ такомъ же порядкѣ и послѣдовательности, какъ образовалось цѣлое или сложились раньше его части.

296. Логическое значеніе этой ассоціаціи. Эта тенденція не заключаетъ въ себѣ никакой необходимости для акта представленія. Если въ моемъ воспріятіи (или представленіи) къ S опредѣленнымъ образомъ присоединилось P, напр., если я видѣлъ на деревѣ цвѣты, то ничто мнѣ не мѣшаетъ впослѣдствіи присоединять въ представленіи къ S всевозможныя не-P вмѣсто P, напр., представлять себѣ дерево безъ цвѣтовъ. Не существуетъ ассоціаціи, которая бы дѣйствовала принудительно на наши акты представленія. Однако эмпирическія ассоціаціи принудительно дѣйствуютъ на построеніе нашихъ матеріальныхъ сужденій; въ ихъ природѣ лежитъ способность производить это логическое принужденіе. S представляется мнѣ въ воспоминаніи объективно дѣйствительнымъ и этому объективно дѣйствительному S, какъ таковому, я долженъ приписывать P (въ раньше воспринятомъ порядкѣ); я не могу представить себѣ дерево безъ цвѣтовъ (или поставить цвѣты въ иное отношеніе къ нему), не превращая такимъ образомъ дерево въ недѣйствительный объектъ, т.-е. не противорѣча моему сознанію дѣйствительности или тому, чего отъ меня требуетъ содержаніе моего опыта.

297. Сужденіе о послѣдовательности. Благодаря ассоціаціи, а, слѣдовательно, и въ воспоминаніи данъ еще одинъ элементъ. Здѣсь мы приходимъ къ тому, что уже было раньше сказано (90). Допустимъ, что въ воспріятіи P слѣдуетъ за S. Тогда въ воспоминаніи я сознаю прежде всего, что P есть нѣчто объективно дѣйствительное не гдѣ бы то ни было въ мірѣ, а поскольку я представляю его слѣдующимъ за S, которое мыслю дѣйствительнымъ. Слѣдовательно, S прежде всего есть для меня реальное основаніе и основа-

ніе реальности предиката P (85); эту роль оно играетъ не абсолютно, а въ этомъ актѣ моего воспоминанія, или поскольку лишь этотъ актъ воспоминанія дѣйствуетъ во мнѣ. Такъ какъ P слѣдовало за S въ воспріятіи, то отсюда является склонность воспроизводить S и P именно въ этой послѣдовательности. Здѣсь, въ свою очередь, опять-таки нѣтъ никакой необходимости въ актахъ представленія. Въ представленіи я могу переходить также и отъ P къ S. Однако поскольку существуетъ и дѣйствуетъ ассоціація, я не могу этого дѣлать, не сознавая въ то же время, что поступаю при этомъ произвольно и противорѣчу ходу представленій, предписываемому опытомъ или требуемому самими объектами опыта. Мое воспроизведеніе представленій, поскольку я переворачиваю послѣдовательность объектовъ S P, не имѣетъ объективнаго характера или не обусловлено объектами. Воспроизведеніе можетъ представляться мнѣ объективнымъ лишь въ томъ случаѣ, если оно слѣдуетъ ходу воспріятій. Но въ воспріятіи существованіе S было условіемъ существованія P. Соотвѣтственно этому, и въ моей объективной воспроизводящей дѣятельности существованіе S служитъ условіемъ существованія P; ходъ моего воспоминанія, если оно имѣетъ вполнѣ объективный характеръ, или есть настоящее „воспоминаніе“, ведетъ отъ S къ P, а не наоборотъ. При этомъ S представляется мнѣ объективно необходимымъ (реальнымъ) условіемъ; оно играетъ эту роль именно постольку, поскольку оказывается такимъ условіемъ въ моихъ объективныхъ актахъ представленія. Въ этомъ и заключался смыслъ объективно необходимыхъ условій (90). Въ свою очередь, S объективно необходимое условіе лишь въ этомъ актѣ моего воспоминанія. Другіе опыты могутъ привести къ тому, что S вообще перестанетъ для меня быть условіемъ P. Однако здѣсь мы не будемъ еще говорить

объ этомъ. Здѣсь мы пока предполагаемъ лишь S и P данными.

298. Сужденіе о сосуществованіи, основанное на воспоминаніи. Наоборотъ, если въ моемъ воспріятіи или опытѣ, лежащемъ въ основѣ воспоминанія, S и P были даны одновременно, то я могъ тогда переходить, какъ отъ P къ S, такъ и отъ S къ P. Соотвѣтственно этому я могу и въ воспоминаніи переходить отъ P къ S и отъ S къ P, не теряя при этомъ сознанія полной объективности ихъ. Однако въ моемъ воспоминаніи это P опять-таки представляется мнѣ объективно дѣйствительнымъ не вообще или въ какомъ угодно мѣстѣ міра, а въ связи съ S, или поскольку я представляю его себѣ существующимъ одновременно съ S (и какъ-либо связаннымъ съ нимъ въ пространствѣ). Слѣдовательно, реальнымъ условіемъ сознанія дѣйствительности P служитъ опять-таки сознаніе дѣйствительности S и опредѣленнаго отношенія къ нему. Равнымъ образомъ, и P есть „реальное“ условіе S. Такимъ образомъ S и P служатъ реальнымъ условіемъ другъ для друга въ актѣ моего воспоминанія или въ моемъ сужденіи, основанномъ на воспоминаніи. Но такъ какъ они взаимно обусловлены въ объективныхъ актахъ представленія, то они составляютъ взаимно или другъ для друга объективно необходимое условіе. Изъ этого опять-таки не слѣдуетъ, что они суть условія, имѣющія объективное значеніе. Здѣсь, какъ и раньше (297), актъ воспоминанія разсматривается прежде всего самъ по себѣ; мы изслѣдуемъ его самостоятельно, безъ тѣхъ поправокъ, которыя могутъ быть произведены въ немъ дальнѣйшимъ мышленіемъ. Вопросъ, что̀ сдѣлается изъ этого акта, когда присоединятся другія воспоминанія, будетъ ли тогда объективно необходимое условіе утверждаться вообще, какъ условіе, здѣсь, какъ и выше, оставляется пока въ сторонѣ.

299. Переходъ къ закону причинности. Причина есть единство и связь объективно необходимыхъ реальныхъ условій чего-либо объективно дѣйствительнаго; но такія условія могутъ первоначально встрѣчаться лишь въ актахъ воспоминанія или въ сужденіяхъ, основанныхъ на воспоминаніи. Поэтому изслѣдованіе закона причинности должно исходить изъ разсмотрѣнія сужденій, основанныхъ на воспоминаніи. При этомъ необходимо предполагается критика наивнаго и нелогическаго понятія причины. (Ср. гл. XX с.).

300. Сужденіе, основанное на воспоминаніи, какъ общее сужденіе. Предположимъ, что F есть какой-либо актъ, наблюдаемый мною въ какой-либо моментъ, а С—совокупность и пространственно-временная связь „сопутствующихъ" обстоятельствъ, т.-е. всего того, что̀ въ моемъ наблюденіи, поскольку оно простиралось, было дано одновременно съ F и непосредственно предшествовало F, или, короче говоря, подъ С мы будемъ разумѣть единство и полную пространственно-временную связь объектовъ опыта, къ которымъ въ этомъ данномъ случаѣ въ моемъ опытѣ непосредственно примыкало F. Въ то же время мы будемъ оставлять безъ вниманія всѣ другіе объекты опыта, которые были даны мнѣ уже раньше или могутъ войти позже въ кругъ моего опыта, слѣдовательно, мы изолируемъ на время обозначенную здѣсь пространственно-временную связь объектовъ опыта. Когда F послѣдовало за С, у меня возникла ассоціація CF. На основаніи ея, у меня возникло прежде всего единичное сужденіе „это С есть F" или „при этихъ опредѣленныхъ условіяхъ С было F". Въ этомъ сужденіи С играетъ для меня роль реальнаго основанія или содержитъ это основаніе въ себѣ: къ этому С, поскольку оно есть именно это дѣйствительное С, я долженъ присоединять F, какъ принадлежащее тоже къ объективной дѣйствительности. С было единичное; представленіе С

есть представленіе опредѣленнаго единичнаго C, т.-е. представленіе, возникшее изъ воспріятія опредѣленнаго C, относящагося къ опредѣленному мѣсту объективно дѣйствительнаго міра. Однако представленіе этого C ничѣмъ не отличается отъ представленія какого угодно C, которое можетъ встрѣтиться въ мірѣ и совершенно сходно съ этимъ первымъ C, хотя численно отличается отъ него. Представленіе C, какъ таковое, есть исключительно представленіе C, обладающаго опредѣленными свойствами. Для насъ вообще существуютъ, правда, представленія, происходящія отъ этихъ или тѣхъ единичныхъ объектовъ, но сами по себѣ представленія никогда не бываютъ представленіями этихъ или тѣхъ объектовъ, они всегда бываютъ представленіями такихъ или иныхъ объектовъ: какъ мы уже сказали при случаѣ (243), представленія всегда бываютъ общими, поскольку они могутъ изображать собою любое количество объектовъ опредѣленнаго свойства. Слѣдовательно, и представленіе C есть представленіе „такого" C, или представленіе всѣхъ возможныхъ C, похожихъ на наблюдаемое. Точнѣе говоря, оно есть представленіе „такихъ" объектовъ, находящихся въ „такихъ" пространственно-временныхъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ F. Поэтому и ассоціація CF, такъ какъ это ассоціація между представленіями, а не между соотвѣтствующими имъ вещами, существующими внѣ духа, есть ассоціація между такимъ C и такимъ F. Этимъ уже дано сужденіе: „такое C есть F", или „при такихъ обстоятельствахъ существуетъ F". Слѣдовательно, основанное на воспоминаніи единичное сужденіе объ C и F есть въ то же время общее сужденіе, охватывающее всевозможныя C и F въ мірѣ; это необходимо въ такой же мѣрѣ, поскольку представленія C и F имѣютъ общій характеръ, т.-е. охватываютъ всѣ C и F въ мірѣ. Это сужденіе становится для

моего сознанія общимъ, когда я сознаю эту заключающуюся въ немъ общность.

301. Законосообразность міра. Въ этомъ общемъ сужденіи C служитъ для меня общимъ реальнымъ основаніемъ F или содержитъ это основаніе въ себѣ. Этого не было бы, т.-е. разсматриваемое сужденіе не было бы общимъ, если бы не было общей законосообразности мыслящаго духа, т.-е. если бы то, что̀ принуждаетъ меня мыслить о чемъ-нибудь, могло бы въ то же время и не оказывать этого принужденія. Наоборотъ, общее сужденіе существуетъ именно потому, что эта общая законосообразность существуетъ и примѣняется также къ эмпирическимъ сужденіямъ. C становится основаніемъ F благодаря ассоціаціи. Слѣдовательно, законосообразность мыслящаго духа состоитъ въ настоящемъ случаѣ въ законосообразности мышленія, основаннаго на ассоціаціи, или въ логической законосообразности ассоціаціи. На ней основывается вся законосообразность міровой связи; эта законосообразность есть не что иное, какъ міровая связь, подведенная подъ логическую законосообразность ассоціаціи.

302. Противорѣчія между эмпирическими сужденіями. Въ предыдущемъ изслѣдованіи мы опредѣлили, что̀ слѣдуетъ изъ эмпирической ассоціаціи CF, какъ таковой, или разсматриваемой самостоятельно, или что̀ слѣдовало бы изъ нея, если бы она существовала и дѣйствовала самостоятельно. При этомъ мы не обращали вниманія на все то, что̀ можетъ угрожать самой ассоціаціи, а слѣдовательно, и ея дѣйствію, въ особенности мы не обращали вниманія на всѣ опыты и эмпирическія ассоціаціи, въ которыхъ съ совершенно такимъ же C можетъ соединяться какое-нибудь не-F. Предположимъ теперь, что такой противоположный опытъ встрѣтился намъ. Тогда устанавливается эмпирическая ассоціація CF_1, при чемъ F_1 представляетъ собою какое-

нибудь не-F. Поскольку для меня существуетъ ассоціація CF, постольку для меня существуетъ общее сужденіе CF, а поскольку существуетъ эта противоположная ассоціація, постольку существуетъ и общее сужденіе CF_1. Оба они не могутъ быть осуществлены вмѣстѣ или въ одномъ актѣ мышленія, слѣдовательно, они составляютъ противорѣчіе. Это противорѣчіе можетъ быть устранено лишь въ томъ случаѣ, если я могу мыслить эти C неодинаковыми, или если они могутъ превратиться въ моемъ сознаніи въ неодинаковыя. Это случается тогда, если новое наблюденіе показываетъ въ C, которое было связано съ F, какой-либо моментъ или ближайшее опредѣленіе, отличающіе его отъ C, связывавшагося съ F_1, такъ что теперь эти C могутъ противостоять другъ другу, какъ отличающіяся другъ отъ друга, напр., какъ $C\alpha$ и $C\alpha_1$. Противоположныя ассоціаціи CF и CF_1 превратились теперь въ существующія рядомъ ассоціаціи $C\alpha F$ и $C\alpha_1 F_1$. Вмѣсто противорѣчащихъ сужденій CF и CF_1 явились согласимыя сужденія $C\alpha F$ и $C\alpha_1 F_1$. Оба они относятся къ числу *общихъ* сужденій. *Отличающіяся* другъ отъ друга C служатъ для меня, какъ цѣлое или какъ единство заключающихся въ нихъ моментовъ, общими реальными основаніями *отличающихся* другъ отъ друга F.

303. *Причина различій.* Противорѣчіе между CF и CF_1 было устранено открытіемъ элементовъ α и α_1. Мысль, что C, къ которому примыкало F, заключаетъ въ себѣ элементъ α, т.-е. мысль, что эти C такимъ образомъ отличаются другъ отъ друга, служитъ для меня необходимымъ условіемъ для мыслимости различныхъ F. Въ свою очередь, это различіе есть необходимое условіе не чисто *субъективныхъ*, а *объективныхъ* актовъ представленія, *соотвѣтствующихъ* тому способу, какимъ предметы моего опыта сочетались въ опытѣ; слѣдовательно, это *объективно* необходи-

мое предположеніе различія F. Но общія реальныя основанія, поскольку они въ то же время принадлежатъ къ числу объективно необходимыхъ условій, суть „причины". (Ср. 90). Такимъ образомъ изъ закона мышленія получается законъ причины различія: всякое различіе, данное въ опытѣ (воспріятіи, воспоминаніи), должно быть „причинено" различіемъ въ соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ, т.-е. въ связяхъ объективной дѣйствительности, въ которую непосредственно включены эти явленія. Иными словами: всякая особенность или различіе въ свойствахъ—F или F_1—даннаго въ опытѣ требуетъ особенности въ соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ, какъ своей причины, или, точнѣе говоря, какъ части причины.

304. Реальныя основанія, имѣющія объективное значеніе. Однако въ ассоціаціи $C\alpha F$, освобожденной отъ противорѣчія съ CF съ помощью элемента α, или въ сужденіи $C\alpha F$, освободившемся отъ противорѣчія благодаря этому α, $C\alpha$ играетъ роль реальнаго основанія лишь въ субъективномъ смыслѣ; иными словами, $C\alpha$ есть общее реальное основаніе F, поскольку до сихъ поръ руководилъ мною мой опытъ. При этомъ возможно, что въ дальнѣйшемъ опытѣ явятся и противъ этого $C\alpha F$ противоположныя ассоціаціи $C\alpha F_1$ или $C\alpha F_2$, которыя вновь создадутъ противорѣчіе или опять сдѣлаютъ немыслимымъ это $C\alpha F$. Тогда потребуется новое ближайшее опредѣленіе $C\alpha$, напр., $C\alpha\beta$. При этомъ элементъ β также сдѣлается однимъ изъ элементовъ причины F. Этотъ процессъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не получится опредѣленіе C, обладающее такими свойствами, что при допущеніи его присоединеніе F къ C будетъ имѣть объективное значеніе, т.-е. не будетъ вызывать опасеній, что явятся новыя противоположныя ассоціаціи или новыя противорѣчащія эмпирическія сужденія. Опредѣленное такимъ образомъ C—назовемъ его Ca—есть общее реальное основаніе F, имѣющее объектив-

ное значеніе. Общія реальныя основанія эмпирическихъ фактовъ, имѣющія объективное значеніе, получаются вообще описаннымъ здѣсь путемъ, т.-е. путемъ взаимодѣйствія противорѣчащихъ ассоціацій или эмпирическихъ сужденій. Двигателемъ при этомъ всегда служитъ противорѣчіе. Въ свою очередь, противорѣчіе имѣетъ основаніе своей возможности въ общемъ законѣ мышленія.

305. Причины, имѣющія объективныя значеніе. Предыдущія соображенія еще не заключаютъ въ себѣ утвержденія, что теперь F можетъ быть присоединяемо только къ этому найденному объективному реальному основанію, какъ цѣлому. Если на основаніи свидѣтельства опыта отсутствіе какого бы то ни было элемента въ Са влечетъ за собою отсутствіе факта F, тогда всякій элементъ Са есть часть причины F, а Са, какъ цѣлое, есть причина F. Но допустимъ, что я встрѣчаю случаи, когда F возникаетъ при обстоятельствахъ, отличающихся отъ Са лишь тѣмъ, что въ нихъ выпадаетъ опредѣленный элементъ или какое-либо ближайшее опредѣленіе Са, тогда этотъ элементъ или это опредѣленіе выходитъ изъ связи реальныхъ условій F. Тогда Са безъ этого элемента есть причина или реальное основаніе F. Благодаря всякому такому опыту возникаютъ болѣе тѣсныя ассоціаціи между F и соотвѣтствующими обстоятельствами. Если наконецъ опытъ служитъ ручательствомъ того, что дальнѣйшее суженіе не можетъ возникнуть, тогда мы нашли дѣйствительную или объективную причину F. Такимъ образомъ изъ взаимодѣйствія эмпирическихъ сужденій, противорѣчащихъ другъ другу и исправляющихъ другъ друга указаннымъ образомъ, получаются причины или такія эмпирическія ассоціаціи, которыя мы называемъ особымъ именемъ причинныхъ связей. Причинныя отношенія представляютъ собою выборъ изъ эмпирическихъ ассоціацій вообще, возникшій

вслѣдствіе этого взаимодѣйствія ассоціацій; причинныя отношенія суть тѣ ассоціаціи, которыя окончательно утвердились при этомъ взаимодѣйствіи.

306. Причины измѣненій. Измѣненіе есть лишь частный случай различія. Измѣненіе есть различіе въ одномъ и томъ же предметѣ или въ слѣдующихъ другъ за другомъ моментахъ при какихъ-либо условіяхъ С. Это различіе требуетъ также различія въ сопутствующихъ обстоятельствахъ. Переходъ F въ F_1 требуетъ перехода С, съ которымъ было связано въ опытѣ F, въ новое состояніе C_1, съ которымъ представляется связаннымъ въ опытѣ послѣдующее F_1. И тотъ и другой переходъ есть измѣненіе. Въ свою очередь, первое измѣненіе F въ F_1 дано для меня вообще вмѣстѣ съ послѣднимъ измѣненіемъ С въ C_1, если опытъ установилъ связь ихъ другъ съ другомъ. Такъ какъ, съ другой стороны, измѣненіе С въ C_1 есть необходимое и при томъ обективно необходимое условіе, если долженъ быть мыслимъ переходъ F въ F безъ противорѣчія, то измѣненіе С есть часть причины измѣненія F. Такимъ образомъ мы получаемъ законъ причины измѣненія: всякое измѣненіе (всякое явленіе) требуетъ измѣненія въ „соотвѣтствующихъ" (300) обстоятельствахъ, какъ части своей причины.—Какъ относится часть причины измѣненія, имѣющая субъективное значеніе, къ части причины, имѣющей обективное значеніе, и какимъ образомъ ее можно дополнить и получить полную обективно дѣйствительную причину, объ этомъ здѣсь не стоитъ говорить въ частности. (См. 304 с.).

307. Законъ причины бытія. Всякій отдѣльный объектъ въ мірѣ имѣетъ свои особенности, отличающія его отъ другихъ объектовъ, и всякій такой объектъ мы должны мыслить не абсолютно, а при допущеніи какихъ-либо обстоятельствъ или въ такой связи, въ какой онъ находится по сви-

дѣтельству опыта. Такимъ образомъ бытіе всякаго такого объекта само собою подчиняется закону причины различій; должна существовать причина того, что объектъ таковъ, каковъ онъ есть, а не существуетъ инымъ способомъ. Точно такъ же возникновеніе и исчезновеніе отдѣльныхъ объектовъ, какъ измѣненіе связи объектовъ, подходитъ подъ понятіе измѣненія и подчиняется закону причины измѣненій. Но законъ мышленія, какъ общій законъ мышленія, существуетъ и въ отношеніи того, что должно быть мыслимо нами, не въ опредѣленной связи съ опредѣленными объектами опыта, а абсолютно. Иными словами, онъ примѣнимъ и къ чистому экзистенціальному сужденію, полученному изъ опыта. Основаніемъ сознанія необходимости мыслить объектъ служитъ въ чистомъ экзистенціальномъ сужденіи лишь самъ этотъ объектъ. Поэтому общая законосообразность мышленія состоитъ здѣсь въ необходимости мыслить объектъ вообще. Этотъ законъ состоитъ въ слѣдующемъ: то, что существуетъ безусловно, т.-е. такъ, что мысль о существованіи объекта не связана съ условіями, лежащими внѣ его, существуетъ безусловно, т.-е. существованіе такого объекта не можетъ быть уничтожено въ мысли. Такія экзистенціальныя сужденія мы высказываемъ, какъ мы уже видѣли, первоначально на основаніи всякаго воспріятія; но въ концѣ концовъ остается лишь одно абсолютное экзистенціальное сужденіе, именно сужденіе, имѣющее своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое, или послѣднее трансцендентное основаніе міра. Слѣдовательно, сообразно закону мышленія это основаніе міра не можетъ быть мыслимо не существующимъ, т.-е. не можетъ быть мыслимо возникающимъ или исчезающимъ. Въ другихъ случаяхъ достовѣрность пребыванія объектовъ, напр., атомовъ, простирается настолько, насколько опытъ показываетъ, что внѣ ихъ нѣтъ измѣнчивыхъ условій ихъ бытія. Но, само

собою разумѣется, эта достовѣрность никогда не можетъ быть абсолютною, она всегда остается въ границахъ опыта. Положеніе, что какая-либо субстанція, за исключеніемъ абсолютной, должна всегда пребывать, не есть законъ мышленія, если только не понимать подъ субстанціею именно постоянно пребывающее. Справедливо лишь то, что наука должна искать не подлежащаго никакимъ измѣнчивымъ условіямъ и потому постояннаго, или „субстанцій" въ этомъ смыслѣ.

308. Causa sui. Какъ уже сказано выше, то, что́ не произведено кѣмъ-либо другимъ, должно уже было быть въ каждый моментъ. Прошедшее существованіе такого объекта есть необходимое и при томъ объективно необходимое условіе теперешняго его существованія; поскольку это условіе есть единственное, оно должно быть причиною теперешняго существованія объекта. Въ этомъ смыслѣ абсолютная субстанція съ логической точки зрѣнія съ полнымъ правомъ можетъ быть названа „causa sui" (причиною самой себя).

309. Отношеніе во времени между причиною и дѣйствіемъ. Если мы будемъ подразумѣвать подъ причиною, какъ мы это всегда здѣсь дѣлали, непосредственную причину, то дѣйствіе должно быть непосредственно связано во времени съ причиною, такъ какъ въ опытѣ можетъ возникнуть непосредственная ассоціація лишь между тѣмъ, что̀ непосредственно связано во времени. Вопросъ, предшествуетъ ли причина дѣйствію, или она одновременна съ нимъ, слѣдуетъ рѣшать въ томъ смыслѣ, что, говоря точно, во всякомъ случаѣ, когда что-либо имѣетъ причину внѣ себя, должно быть и то, и другое отношеніе во времени, такъ какъ всякій объектъ входитъ какъ въ одновременную, такъ и въ послѣдовательную связь объектовъ опыта. Для событія, во всякомъ случаѣ, требуется прежде всего предшествующее событіе, какъ часть причины. Допустимъ, что какое-либо событіе происхо-

дитъ или начинается въ моментъ М, а другое, обусловливающее его, вполнѣ совпадаетъ съ нимъ во времени. Въ этомъ случаѣ законъ причинности не выполненъ, это второе событіе также требуетъ другого событія, какъ части своей причины и т. д. Если и это событіе совпадаетъ во времени съ первымъ и т. д., то мы получаемъ въ концѣ концовъ картину новаго состоянія всего міра, которое протекаетъ или начинается въ моментъ М. Но это общее состояніе требуетъ какого-либо событія, какъ части причины, и такимъ событіемъ можетъ быть, во всякомъ случаѣ, лишь явленіе, предшествующее моменту М. А это явленіе, будучи частью причины новаго состоянія всего міра, есть въ то же время часть причины и при томъ непосредственно предшествующая часть причины разсмотрѣннаго нами перваго событія. Итакъ возможно, правда, что событіе причинно связано съ какимъ-нибудь другимъ вполнѣ одновременнымъ съ нимъ, но возникновеніе этого послѣдняго событія, а вмѣстѣ съ нимъ и того, которое причинено имъ, требуетъ, во всякомъ случаѣ, предшествующаго событія, которымъ опредѣляется моментъ появленія ихъ. Выше уже было сказано, что на ряду съ предшествовавшими частями причины вездѣ существуютъ части причины, одновременныя съ дѣйствіями. Ср. 172. Что касается объекта, обладающаго продолжительнымъ бытіемъ, то существующая внѣ его причина должна продолжать свое существованіе вмѣстѣ съ нимъ, иначе она не есть его причина. Въ этомъ случаѣ, какъ уже сказано выше, существованіе имѣющаго продолжительное бытіе объекта въ каждый данный моментъ имѣетъ своимъ условіемъ одновременное существованіе этой причины, съ одной стороны, а съ другой стороны, свое собственное существованіе и существованіе этой причины въ предшествующій моментъ.

310. Законъ косности (инерціи). Научный законъ косности (lex inertiae), состоящій въ томъ, что всякій объектъ „стремится“ пребывать въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находится, есть лишь иное выраженіе закона мышленія или особое примѣненіе его. Объектъ стремится сохранять свое положеніе, т.-е. оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, постольку, поскольку нѣтъ или не происходитъ ничего, что̀ можетъ быть причиною его измѣненія. Къ числу опредѣленій объекта, подлежащихъ закону инерціи, т.-е. не переходящихъ безъ причины въ другія опредѣленія, относятся и однажды возникшія состоянія движенія или возникшій процессъ вообще, даже форма измѣненія этого процесса, напр. законосообразное ускореніе движенія. „Законъ“ косности, постоянства, неизмѣняемости характера явленій, если нѣтъ измѣняющей причины, вездѣ имѣетъ свое основаніе въ „косности“, постоянствѣ, законосообразности мышленія или есть не что иное, какъ это постоянство, „косность“ нашего мышленія въ примѣненіи къ эмпирическимъ сужденіямъ.

311. Міровая связь. Все, что̀ есть и происходитъ, мыслимо для насъ безъ противорѣчій лишь при допущеніи того, что̀ было и происходило; это, въ свою очередь, мыслимо безъ противорѣчій лишь при допущеніи того, что̀ было и происходило раньше, и такъ до безконечности. Все, что̀ есть и происходитъ, насколько мы знаемъ, есть и происходитъ лишь въ связи съ другимъ, одновременно существующимъ и происходящимъ, связаннымъ, въ свою очередь, съ другимъ и такъ далѣе. Все единичное имѣетъ свое бытіе лишь, какъ точка въ этой безконечной связи назадъ и въ этой всеохватывающей связи въ ширину. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы познать эту двоякую всеобщую связь, а также и находящіяся внутри ея въ обоихъ направленіяхъ, относительно самостоятельныя и замкнутыя или болѣе узкія, связи.

Глава XXXIII. Законъ непрерывности.

312. Непрерывность и опытъ. Описанная связь вещей необходима, но изъ этого еще не слѣдуетъ прямо, что она непрерывна, т.-е. что это есть связь бытія и явленій, развивающаяся безъ перерывовъ и скачковъ. Однако тотъ же законъ причинности, т.-е. общій законъ нашего мышленія, необходимо требуетъ, чтобы мы мыслили ее непрерывною. Если мы на мгновеніе отвлечемся отъ него, то мы можемъ себѣ представить, будто въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ объектовъ, которые относятся къ различнымъ отдѣльнымъ моментамъ времени и существуютъ лишь въ нихъ, такъ что міръ распадается на отдѣльныя моментальныя существованія. Эта мысль не опровергается неизбѣжною непрерывностью нашей представляющей дѣятельности, такъ какъ эта непрерывность существуетъ прежде всего лишь для непосредственнаго сознанія: все представляемое располагается во времени, и время, которое не было бы наполнено объектами представленія, было бы непредставимымъ, слѣдовательно, не существовало бы для нашего непосредственнаго сознанія. Это не мѣшаетъ однако тому, что мы мыслимъ фактически существующими пробѣлы въ связи нашихъ представленій и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ должны мыслить ихъ. Вѣдь существуютъ состоянія полной безсознательности. Но, съ другой стороны, вмѣстѣ съ непрерывностью представленій не дана еще непрерывность воспріятій. Было бы возможно, чтобы въ непрерывную связь представленій всегда вставлялись лишь отрывистыя воспріятія. Противоположное явленіе, т.-е. то обстоятельство, что воспріятія слѣдующихъ другъ за другимъ моментовъ сливаются и такимъ образомъ получается „тождественный“, именно для воспріятія тождественный объектъ (ср. 219), есть лишь фактъ опыта. Однако и эта

непрерывность воспріятія не исключаетъ возможности того, что воспринимаемое такимъ образомъ имѣетъ повсюду пробѣлы въ своемъ бытіи, ускользающіе только отъ воспріятія.

313. Законъ причинности и непрерывная длительность. Только законъ причинности дѣлаетъ эту мысль невозможною. Она невозможна прежде всего, поскольку этотъ законъ требуетъ, чтобы всякій объектъ, существующій въ какой-либо моментъ, существовалъ и въ каждый слѣдующій моментъ, если нѣтъ измѣняющихся условій его существованія въ первомъ случаѣ и несуществованія во второмъ. Существуетъ ли это условіе или нѣтъ, можетъ рѣшить лишь опытъ. Но мы имѣемъ поводъ исключать такія измѣняющіяся условія, если въ слѣдующіе другъ за другомъ моменты намъ данъ одинаковый объектъ, т.-е., если въ непосредственномъ опытѣ намъ дана непрерывная послѣдовательность одного и того же, именно непрерывная для непосредственнаго опыта или по свидѣтельству непосредственнаго сознанія. Затѣмъ, съ помощью мышленія, руководимаго закономъ причинности, эта непрерывная послѣдовательность превращается въ мыслимую или познанную, въ непрерывную и неизмѣнную длительность объекта, а не только нашего представленія о немъ. Въ то же время мы распространяемъ эту неизмѣнную длительность за предѣлы длительности непосредственнаго опыта. Такимъ образомъ заполняются пробѣлы въ объектахъ, мыслимые, несмотря на данную въ непосредственномъ опытѣ непрерывность, и пробѣлы между опытами, раздѣленными во времени. Однако и соединеніе содержаній раздѣленныхъ во времени опытовъ въ непрерывную связь должно быть обусловлено опытомъ. Опытъ даетъ возможность такого объединенія вслѣдствіе того, что объекты прежнихъ опытовъ, сохраняемые въ воспомина-

нiи и мыслимые непрерывно продолжающими существованiе, сливаются или отождествляются съ содержанiями новыхъ опытовъ. Безъ этого непосредственнаго совпаденiя или слiянiя содержанiй данныхъ въ опытѣ въ слѣдующiе другъ за другомъ моменты, т.-е. безъ этой данной въ непосредственномъ опытѣ непрерывности, съ одной стороны, и безъ этого слiянiя содержанiй, данныхъ въ прерывающемся опытѣ, съ другой стороны, для нашего познанiя не было бы никакой непрерывности или „тождества“ въ связи того, что̀ дано въ различные моменты нашего опыта. Такимъ образомъ для нашего познанiя вообще не было бы никакой непрерывности бытiя, а слѣдовательно, и никакого дѣйствительнаго тождества послѣдовательностей (219) безъ закона причинности. Поскольку въ понятiи длительности уже заключается признакъ сплошности или непрерывности бытiя, не кажущейся, или существующей лишь для непосредственнаго опыта, а дѣйствительной или познанной, постольку можно сказать, что и длительность не есть возможный непосредственный предметъ опыта, а существуетъ для насъ, лишь какъ результатъ мышленiя, руководимаго закономъ причинности.

314. Измѣненiе и опытъ. Длительность объекта, о которой мы здѣсь говоримъ, есть неизмѣнное существованiе, составляющее противоположность возникновенiю, быванiю, измѣненiю. Однако сказанное о первомъ понятiи относится и ко второму. Возникновенiе или измѣненiе не есть всякое появленiе объекта въ моемъ опытѣ и появленiе другого объекта въ дальнѣйшемъ опытѣ, т.-е. не всякая смѣна, данная въ опытѣ. Въ понятiе измѣненiя необходимо входитъ связь между тѣмъ, что̀ было до наступленiя измѣненiя, и тѣмъ, что̀ произошло благодаря ему, въ это понятiе входитъ переходъ одного въ другое, непрерывность или сплошная послѣдовательность различнаго. Эта послѣдовательность должна

быть дана также прежде всего въ непосредственномъ опытѣ, чтобы могло возникнуть знаніе объ измѣненіи. Однако эта данная въ опытѣ непрерывность послѣдовательности различнаго, какъ и непосредственно переживаемая непрерывность послѣдовательности одинаковаго, не заключаетъ въ себѣ дѣйствительной непрерывности, или непрерывности въ самомъ объектѣ. Измѣненіе, представляющееся непрерывнымъ, могло бы быть мыслимо въ дѣйствительности разлагающимся на любое количество раздѣльныхъ во времени актовъ абсолютно внезапнаго измѣненія. Такой „актъ“ измѣненія состоялъ бы просто въ томъ, что какой-либо объектъ или нѣчто—обозначимъ его O—не существовавшее до извѣстнаго момента, съ этого момента существуетъ; этотъ актъ состоялъ бы въ томъ, что въ извѣстный моментъ, или, начиная съ извѣстнаго момента, наступило бытіе объекта O, вмѣсто небытія его, или что къ времени небытія O примкнуло время бытія его. Граница между этими двумя періодами времени была бы математическимъ моментомъ времени, въ которомъ было бы объединено все внезапное „измѣненіе“. Въ мысли о такомъ положеніи вещей самой по себѣ такъ же мало было бы противорѣчія, какъ въ мысли, что протяженіе линіи или тѣла въ какомъ-либо направленіи доходитъ до какой-либо математической точки, а за предѣлами ея не существуетъ, или наоборотъ.

315. Измѣненіе и законъ причинности. Только законъ причинности исключаетъ возможность мыслить такимъ образомъ „измѣненіе“. Законъ причинности требуетъ для каждаго измѣненія не только вообще еще другого измѣненія, но именно непосредственно предшествующаго измѣненія, какъ части причины или такого элемента, которымъ завершается цѣлая причина перваго измѣненія (ср. 309). Но такой частью причины не можетъ быть моментальное измѣненіе, описанное

выше. Внезапное наступленіе не можетъ быть частью причины, служащею завершеніемъ причины наступленія какого-либо O. Математическій моментъ, въ который, по нашему предположенію, возникло O, можетъ именно вслѣдствіе того, что это математическій моментъ, предшествовать моменту появленія O лишь въ томъ случаѣ, если онъ *отдѣленъ* отъ него какимъ-либо промежуткомъ времени. Но въ такомъ случаѣ предшествованіе оказывается не непосредственнымъ, и, слѣдовательно, измѣненіе O не есть (непосредственная) причина наступленія O_1 или, точнѣе говоря, оно не завершаетъ собою причину наступленія O_1. Если такъ, то O должно быть мыслимо совершающимися *непрерывно* въ теченіе какого-либо *промежутка* времени. Поскольку оно совершается въ теченіе какого-либо промежутка времени, оно имѣетъ различные во времени начало и конецъ; поэтому оно, какъ *цѣлое*, можетъ предшествовать во времени своему дѣйствію, т.-е. наступленію O_1, и въ то же время конечный моментъ его можетъ совпадать во времени съ O_1, или начальнымъ пунктомъ его. При этомъ оно должно быть мыслимо *непрерывнымъ*, такъ какъ его распаденіе на рядъ скачковъ или моментальныхъ актовъ измѣненія (въ указанномъ раньше смыслѣ) привело бы лишь къ усложненію выше указаннаго противорѣчія. *Послѣдній* изъ этихъ актовъ долженъ былъ бы разсматриваться, какъ настоящая или *непосредственная* причина (точнѣе часть причины) причиняемаго измѣненія, но въ то же время, согласно выше сказанному, не могъ бы считаться таковою. Точно такъ же ни одинъ изъ этихъ актовъ не могъ бы *имѣть свою причину* въ предшествовавшемъ однородномъ актѣ.

316. *Непрерывное измѣненіе.* Наоборотъ, идеею непрерывности противорѣчіе устраняется. Согласно своей природѣ, непрерывное измѣненіе въ каждомъ своемъ моментѣ.

т.-е. безконечно часто заключаетъ простой „актъ“ измѣненія, т.-е. существованія чего-то, чтó раньше не существовало. Однако непрерывное измѣненіе состоитъ не изъ этихъ „актовъ“, а въ переходѣ отъ одного къ другому, подобно тому, какъ время состоитъ не изъ моментовъ, а въ переходѣ отъ одного момента къ другому. При этомъ и послѣдовательность во времени непрерывнаго измѣненія и произведеннаго имъ дѣйствія представляется, какъ переходъ перваго во второе или въ начальный моментъ его. Этимъ удовлетворяются два требованія: чтобы причиняющее измѣненіе предшествовало своему дѣйствію, и чтобы между ними не было никакого промежутка времени. Непрерывное измѣненіе можетъ быть разложено на элементы, однако лишь такіе, которые сами, въ свою очередь, суть непрерывное измѣненіе, слѣдовательно, состоятъ изъ такихъ же элементовъ и т. д. до безконечности. Каждый такой элементъ имѣетъ свою непосредственную причину въ предшествующемъ такомъ же элементѣ. Слѣдовательно, непрерывное измѣненіе представляетъ безконечную связь причинъ и дѣйствій. Это непрерывная причинная связь. Всякое измѣненіе, служащее причиною слѣдующаго измѣненія, должно быть мыслимо, какъ такая непрерывная причинная связь или элементъ ея.

317. Непрерывная связь измѣненій. Поскольку мы, обыкновенно, уже включаемъ признакъ непрерывности въ понятіе возникновенія, биванія, измѣненія, можно сказать, что возникновеніе, биваніе, измѣненіе, какъ и неизмѣнная длительность, существуетъ для насъ лишь на основаніи закона причинности. Также и непрерывность измѣненія, данная въ непосредственномъ опытѣ и существующая для нашего непосредственнаго сознанія, становится дѣйствительною или познанною впервые на основаніи этого закона. Когда мы приходимъ къ познанію какихъ-либо законосообразно-

стей непрерывнаго измѣненія, тогда кругъ непрерывнаго измѣненія расширяется для нашего мышленія за предѣлы опыта. Такимъ образомъ, и здѣсь (313) заполняются пробѣлы между опытами. Однако и здѣсь на вопросъ, какіе объекты опыта могутъ быть при такомъ заполненіи соединены въ связь непрерывнаго измѣненія, можно отвѣчать лишь на основаніи опыта. Мы знаемъ о непрерывности измѣненія только постольку, поскольку законъ причинности требуетъ непрерывной связи. Законъ причинной связи требуетъ ее вездѣ, слѣдовательно она существуетъ вездѣ. Но знаніе о томъ, какіе объекты опыта относятся къ этой, какіе къ той опредѣленной непрерывной причинной связи, и слѣдовательно, вообще къ опредѣленной непрерывной связи измѣненій, зависитъ отъ опыта. Такимъ знаніемъ предполагается, что въ непосредственномъ опытѣ даны непрерывныя послѣдовательности различнаго, а также, что существуютъ опыты, которые могутъ быть включены въ непрерывное измѣненіе, данное въ прошломъ опытѣ и продолженное въ мышленіи, т.-е. могутъ слиться или отождествиться съ какимъ-либо пунктомъ этого прошлаго опыта.

318. Законъ непрерывности. Въ концѣ концовъ, сказанное здѣсь (312—317) можно объединить въ формулѣ закона непрерывности: все существующее обладаетъ безконечною непрерывною длительностью, поскольку нѣтъ причины его возникновенія, исчезновенія и измѣненія, и все возникающее или наступающее примыкаетъ къ простирающейся въ безконечность назадъ причинной связи измѣненій, которая именно, какъ таковая, въ каждой своей части есть непрерывная причинная связь. Этотъ законъ вытекаетъ изъ закона причинности или изъ общей законосообразности мышленія. При этомъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что знаніе о томъ, какіе объекты опыта включаются въ опредѣленную связь не-

прерывно длительнаго или въ опредѣленную непрерывную связь измѣненій, въ концѣ концовъ, основывается на данной въ непосредственномъ опытѣ непрерывной послѣдовательности одинаковыхъ или различныхъ объектовъ и сочетаніи даннаго въ опытѣ съ результатами мышленія, руководимаго закономъ причинности.

ОТДѢЛЪ IX.

Индукція и дедукція.

Глава XXXIV. Индукція.

319. Умозаключеніе. Умозаключеніе есть опосредствованное построеніе сужденія, т.-е. построеніе сужденія изъ другихъ сужденій. Точнѣе говоря, въ умозаключеніи сужденіе получается не изъ дѣйствительныхъ, а всегда изъ возможныхъ другихъ сужденій, т.-е. оно получается изъ такихъ психическихъ состояній, которыя могутъ выразиться въ сознаніи въ формѣ сужденій и, конечно, должны пріобрѣсти эту форму, если умозаключеніе должно быть вполнѣ сознательнымъ. Никогда, собственно, актъ сужденія не производитъ изъ себя другого акта. Сужденія, изъ которыхъ получается въ умозаключеніи новое сужденіе, называются обосновывающими сужденіями или „посылками", а само новое сужденіе называется выводомъ (conclusio).

320. Четыре вида умозаключеній. Всякимъ умозаключеніемъ предполагается законъ, соотвѣтственно которому оно вытекаетъ изъ посылокъ. Поэтому существуетъ столько видовъ умозаключеній, сколько есть видовъ законо-

сообразности мышленія. Умозаключенія подраздѣляются на эмпирическія умозаключенія, умозаключенія объективно-формальныя (умозаключенія о представленіяхъ), субъективныя умозаключенія (умозаключенія субъективнаго порядка) и абстрактно-логическія умозаключенія, смотря по тому, служитъ ли въ нихъ двигателемъ законосообразность эмпирическихъ сужденій, законосообразность нашей представляющей дѣятельности, законосообразность субъективнаго процесса сужденія или же, наконецъ, абстрактно-логическая законосообразность (ср. 288 сс.). Мы начнемъ съ эмпирическихъ умозаключеній. Это индуктивныя умозаключенія.

321. Индукція. Индукція въ узкомъ смыслѣ этого слова (ср. 334) есть построеніе общаго сужденія изъ единичныхъ сужденій, основанныхъ на опытѣ, или построеніе еще болѣе общаго сужденія изъ полученныхъ такимъ образомъ общихъ сужденій. Логика различаетъ первоначально полную индукцію, или индукцію черезъ полное „перечисленіе“, и неполную индукцію. Индукція называется полною, если всѣ единичныя (или менѣе общія) сужденія, содержащіяся въ полученномъ, въ концѣ концовъ, общемъ сужденіи, при построеніи индукціи уже предполагаются существующими налицо; она называется неполною, если общее сужденіе основывается только на нѣкоторыхъ изъ этихъ сужденій. Слѣдовательно, полная индукція есть не что иное, какъ сокращенное выраженіе нѣсколькихъ единичныхъ сужденій. Результатомъ ея является универсальное сужденіе. Такое объединеніе сужденій не есть умозаключеніе и потому не должно называться индукціею. Въ противоположность этой полной индукціи научная индукція приводитъ къ родовымъ сужденіямъ, слѣдовательно, къ такимъ сужденіямъ, которыя относятся къ роду во всѣхъ возможныхъ его представителяхъ,

хотя бы и не данныхъ или еще не встрѣчавшихся въ опытѣ. Потому-то она должна быть неполною. Но въ другомъ, именно въ логическомъ смыслѣ она совершенна, если даетъ прочно установленный результатъ. Примѣромъ полной индукціи могъ бы служить тотъ случай, если бы астрономъ поодиночкѣ наблюдалъ и исчислялъ пути всѣхъ извѣстныхъ планетъ, и результатъ своихъ изслѣдованій выразилъ въ общемъ сужденіи, что всѣ эти пути имѣютъ эллиптическую форму. Въ такомъ пріемѣ мы болѣе не нуждаемся, потому что уже давно, на основаніи немногихъ вычисленій и наблюденій, можно было построить умозаключеніе неполной, но логически вполнѣ совершенной индукціи, что всѣ планеты, даже и не открытыя еще, должны совершать свое движеніе такимъ путемъ.

322. Индукція и причина. Родовыя эмпирическія сужденія основываются всегда, какъ уже сказано раньше (76), на знаніи причинной связи. Такъ, напр., въ родовомъ сужденіи: „всѣ планеты двигаются по эллиптической орбитѣ" принадлежность къ классу планетъ есть причина эллиптической формы пути. Слѣдовательно, индукція, именно неполная, но научная индукція должна имѣть цѣлью пріобрѣтеніе такого знанія о причинныхъ связяхъ. Путемъ индукціи непосредственно могутъ получаться лишь такія родовыя сужденія, въ которыхъ, какъ въ выше приведенномъ, субъектъ есть причина или реальное основаніе предиката, или же заключаетъ въ себѣ причину. Только родовыя сужденія, удовлетворяющія этому условію, непосредственно заключаютъ въ себѣ основаніе своей всеобщности; они обладаютъ всеобщностью на основаніи правила, что одинаковыя причины имѣютъ одинаковыя дѣйствія. Наоборотъ, если субъектъ сужденія есть дѣйствіе или реальное слѣдствіе, а предикатъ— причина его, то сужденіе можетъ быть родовымъ лишь при

условіи, что предикатъ извѣстенъ, какъ единственно возможная причина или во всѣхъ случаяхъ необходимая часть причины субъекта. Но знаніемъ, что А есть единственно возможная причина В, уже предполагается знаніе, что А вообще есть причина В; слѣдовательно, при этомъ уже предполагается существованія родового сужденія: „всегда, когда есть А, должно быть и В“. Слѣдовательно, при этомъ предполагается, что уже произведена индукція, съ помощью которой только и могло быть получено это родовое сужденіе. Затѣмъ, къ этой индукціи долженъ присоединиться дальнѣйшій процессъ мышленія для того, чтобы А было признано единственно возможною причиною В, и возникло родовое сужденіе: „всегда, когда есть В, должно быть А“.

323. Процессъ индукціи. Согласно сказанному, задача индукціи состоитъ въ построеніи родовыхъ сужденій, субъектъ которыхъ содержитъ въ себѣ реальное основаніе или причину предиката. Путь, которымъ получаются такія сужденія, описанъ въ главѣ XXXII. Выводъ закона причинности заключалъ въ себѣ не что иное, какъ описаніе этого пути. Мы видѣли, что, согласно общему закону мышленія, всякое единичное эмпирическое сужденіе, или сужденіе, основанное на воспоминаніи, заключаетъ въ себѣ непосредственно съ самаго начала общее и, точнѣе говоря, родовое сужденіе. Этимъ указано условіе всякой индукціи. Если бы единичныя сужденія сами уже не были родовыми, то изъ нихъ никогда бы не могли произойти родовыя сужденія. Но единичное сужденіе заключаетъ въ себѣ общее сужденіе только само по себѣ, т.-е., если не принимать въ расчетъ противорѣчія, въ которое могутъ вступить съ нимъ другія эмпирическія сужденія. Слѣдовательно, индукція задается цѣлью такъ преобразовать единичное сужденіе, чтобы его естественное при-

тязаніе быть въ то же время общимъ сужденіемъ могло сохраняться безъ такого противорѣчія.

324. Индукція, какъ детерминація. Но точнѣе говоря, задача индукціи двоякая. Допустимъ, что F есть предикатъ искомаго родового сужденія; тогда мы должны, прежде всего наблюдать обстоятельства C, при которыхъ встрѣчается F, и далѣе установить, сохраняется ли при сравненіи съ другими опытами притязаніе эмпирическаго сужденія C F быть въ то же время общимъ сужденіемъ, или же противоположные опыты, т.-е. такіе, въ которыхъ C представляется связаннымъ съ не-F, противорѣчатъ этому притязанію. Такіе противоположные опыты мы называемъ „отрицательными инстанціями“ для обобщенія сужденія, а подтверждающіе опыты мы называемъ „положительными инстанціями“. Такъ какъ согласно закону мышленія невозможно, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ C въ однихъ случаяхъ F существовало, а въ другихъ отсутствовало, за исключеніемъ того случая, если C при этомъ имѣло различныя ближайшія опредѣленія, то, говоря точнѣе, нужно отыскать такія инстанціи или опыты, въ которыхъ C было бы связано то съ одними, то съ другими ближайшими опредѣленіями, или то съ одними, то съ другими добавочными обстоятельствами, и посмотрѣть, когда при этомъ наступаетъ F. Значеніе отрицательныхъ инстанцій, получаемыхъ при такой относительной смѣнѣ обстоятельствъ, состоитъ въ томъ, что онѣ вынуждаютъ къ дальнѣйшему дополненію условій F, или къ дальнѣйшей „детерминаціи“ реальнаго основанія. Положительныя инстанціи, т.-е. случаи, когда F связано съ C при условіи все измѣняющихся добавочныхъ обстоятельствъ, показываютъ лишь, какія детерминаціи не нужны.

325. Индукція какъ редукція. Съ другой стороны, индукція имѣетъ цѣлью узнать, какіе элементы первоначаль-

наго C, опредѣленнаго уже точнѣе на основаніи отрицательныхъ инстанцій, могутъ отсутствовать и не вести за собою отсутствія F. Для этого нужно найти такіе случаи, когда первоначальное или уже детерминированное C дано такъ, что въ немъ отсутствуетъ то одинъ, то другой элементъ, то одно, то другое ближайшее опредѣленіе. Такіе опыты, если они принадлежатъ къ числу положительныхъ инстанцій, выдѣляютъ элементы изъ связи условій, при которыхъ F вообще должно быть мыслимо, или „редуцируютъ" реальное основаніе F. Если же они относятся къ числу отрицательныхъ инстанцій, то они указываютъ на невозможность редукціи, т.-е. приводятъ къ мысли, что элементы C суть окончательныя условія F. Всякою редукціею условій общность индуктивнаго общаго сужденія расширяется, а детерминаціею суживается. Путемъ смѣны такого суженія и расширенія возникаетъ составляющее цѣль индукціи общее (родовое) сужденіе съ предикатомъ F, имѣющее объективное значеніе. Въ субъектѣ его заключается причина F.

326. Индукція и индуктивное умозаключеніе. Подъ индукціею здѣсь подразумѣвается весь индуктивный процессъ. Отъ него мы отличаемъ индуктивное умозаключеніе, или актъ обобщенія, какъ таковой. Согласно вышесказанному, возможность индуктивнаго умозаключенія, т.-е. тотъ фактъ, что единичныя сужденія сами по себѣ имѣютъ значеніе общихъ, служитъ условіемъ индуктивнаго процесса, а не наоборотъ. Но, съ другой стороны, индуктивными умозаключеніями, имѣющими объективное значеніе, предполагается индуктивный процессъ. Конечно, и индуктивное умозаключеніе, имѣющее объективное значеніе, всегда возможно раньше всякой индукціи: о всякомъ событіи, однажды пережитомъ мною, я знаю безъ дальныхъ разсужденій, что оно всегда должно было бы наступить при

допущеніи точь въ точь такого же непосредственно предшествующаго состоянія міра вообще. Однако такое индуктивное умозаключеніе не имѣло бы никакой цѣны. Индукція имѣетъ цѣлью строить родовыя сужденія, въ которыхъ условія предиката были бы какъ можно менѣе индивидуально опредѣлены, т.-е. обладали бы возможно болѣе общимъ значеніемъ. Эта цѣль и достигается впервые спеціально процессомъ индукціи.

327. Гипотеза и законъ. Но уже на каждой ступени индуктивнаго процесса мы производимъ также индуктивныя умозаключенія. Мы все болѣе обобщаемъ факты гипотетически или при условіи поддержки со стороны дальнѣйшаго опыта. Такія предположительныя обобщенія могутъ называться индуктивными гипотезами. Гипотезою вообще называется всякое предположительное допущеніе. Всякая гипотеза имѣетъ научное право на существованіе, поскольку въ основѣ ея уже лежатъ опыты и дѣлаютъ ее вѣроятною (ср. гл. XLIII). Общее (родовое) сужденіе, получающееся, въ концѣ концовъ, изъ индуктивнаго процесса и удерживающееся при сравненіи со всѣми возможными, или возможными пока опытами, не есть уже простая гипотеза, а имѣетъ право называться закономъ.

328. Дедуктивные моменты. Испытаніе гипотезы или „оправданіе ея“ производится съ помощью предположительнаго примѣненія общаго сужденія, составляющаго содержаніе гипотезы, къ дальнѣйшимъ частнымъ опытамъ. Это примѣненіе, разсматриваемое само по себѣ, есть всегда дедуктивное умозаключеніе, и притомъ силлогизмъ. Оно могло бы быть формулировано такъ: при обстоятельствахъ C, какъ я предполагаю, всегда бываетъ F; въ этомъ частномъ случаѣ есть C, слѣдовательно, и здѣсь должно быть F. Точно такъ же въ случаѣ отсутствія F въ такой комбинаціи обстоятельствъ

обратное умозаключеніе о несостоятельности гипотезы имѣетъ характеръ силлогизма. Онъ принимаетъ форму гипотетически-категорическаго силлогизма (ср. гл. XL), если выше описанный силлогизмъ выражается въ формѣ слѣдующаго гипотетическаго сужденія: если F всегда связано съ C, то эта связь должна существовать и здѣсь; ея нѣтъ здѣсь, слѣдовательно F не всегда связано съ C. Если гипотеза имѣетъ количественно опредѣленный характеръ, слѣдовательно, выражается въ формѣ точнаго общаго сужденія, то при такой повѣркѣ примѣняется вычисленіе, какъ вспомогательное средство силлогизма, а, слѣдовательно, и индукціи.

329. Экспериментъ. Согласно данному изложенію индуктивнаго процесса, повторные опыты одинаковаго содержанія, слѣдовательно, количество инстанцій, какъ таковое, не имѣетъ значенія для индукціи. Для нея полезно только различіе инстанцій, въ особенности различіе въ C. Индукція достигаетъ своей цѣли только съ помощью „варіаціи" обстоятельствъ. Но различныя обстоятельства или сами собою встрѣчаются въ наблюденіи, или должны быть воспроизведены искусственно. Экспериментъ состоитъ въ искусственномъ произведеніи опытовъ для цѣлей знанія. Особенная цѣнность его заключается въ томъ, что искусственное произведеніе обстоятельствъ, обыкновенно, даетъ возможность точнѣе наблюдать и ограничивать ихъ. Самъ экспериментъ, въ свою очередь, имѣетъ цѣну постольку, поскольку онъ соотвѣтственно выработанному плану ведетъ къ изслѣдованію ясно формулированной гипотезы, имѣющей право на существованіе.

330. Индуктивныя обратныя умозаключенія Въ ходѣ индуктивнаго процесса отъ описаннаго индуктивнаго умозаключенія слѣдуетъ отличать другой видъ индуктивнаго умозаключенія, который мы называемъ индуктивнымъ обрат-

нымъ умозаключеніемъ. Процессъ индукціи состоитъ въ переходѣ отъ гипотетическихъ индуктивныхъ умозаключеній къ все менѣе гипотетичнымъ. Съ этимъ процессомъ вездѣ связаны индуктивныя обратныя умозаключенія. Ихъ содержанія уже обозначено нами. Если противорѣчіе между двумя опытами CF и C не-F заставляетъ насъ мыслить эти два C различными и этимъ различнымъ C приписывать F или не-F, то мы производимъ индуктивное обратное умозаключеніе. Точно такъ же, мы производимъ индуктивныя обратныя умозаключенія, когда, на основаніи двухъ опытовъ C_1F и C_2F, мы приходимъ къ мысли, что элементы, различные въ этихъ C, не составляютъ условія F. Въ первомъ случаѣ, результатомъ умозаключенія было два новыхъ сужденія, а во второмъ одно новое сужденіе. Первое умозаключеніе входитъ въ процессъ детерминаціи, а второе въ процессъ редукціи; поэтому первое можетъ быть названо детерминирующимъ, а второе редуцирующимъ обратнымъ умозаключеніемъ. Всякое умозаключеніе отъ различій объекта опыта къ различіямъ въ условіяхъ его и отъ измѣненія къ существованію измѣненія, какъ части причины его, есть индуктивное умозаключеніе перваго рода; всякое полученное изъ сравненія различныхъ опытовъ убѣжденіе въ томъ, что какое-либо обстоятельство не относится къ числу условій какого-либо факта, есть умозаключеніе второго рода.

331. Умозаключеніе по аналогіи. Наконецъ, отъ индуктивнаго умозаключенія въ узкомъ смыслѣ, а также отъ индуктивнаго обратнаго умозаключенія мы можемъ отличать умозаключеніе по аналогіи, или индуктивное соподчиненное умозаключеніе, т.-е. умозаключеніе о соподчиненномъ. Мы производимъ такое умозаключеніе всякій разъ, когда, исходя изъ факта, что опредѣленное S—нѣкоторое S_1—есть P, умозаключаемъ, что другое S—нѣкоторое S_2—есть

также P; иными словами, мы производимъ его тогда, когда, исходя изъ факта, что однажды при обстоятельствахъ C было F, умозаключаемъ, что такое F будетъ встрѣчаться при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ другомъ опредѣленномъ случаѣ. Такимъ умозаключеніемъ всегда предполагается возможность общаго сужденія: „S есть P“ или „при предположеніи C, существуетъ вообще F“. Если мы строимъ это общее сужденіе, чтобы затѣмъ вывести изъ него сужденіе: „S есть P“, или „съ C также и во второмъ случаѣ связано F“, тогда умозаключеніе по аналогіи составляетъ сочетаніе индуктивнаго умозаключенія съ силлогизмомъ. Однако нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы общее сужденіе, какъ таковое, существовало въ нашемъ сознаніи. Мы можемъ также непосредственно переходить отъ единичнаго сужденія: „S_1 есть P“ къ единичному сужденію: „S_2 есть P“, т.-е., можемъ непосредственно пользоваться правомъ сочетать S вообще съ P, не сознавая этого права отчетливо. Въ этомъ случаѣ умозаключеніе по аналогіи не составляетъ, правда, особой логической формы умозаключенія, но составляетъ все же особый психологическій пріемъ умозаключенія. Мы можемъ его также назвать неполнымъ индуктивнымъ умозаключеніемъ, потому что оно распространяется лишь на одно, а не на всѣ S.

332. Значеніе индукціи для познанія. Индукція (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) отвѣчаетъ на вопросъ, составляетъ ли что-либо данное въ опытѣ причину чего-либо другого, даннаго въ опытѣ. Но она не отвѣчаетъ безъ дальнихъ разсужденій на обратный вопросъ, какая причина лежитъ въ основѣ предмета опыта, или какъ „объясняется“ существованіе его. Индукція строитъ законы, но она не показываетъ въ то же время, какому изъ признанныхъ законовъ долженъ подчиняться данный фактъ: сама по себѣ она не строитъ „теоріи“, объясняющей факты. Для этого, какъ мы уже на-

мекали выше (322), требуется процессъ мышленія, выходящій за предѣлы индукціи (ср. объ этомъ гл. XL с.). Съ другой стороны, при дальнѣйшемъ развитіи познанія, не всякая новая индукція строится такъ непосредственно и независимо отъ всякихъ предположеній на единичныхъ опытахъ, какъ мы это должны были принимать выше. Только первыя индукціи, лишенныя всякой помощи извнѣ, должны возникать такимъ образомъ изъ послѣднихъ элементовъ познанія. Позднѣйшія же индукціи находятъ уже при своемъ построеніи содѣйствіе и всевозможныя предположенія извнѣ. Различныя обстоятельства, которыя могли бы имѣть притязаніе считаться частями причины факта, уже признаны разъ на всегда потерявшими право на это. Съ другой стороны, признанныя отношенія между причинами и дѣйствіями наводятъ на мысль объ аналогичныхъ отношеніяхъ въ аналогичныхъ областяхъ дѣйствительности. Такія умозаключенія по аналогіи основываются на той же законосообразности мышленія, благодаря которой возможна индукція, Въ особенности, аналогичные факты вызываютъ предположеніе о существованіи аналогичныхъ причинъ. Въ такомъ случаѣ индукціи предшествуетъ уже „гипотеза“: задача наблюденія состоитъ въ томъ, чтобы найти аналогичныя „причины“, а индукція должна показать, могутъ ли онѣ дѣйствительно называться причинами. И здѣсь, въ свою очередь, задача исключенія другихъ возможныхъ причинъ разсматриваемыхъ фактовъ присоединяется, какъ нѣчто относительно новое.

333. Образованіе понятія, какъ индукція. Какъ на особенный случай индукціи, слѣдуетъ смотрѣть на способъ, какимъ мы приходимъ къ общимъ понятіямъ. Понятіе (ср. 247) заключаетъ въ себѣ возможное родовое сужденіе, въ которомъ предикатомъ служитъ соотвѣтствующее понятію слово, а общія условія примѣненія его составляютъ субъектъ. Всякій

случай, когда мы слышимъ примѣненіе слова, составляетъ положительную инстанцію для построенія этого сужденія, а всякій случай, когда оно признается неподходящимъ, составляетъ отрицательную инстанцію. Моментъ „детерминаціи", замѣченный нами въ индукціи, представляется при этомъ въ формѣ съуженія значенія слова или детерминаціи понятія, а „редукція" составляетъ расширеніе значенія слова или увеличеніе абстрактности понятія. Всякій вопросъ, подходитъ ли къ какой-либо вещи опредѣленное имя, имѣетъ значеніе эксперимента. Возникшее путемъ такой индукціи родовое сужденіе, содержитъ въ своемъ субъектѣ причину предиката, поскольку, какъ мы видѣли, настоящимъ субъектомъ такихъ называющихъ сужденій должны считаться не получающіе названіе объекты сознанія, какъ таковые, а эти объекты сознанія, какъ предметы воли, имѣющей цѣлью дать имъ названіе. А въ этой волѣ фактъ называнія и имѣетъ свою причину.

334. Индукція въ широкомъ смыслѣ. Слѣдуетъ однако прибавить, что понятіе индукціи употребляется также въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ это было допущено выше. Мы называли индукціею построеніе общихъ (родовыхъ) сужденій изъ единичныхъ эмпирическихъ сужденій. Если мы отбросимъ это ограниченіе и будемъ подразумѣвать подъ индукціею вообще обобщеніе единичныхъ сужденій, тогда всякое общее сужденіе обязано своимъ существованіемъ индукціи. Вѣдь всѣ общія сужденія прежде всего могутъ быть даны лишь, какъ единичныя. Такъ, я убѣждаюсь въ дѣйствительности общаго геометрическаго сужденія о свойствахъ треугольника, прежде всего, на какомъ-либо единичномъ треугольникѣ. Какъ уже сказано выше (289), непосредственно я знаю лишь, что свойства треугольника, служащія основаніемъ моего сужденія, встрѣчаются во всѣхъ треугольникахъ, и что

въ частности сдѣланныя мною воспомогательныя построенія возможны во всѣхъ треугольникахъ. Этимъ непосредственно уже дано обобщеніе; оно не нуждается въ помощи со стороны индуктивнаго процесса и во взаимодѣйствіи различныхъ единичныхъ сужденій, въ которомъ состоитъ этотъ процессъ. Поэтому индукція, о которой здѣсь идетъ рѣчь, можетъ называться „непосредственною“, въ противоположность той индукціи, о которой мы говорили раньше. Она могла бы также называться аналитическою индукціею, а индукція въ узкомъ смыслѣ, еще болѣе удачно могла бы быть названа синтетическою, такъ какъ возникаетъ изъ совокупности сужденій. Согласно выше сказанному (326), „аналитическая“ индукція служитъ условіемъ синтетической.

Глава XXXV. Непосредственныя умозаключенія.

335. Дедукція. Если мы будемъ называть, какъ это принято, дедуктивными всѣ не индуктивныя умозаключенія, то дедуктивныя умозаключенія подраздѣляются (согласно 320) на объективно-формальныя умозаключенія, умозаключенія субъективнаго порядка и абстрактно-логическія умозаключенія. При этомъ однако нужно помнить, что лишь въ послѣднихъ умозаключеніяхъ происходитъ безъ дальнихъ околичностей дедуцированіе, или полученіе вывода прямо изъ посылокъ, которое обыкновенно подразумѣвается подъ словомъ дедукція, такъ что, во всякомъ случаѣ, абстрактно-логическія умозаключенія, или силлогизмы въ узкомъ смыслѣ, должны называться дедуктивными.

336. Непосредственныя и опосредствованныя умозаключенія. Съ предыдущимъ дѣленіемъ перекрещивается, встрѣтившееся намъ уже выше, въ главѣ объ индукціи, (334) дѣленіе умозаключеній на непосредственныя и опосред-

ствованныя, или аналитическія. Въ первыхъ выводъ получается изъ одного сужденія, а во вторыхъ изъ сочетанія (синтеза) сужденій.

337. Непосредственныя, или аналитическія умозаключенія. Точнѣе говоря, непосредственныя умозаключенія возникаютъ вслѣдствіе того, что одинъ и тотъ же психическій фактъ, лежащій въ основѣ сужденія (посылки), или предполагаемый въ немъ, можетъ въ то же время существовать въ сознаніи и другимъ способомъ (въ выводѣ), разсматриваемый съ другой стороны или въ другой степени полноты. Такъ, уже непосредственное индуктивное умозаключеніе оказалось не чѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ всеобщности или родового значенія психическаго факта, или сочетанія представленій, которое сначала дошло до сознанія въ формѣ единичнаго сужденія. Слѣдовательно, въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ психически не создается ничего новаго, но въ нихъ до сознанія можетъ доходить что-либо существенно новое. Было бы ошибочно называть ихъ простыми преобразованіями сужденій, такъ какъ въ нихъ въ дѣйствительности ровно ничего не „преобразуется“. Но такъ какъ они выдѣляютъ для сознанія изъ совокупности психическихъ фактовъ нѣкоторыя стороны, составныя части, моменты ихъ, то они могутъ быть названы аналитическими умозаключеніями.

338. Аналитическія объективно-формальныя умозаключенія. Если мы не будемъ принимать въ дальнѣйшемъ изложеніи въ расчетъ аналитическихъ индуктивныхъ умозаключеній, то первымъ представителемъ аналитическихъ умозаключеній для насъ будутъ аналитическія объективно-формальныя умозаключенія (о представленіяхъ). Въ нихъ выводъ непосредственно заключается въ посылкѣ точнѣе, въ лежащемъ въ ея основѣ психическомъ фактѣ, вслѣдствіе законосообразности представляющей дѣя-

тельности. Простымъ примѣромъ этого рода умозаключеній можетъ быть построеніе сужденія: „А предшествовало явленію В“ на томъ основаніи, что „В слѣдовало за А“. Въ обоихъ сужденіяхъ я обозначаю одно и то же отношеніе во времени, разсматриваемое лишь съ различныхъ сторонъ. О томъ, что разсматриваемое отношеніе во времени имѣетъ эти различныя неразрывно связанныя другъ съ другомъ стороны, о томъ, что если В слѣдуетъ за А, то не можетъ также А слѣдовать за В, мы узнаемъ лишь изъ нагляднаго представленія. Къ этому же разряду относится и сужденіе о равноугольности треугольника, выводимое изъ сужденія о равносторонности треугольника. Въ представленіи равносторонняго треугольника, данномъ вмѣстѣ съ послѣднимъ сужденіемъ, непосредственно заключается уже для нагляднаго представленія также и равноугольность того же треугольника.

339. Аналитическія субъективныя умозаключенія. Къ числу умозаключеній субъективнаго порядка относятся умозаключенія, основывающіяся на законосообразности субъективнаго процесса сужденія. Главными примѣрами аналитическихъ умозаключеній этого рода служатъ простыя преобразованія уравненій, возникающія вслѣдствіе перемѣны въ порядкѣ элементовъ, или, вслѣдствіе того, что какой-либо числовой символъ переносится съ измѣненнымъ знакомъ съ одной стороны на другую, или же, множитель одной стороны превращается въ дѣлителя другой, и наоборотъ. Простымъ примѣромъ этого рода можетъ служить преобразованіе $3+2=5$ въ $3=5-2$. Содержаніемъ перваго сужденія служитъ сознаніе о томъ, что рядъ полаганій, объединяющій ряды полаганій, обозначаемые двумя и тремя, совпадаетъ безъ остатка съ рядомъ полаганій, объединяемыхъ числомъ пять. Это совпаденіе безъ остатка обозначаетъ здѣсь, что въ числѣ пять нѣтъ никакихъ полаганій, кромѣ тѣхъ, кото-

рыя совпадаютъ съ полаганіями, заключающимися въ трехъ и двухъ. Этимъ уже сказано, что изъ послѣдовательныхъ полаганій, заключающихся въ пяти, остаются только тѣ, которыя совпадаютъ съ полаганіями трехъ, если изъ нихъ исключены полаганія, совпадающія съ двумя. Это послѣднее значеніе именно и принадлежитъ символу 5—2. Этотъ символъ показываетъ, что рядъ сдѣланныхъ полаганій для того, чтобы равняться пяти, требуетъ еще присоединенія ряда полаганій, равнаго 2. Такимъ образомъ, сужденіе $3=5-2$ непосредственно заключается въ сужденіи $3+2=5$. Но оно заключается въ послѣднемъ сужденіи лишь вслѣдствіе законосообразности нашей дѣятельности счисленія. Ср. 227.

340. Аналитическія абстрактно-логическія умозаключенія. Къ числу абстрактно логическихъ относятся такія умозаключенія, которыя не предполагаютъ никакого нагляднаго представленія или особой субъективной упорядочивающей дѣятельности, слѣдовательно, возникаютъ даже безъ ссылки на законосообразность нагляднаго представленія или упорядочивающей дѣятельности. Аналитическія умозаключенія этого рода имѣютъ различныя формы. Поскольку аналитическое умозаключеніе всегда состоитъ въ построеніи сужденія, которое уже дано въ потенціальной формѣ, т.-е. въ видѣ того психическаго факта, который выражается сужденіемъ въ сознаніи, то къ этому разряду могутъ быть отнесены прежде всего всѣ превращенія въ дѣйствительныя сужденія какихъ бы то ни было потенціальныхъ сужденій.

341. Аналитическія сужденія. Поэтому аналитическимъ умозаключеніемъ можно назвать уже полученіе сужденій изъ понятій, которыя всегда заключаютъ въ себѣ потенціальныя сужденія; слѣдовательно, сюда относится построеніе аналитическихъ сужденій въ кантовскомъ смыслѣ этого

слова (ср. 247; 156). Они могутъ быть такъ названы, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если связаны съ сознаніемъ, что непосредственно заключаются въ понятіи. Такъ, можно сказать, что сужденіе: „всѣ тѣла протяженны“ получено путемъ подобнаго умозаключенія, если я не только высказываю его, но и сознаю, что долженъ признавать его, такъ какъ обычное словоупотребленіе включило признакъ протяженія въ смыслъ слова „тѣло“. Въ этомъ случаѣ я умозаключаю изъ этого понятія, или строю сужденіе, потому что понятіе этого требуетъ.

342. Анализъ сужденій. Не только понятіе есть потенціальное сужденіе, но и въ сужденіяхъ, какъ мы видѣли, можетъ заключаться любое количество потенціальныхъ сужденій, которыя намъ нужно лишь выдѣлить чтобы утверждать ихъ. Если мы признаемъ сужденіе: „римскій полководецъ Цезарь тогда-то перешелъ черезъ Рубиконъ“, то отсюда „слѣдуетъ“, что полководецъ, сдѣлавшій это, назывался Цезаремъ, что Цезарь, сдѣлавшій это, былъ римскимъ полководцемъ, что рѣка, черезъ которую онъ перешелъ, была Рубиконъ, и т. д.. Ничто не мѣшаетъ намъ называть каждый изъ этихъ „анализовъ сужденія“ аналитическимъ умозаключеніемъ. Отъ нихъ слѣдуетъ отличать такіе анализы сужденій, въ которыхъ выдѣляются и становятся предметами особаго сужденія такія части или моменты сужденія, которые были уже въ немъ предметомъ нашего дѣйствительнаго процесса сужденія. Такъ, изъ каждаго категорическаго матеріальнаго сужденія можно получить столько экзистенціальныхъ сужденій, сколько въ немъ есть элементовъ содержанія. Въ такомъ анализѣ нельзя, конечно, видѣть умозаключенія. Ср. 44; 101.

343. Традиціонные виды непосредственныхъ умозаключеній. Наконецъ, къ числу непосредственныхъ умозаключеній относятся и тѣ умозаключенія, которыя въ

традиціонной логикѣ, обыкновенно, спеціально обозначаются этимъ именемъ. Въ виду ея предпочтенія къ абстрактнымъ схемамъ и невниманія къ дѣйствительно логическимъ различіямъ, понятно, что она преимущественно перечисляетъ такія непосредственныя умозаключенія, которыя непосредственно примыкаютъ къ установившейся общей схемѣ „S есть P“ и къ такимъ же установившимся абстрактнымъ модификаціямъ ея. Эти модификаціи состоятъ въ томъ, что „S есть P“ мыслится въ формѣ утвердительнаго или отрицательнаго и общаго или частнаго сужденія, а также въ томъ, что— спеціально въ этой связи — въ схему включаются, кромѣ утвердительнаго S и P, также отрицательныя не-S и не-P. Какъ въ ученіи объ умозаключеніи вообще, такъ и здѣсь общеутвердительныя, частноутвердительныя, общеотрицательныя и частноотрицательныя сужденія по порядку обозначаются символами SaP, SiP, SeP, SoP.

344. Эквиполлентныя умозаключенія. Къ числу этихъ признаваемыхъ традиціонною логикою непосредственныхъ умозаключеній относятся прежде всего эквиполлентныя умозаключенія. Согласно предыдущему (60 и сл.), психическій фактъ, лежащій въ основѣ утвердительнаго сужденія: „S есть P“, или отрицательнаго сужденія: „S не есть P“ заключаетъ въ себѣ въ скрытой формѣ всѣ возможныя отрицательныя сужденія: „S не есть то или это не-P“, или неопредѣленное утвердительное сужденіе: „S есть какое-либо не-P“, и наоборотъ. И тѣ, и другія сужденія составляютъ не что иное, какъ сознаваніе двухъ различныхъ сторонъ одного и того же психическаго факта. Это замѣчаніе относится ко всякимъ сужденіямъ, будутъ ли они общими, частными или единичными. Находящіяся въ такомъ отношеніи сужденія называются не вполнѣ удачно эквиполлентными, а выводъ одного

такого сужденія изъ другого называется непосредственнымъ эквиполлентнымъ умозаключеніемъ.

345. Обращеніе. Непосредственное умозаключеніе путемъ обращенія есть построеніе одного сужденія изъ другого путемъ перестановки субъекта и предиката съ сохраненіемъ качества сужденія. Путемъ обращенія изъ сужденія SaP, а также изъ SiP получается новое сужденіе PiS, а изъ сужденія SeP сужденіе PeS. Сужденія SaP и SiP сходны въ томъ отношеніи, что при нѣкоторыхъ условіяхъ мы должны произвести сочетаніе SP. Именно эта общая мысль служитъ также содержаніемъ сужденія PiS, съ тою лишь разницею, что въ немъ сочетаніе SP разсматривается съ противоположной стороны. Точно такъ же въ сужденіяхъ SeP и PeS разсматривается лишь съ различныхъ сторонъ одинъ и тотъ же фактъ, именно невозможность произвести сочетаніе SP.—Обращеніе, не сопровождающееся измѣненіемъ качества, слѣдовательно, изъ SiP въ PiS и изъ SeP въ PeS называется conversio simplex, а обращеніе, связанное съ перемѣною качества, слѣдовательно, изъ SaP въ PiS называется conversio per accidens.

346. Обращеніе путемъ противоположенія. Объективная необходимость сочетать S съ P, какъ сказано выше, сопровождается невозможностью сочетать S съ не-P, или строить сужденіе: „S есть не-P“. На этой невозможности основывается сужденіе: „не-PeS“, или, „всѣ не-P не суть S“. Съ другой стороны, отрицательными сужденіями SeP и SoP предполагается необходимость производить въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочетаніе S съ не-P или, если разсматривать этотъ фактъ съ другой стороны, сочетать какое нибудь не-P съ S. Эта необходимость выражается въ сужденіи: „нѣкоторыя не-P суть S“. Слѣдовательно, изъ сужденія SaP можно вывести сужденіе не-PeS, а изъ сужденій SeP и SoP вытекаетъ сужденіе не-PiS. Такія умозаключенія называются обращеніемъ

путемъ противоположенія. Такое обращеніе состоитъ въ перестановкѣ субъекта и предиката, сопровождающейся превращеніемъ предиката первоначальнаго сужденія въ противорѣчащее ему понятіе (ср. 263).

347. Двойственное противоположеніе. На основаніи, которое выяснится позже, мы присоединяемъ здѣсь къ обращенію путемъ (простого) противоположенія умозаключенія, возникающія вслѣдствіе двойнаго противоположенія, какъ особый видъ умозаключеній. Какъ мы только что видѣли съ помощью обращенія путемъ противоположенія изъ SaP можно получить не-PeS, а отсюда въ свою очередь вытекаетъ не-SoP. Такимъ же путемъ изъ SeP можно получить не-SiP; изъ не-SaP—SoP, а изъ не-SaP—SiP.

348. Отношеніемъ подчиненія называется отношеніе между общимъ сужденіемъ SaP или SeP и соотвѣтствующимъ ему частнымъ SiP или SoP. Общія и соотвѣтствующія имъ частныя сужденія называются въ отношеніи другъ друга propositiones subalternantes и propositiones subalternantae. Умозаключенія, основанныя на отношеніи подчиненія сужденій, суть умозаключенія отъ истинности общихъ сужденій къ истинности соотвѣтствующихъ имъ частныхъ. Они называются умозаключеніями ad subalternantem propositionem. Съ другой стороны, сюда относятся умозаключенія отъ ложности частныхъ сужденій къ ложности соотвѣтствующихъ имъ общихъ. Они называются умозаключеніями ad subalternantem propositionem. Первыя умозаключенія возможны потому, что основываются на сознаваніи (или высказываніи) части общей мысли, заключающейся въ общемъ сужденіи. Послѣднія возможны потому, что сознаніе ложности SiP и SoP именно и состоитъ въ сознаніи невозможности или необходимости сочетать S съ P.

349. Противоположность. Сужденія называются про-

тивоположными, если они взаимно исключаютъ другъ друга. Въ этомъ отношеніи находятся другъ къ другу противорѣчащія сужденія, т.-е. SaP и SoP, SeP и SiP. Изъ истинности или ложности сужденія „слѣдуетъ“, какъ говорятъ, ложность или истинность противорѣчащаго ему сужденія. Въ дѣйствительности, скорѣе само сознаніе ложности сужденія уже состоитъ въ построеніи или сознаніи истинности противорѣчащаго ему сужденія. Такъ какъ общія сужденія SaP и SeP содержатъ въ себѣ соотвѣтствующія частныя сужденія SiP и SoP и вмѣстѣ съ уничтоженіемъ частнаго сужденія уничтожается также соотвѣтствующее ему общее, то изъ истинности сужденія слѣдуетъ ложность „противнаго“ ему сужденія, а изъ ложности сужденія слѣдуетъ истинность „подпротивнаго“; при этомъ, противными сужденіями называются сужденія SaP и SeP, а подпротивными—сужденія SiP и SoP.

350. Модальная послѣдовательность. Умозаключеніями модальной послѣдовательности называются умозаключенія отъ истинности аподиктическаго сужденія къ истинности соотвѣтствующаго ассерторическаго или проблематическаго сужденія, отъ истинности ассерторическаго къ истинности проблематическаго сужденія, и, съ другой стороны, отъ ложности проблематическаго къ ложности соотвѣтствующаго ассерторическаго или аподиктическаго, отъ ложности ассерторическаго къ ложности аподиктическаго сужденія. Эти „умозаключенія“ возможны потому, что въ высшихъ ступеняхъ модальности или обоснованія заключаются или предполагаются низшія, слѣдовательно, послѣднія даны вмѣстѣ съ первыми и первыя уничтожаются вмѣстѣ съ послѣдними (ср. о ступеняхъ модальности гл. XLII с.).

Глава XXXVI. Опосредствованныя дедуктивныя умозаключенія.

351. Виды ихъ. Опосредствованнымъ называется такое умозаключеніе, въ которомъ изъ какого-либо сужденія строится новое сужденіе при посредствѣ другого сужденія, или короче говоря, опосредствованное умозаключеніе есть соединеніе (синтезъ) сужденій въ новое сужденіе. Подобно непосредственнымъ умозаключеніямъ и на основаніи того же принципа, дедуктивныя опосредствованныя умозаключенія подраздѣляются на объективно-формальныя умозаключенія (о представленіяхъ), умозаключенія субъективнаго порядка (субъективныя умозаключенія) и, наконецъ, абстрактно-логическія умозаключенія. Послѣдній отдѣлъ совпадаетъ съ силлогизмами традиціонной логики или заключаетъ ихъ въ себѣ. Въ первомъ видѣ умозаключеній, выводъ получается изъ посылокъ не прямо, а на основаніи нагляднаго представленія и законосообразности его; во второмъ видѣ выводъ также получается не прямо, а на основаніи присоединяющейся къ содержанію посылокъ субъективно упорядочивающей дѣятельности и особыхъ законовъ ея. Только въ третьемъ родѣ умозаключеній, для возможности ихъ, не нужно никакого особаго присоединяющаго къ посылкамъ основанія и никакой особой относящейся къ нимъ законосообразности.

352. Синтетическія объективно-формальныя умозаключенія. Выше уже сказано, что̀ такое опосредствованное или синтетическое формальное умозаключеніе. Простымъ примѣромъ ихъ можетъ служить умозаключеніе: В слѣдуетъ за А, С за В, слѣдовательно С слѣдуетъ за А. Точно такъ же знаніе о томъ, черезъ сколько времени С слѣдуетъ за А, если извѣстно, какъ быстро В слѣдуетъ за А, а С за В, есть также синтетическое объективно-формальное умозаключеніе. Очевидно, что безъ нагляднаго предста-

вленія нельзя было бы выводить какого бы то ни было отношенія между С и А, зная лишь отношеніе во времени между В и А, съ одной стороны, и между С и В, съ другой стороны. Важнѣйшій классъ относящихся сюда умозаключеній составляютъ синтетическія геометрическія умозаключенія. Геометрія можетъ пользоваться для своихъ цѣлей и силлогизмомъ. Но настоящія геометрическія умозаключенія суть вовсе не силлогизмы. Въ настоящихъ геометрическихъ умозаключеніяхъ, основаніемъ построенія ихъ, служитъ всегда прежде всего представленіе пространства. Такъ, изъ сужденій: „данная фигура есть кругъ", „къ одной точкѣ окружности этого круга проведена касательная", наконецъ, „точка касанія соединена прямою линіею съ центромъ круга" не получается никакого вывода относительно угла между касательною и этою прямою линіею, если не привлечь на помощь наглядное представленіе. Въ этихъ сужденіяхъ нѣтъ даже рѣчи вообще объ углѣ. Также и аналитическая геометрія, когда она выводитъ путемъ вычисленія изъ геометрическихъ сужденій другія сужденія, не обходится безъ помощи нагляднаго представленія, но вездѣ предполагаетъ его съ его закономѣрностью при истолкованіи своихъ символовъ (240 с.). Она дѣлаетъ это уже въ томъ случаѣ, если истолковываетъ $a+a$ не какъ а и еще а, а какъ соединеніе двухъ линій въ одну линію удвоенной величины. Даже то обстоятельство, что такія линіи вообще существуютъ, что линіи одинаковой длины не сливаются непремѣнно въ сознаніи по аналогіи съ тонами одинаковой высоты въ одну линію, равную по длинѣ каждой изъ первоначальныхъ линій въ отдѣльности, можетъ быть обнаружено лишь нагляднымъ представленіемъ.

353. Синтетическія умозаключенія субъективнаго порядка. Точно такъ же синтетическія ариѳметическія умозаключенія суть вовсе не силлогизмы, а син-

тетическія субъективныя умозаключенія, или умозаключенія субъективнаго порядка. Изъ x=y и a=b слѣдуетъ x+a=y+b лишь при условіи, что x и a, съ одной стороны, y и b, съ другой стороны, складываются и результаты этого сложенія сравниваются другъ съ другомъ. Слѣдствіе получается исключительно благодаря закономѣрности субъективнаго процесса сужденія, въ нашемъ случаѣ, въ частности, благодаря законосообразности, согласно которой присоединеніе одинаковыхъ величинъ къ одинаковымъ величинамъ приводитъ къ одинаковымъ результатамъ. Отсюда вновь выясняется принципіальное своеобразіе счисленія и вмѣстѣ съ тѣмъ логическая невозможность разсматривать мышленіе вообще какъ видъ счисленія. Ср. 225.

354. Силлогизмъ. Какъ уже сказано, силлогизмъ есть умозаключеніе, въ которомъ изъ сочетанія сужденій получается новое сужденіе безъ ссылки на опытъ, наглядное представленіе или нашу субъективную дѣятельность упорядочиванія, слѣдовательно, независимо отъ законосообразности духа, какъ она обнаруживается въ эмпирическихъ сужденіяхъ, въ нашей представляющей дѣятельности и въ нашемъ субъективномъ процессѣ представленія. Силлогизмомъ предполагается законосообразность духа, но лишь въ формѣ абстрактно-логической законосообразности, смыслъ которой былъ разъясненъ выше (ср. 292). Эта законосообразность можетъ быть отождествлена съ фактомъ самого мышленія, поскольку безъ нея вообще не было бы никакого мышленія, т.-е. никакой объективно обусловленной представляющей дѣятельности. Мы бы не могли сознавать представленій объективно обусловленными, если бы принудительное вліяніе на представляющую дѣятельность, заключающееся въ объектахъ, не было дано законосообразно.—Мы разсмотримъ силлогизмъ подробнѣе въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

ОТДѢЛЪ X.

Силлогизмъ.

Глава XXXVII. Сущность силлогизма.

355. Строеніе силлогизма. Простой силлогизмъ есть сочетаніе двухъ сужденій въ новое сужденіе. Условіемъ этого сочетанія служитъ особое отношеніе между двумя данными сужденіями, состоящее въ томъ, что предикатъ одного сужденія содержится въ субъектѣ другого. Вслѣдствіе этого предикатъ второго сужденія служитъ въ то же время предикатомъ субъекта перваго сужденія, т.-е. связанъ съ нимъ въ нашемъ сознаніи объективно необходимымъ образомъ. Если мы обозначимъ субъектъ перваго сужденія S, предикатъ его m, а предикатъ второго сужденія P, то для отношенія между посылками силлогизма получится прежде всего схема SmP. Силлогизмъ основывается на томъ фактѣ сознанія, что если m связано съ S, а P связано съ m, то P связано также съ S. Выводное сужденіе получается тогда, когда мы сознаемъ этотъ послѣдній фактъ самостоятельно, т.-е. не обращая болѣе вниманія на посредствующую роль m. Символически мы обозначаемъ это заключеніемъ m въ скобки въ нашей схемѣ. Такимъ образомъ весь процессъ умозаключенія представляется символически въ формулѣ S(m)P; въ словахъ: „S есть m; то, что есть m, есть P; слѣдовательно, S есть P".

356. Силлогизмъ, какъ подчиняющее умозаключеніе. Субъектъ второй посылки (имѣющей предикатомъ P) не былъ нами обозначенъ особо. Если мы обозначимъ его теперь буквою M, то отношеніе M къ m можетъ оказаться двоякимъ. Во-первыхъ, субъектъ M второй посылки можетъ быть шире предиката m первой посылки, т.-е. m, связанныя

съ S, не исчерпываютъ всѣ случаи M вообще. Такъ какъ P не можетъ быть связано съ M вообще безъ того, чтобы именно вслѣдствіе этого оно не было связано съ любымъ ближе опредѣленнымъ M, слѣдовательно, и съ находящимся въ первой посылкѣ m, то схема S(m)P можетъ быть также замѣнена схемою S(M)P. При сдѣланномъ нами предположеніи силлогизмъ есть подчиняющее умозаключеніе, именно умозаключеніе о подчиненіи какого-либо случая или круга случаевъ общему сужденію или правилу. Сужденіемъ M P указывается правило; M указываетъ условія правила; содержаніемъ сужденія „S есть (m или) какое-либо ближе опредѣленное M“ служитъ сознаніе того, что́ въ извѣстныхъ случахъ условіе правила осуществлено. Въ выводномъ сужденіи осуществляется слѣдствіе, т.-е. правило примѣняется къ разсматриваемымъ случаямъ.

357. Силлогизмъ, какъ сочетающее умозаключеніе. Второй возможный случай является тогда, когда субъектъ M второй посылки вполнѣ совпадаетъ съ предикатомъ m первой. Тогда схема S(m)P безъ дальнихъ разсужденій можетъ быть замѣнена схемою S(M)P. Это совпаденіе возможно въ томъ случаѣ, если m и M представляютъ одинъ и тотъ же родъ, или одинъ и тотъ же опредѣленный кругъ объектовъ, или одну и ту же особь. Напр.: зачинщиками этого преступленія были лица, арестованныя позже (въ другомъ опредѣленномъ случаѣ); лица, арестованныя тогда были осуждены; слѣдовательно, зачинщики этого преступленія были осуждены; или: молнія попортила это дерево; это дерево есть мое имущество, слѣдовательно, молнія попортила мое имущество. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ сужденіе Sm или SM есть взаимное сужденіе, слѣдовательно, прямо обратимое. Такъ какъ въ разсматриваемыхъ умозаключеніяхъ нѣтъ подведенія случаевъ подъ правило, такъ какъ въ нихъ безъ такого подведенія къ субъекту

*

присоединяется черезъ посредство его предиката M новый предикатъ P, то мы ихъ называемъ просто сочетающими умозаключенiями.

358. Отождествляющiя умозаключенiя. Особенный случай сочетающихъ умозаключенiй составляютъ отождествляющiя умозаключенiя. Они возникаютъ, когда и второе сужденiе MP—также есть сужденiе взаимное или тождественное. При этомъ и выводное сужденiе необходимо получается тождественное: эти S суть эти M; эти M суть эти P; слѣдовательно, эти S суть эти P (= эти P суть эти S).

359. Объединяющая точка зрѣнiя. Несмотря на указанное различiе, сочетающiя и отождествляющiя умозаключенiя могутъ быть подведены подъ одну точку зрѣнiя съ подчиняющими умозаключенiями. Совпаденiе m и M есть пограничный случай присутствiя m въ M. Съ другой стороны, подобно тому, какъ тождественныя сужденiя разлагаются на два сужденiя, такъ и тождественныя умозаключенiя разлагаются на два умозаключенiя S(M)P и P(M)S. Во всякомъ случаѣ ко всѣмъ этимъ умозаключенiямъ подходитъ схема S(M)P; она одинаково можетъ служить выраженiемъ того факта, что P объективно необходимо связано съ M—безъ ближайшаго опредѣленiя M, слѣдовательно, съ M вообще, что M также связано съ S, и что именно вслѣдствiе этого P также объективно необходимо связано съ S.

360. Силлогизмъ, какъ процессъ сознанiя. Разсматривая силлогизмъ, въ особенности нужно напомнить, что въ немъ, какъ и во всякомъ умозаключенiи, выводное сужденiе получается не изъ дѣйствительныхъ, а изъ возможныхъ сужденiй, т.-е. изъ такихъ психическихъ связей между представляемыми предметами, объективная необходимость которыхъ выражается въ нашемъ сознанiи въ формѣ сужденiй, но которыя существуютъ и способны обосновывать вывод-

ное сужденіе даже и въ томъ случаѣ, если сами не выразились въ формѣ сужденій. Само собой разумѣется, для вполнѣ сознательнаго построенія умозаключенія требуется построеніе этихъ сужденій. Но силлогизмъ, какъ таковой, даже и при вполнѣ сознательномъ построеніи его, не имѣетъ ничего общаго съ понятіями и предложеніями. Только въ томъ случаѣ, если умозаключеніе выражается въ словесной формѣ, предложенія и понятія, само собой разумѣется, необходимы. Впрочемъ, понятія и предложенія входятъ въ умозаключеніе, если сужденія, изъ которыхъ оно состоитъ, суть сужденія о понятіяхъ, т.-е. номинальныя сужденія. Понятія и предложенія всегда необходимы для сознательнаго построенія умозаключенія, если входящія въ него сужденія по своей природѣ могутъ существовать въ сознаніи лишь въ формѣ сужденій-предложеній. (Ср. 54 с.)

361. Словесная форма силлогизма. Такъ какъ одни и тѣ же предложенія могутъ служить выраженіемъ различныхъ сужденій, то нечего ожидать, чтобы словесная форма умозаключенія всегда соотвѣтствовала выше данной схемѣ. Такъ, въ приведенномъ раньше сочетающемъ умозаключеніи—„молнія попортила это дерево; это дерево есть мое имущество, слѣдовательно, и т. д.“ подлежащее второго предложенія не служитъ сказуемымъ перваго. Тѣмъ не менѣе мысленно производимое или логическое умозаключеніе соотвѣтствуетъ схемѣ. Въ этомъ умозаключеніи, вопреки словесной формѣ его, мы имѣемъ лишь въ виду, что предметъ, попорченный молніею (S), есть мое имущество (P). Этотъ выводъ получается изъ сужденій, что попорченный предметъ есть это дерево (M), и что это дерево (M) есть мое имущество (P). Слѣдовательно, умозаключеніе строится изъ сужденій, выражающихся лишь въ искаженной формѣ въ предложеніяхъ. Такимъ образомъ данная выше схема можетъ самыми разнообразными способами искажаться въ словесной формѣ.

362. Силлогистическая форма другихъ умозаключенiй. Съ другой стороны, слѣдуетъ обратить вниманiе на то, что всякое сужденiе вообще можетъ быть выражено въ формѣ силлогизма, не становясь вслѣдствiе этого силлогизмомъ. Только логика, вездѣ смѣшивающая форму и сущность, можетъ принимать такiя умозаключенiя за силлогизмъ. Всякое умозаключенiе основывается на законосообразности духа или на одной изъ формъ осуществленiя законосообразности духа. Если мы сознаемъ эту законосообразность, и знанiе о ней, выраженное въ формѣ предложенiя, присоединяемъ къ посылкамъ какого угодно умозаключенiя въ качествѣ „большой посылки" (ср. 363), то умозаключенiе принимаетъ такой видъ, будто бы выводное сужденiе получается такъ же, какъ въ подчиняющихъ силлогизмахъ, т.-е. путемъ подведенiя даннаго факта подъ эту законосообразность. Напримѣръ, обратное индуктивное умозаключенiе отъ измѣненiя объекта къ причиняющему измѣненiю можетъ быть выражено въ слѣдующей силлогистической формѣ: Всякое измѣненiе требуетъ причиняющаго измѣненiя; здѣсь произошло измѣненiе; слѣдовательно, оно требуетъ причиняющаго измѣненiя. Тѣмъ не менѣе здѣсь нѣтъ никакого силлогизма. Законъ (правило), подъ который въ подчиняющемъ силлогизмѣ подводится какой-либо случай или классъ случаевъ, есть не законъ познанiя, а полученный путемъ знанiя, познанный законъ; онъ выражаетъ собою связь между объектами, а не свойство мыслящаго духа; выводное сужденiе становится возможнымъ вслѣдствiе моего знанiя о существованiи закона, а не вслѣдствiе самаго существованiя закона. Такъ, изъ человѣческихъ свойствъ Кая его смертность вытекаетъ для моего сознанiя вслѣдствiе моего знанiя о смертности всѣхъ людей, а не вслѣдствiе самой смертности всѣхъ людей. Наоборотъ, законосообразность эмпирическихъ сужденiй, нагляднаго представленiя;

и субъективнаго процесса сужденія, на которой основываются несиллогистическія умозаключенія, есть свойство человѣческаго духа; эти умозаключенія возможны, потому что такая законосообразность существуетъ, при чемъ все равно, знаю ли я о ней или нѣтъ. Такъ, обратное индуктивное умозаключеніе отъ измѣненія къ причиняющему измѣненію, возможно не потому, что я знаю о необходимой связи измѣненія съ причиняющимъ измѣненіемъ, а потому, что эта необходимая связь существуетъ. Но въ настоящихъ силлогизмахъ этой законосообразности соотвѣтствуетъ не правило, выраженное въ большой посылкѣ (въ приведенномъ примѣрѣ: „всѣ люди смертны"), а абстрактно-логическая законосообразность, вслѣдствіе которой изъ этого правила слѣдуетъ выводимое сужденіе. Попытка сводить индукцію, а также объективно формальныя и субъективныя умозаключенія на силлогизмъ есть смѣшеніе законосообразности познающаго духа, вслѣдствіе которой происходитъ умозаключеніе, съ познанными правилами или законами, изъ которыхъ производится умозаключеніе.

Глава XXXVIII. Традиціонное ученіе.

363. Терминологія. Согласно традиціонной терминологіи, всегда основывающейся на словесномъ выраженіи силлогизма, субъектъ выводного сужденія называется меньшимъ терминомъ (terminus minor), а предикатъ его большимъ терминомъ (terminus major), посылка, въ которой находится большій терминъ, большею посылкой (propositio major), а та, въ которой находится меньшій терминъ, меньшею посылкой (propositio minor); элементъ, служащій посредствующимъ звеномъ въ умозаключеніи (M), называется среднимъ терминомъ (terminus medius).

сохраняемъ эти названія, несмотря на то, что всѣ они безъ исключенія съ логической точки зрѣнія несостоятельны.

364. „Фигуры". Согласно традиціонной схемѣ умозаключенія большая посылка, въ противоположность нашей схемѣ S(M)P, ставится впереди, или вверху, а меньшая посылка позади нея (или внизу). Такимъ образомъ умозаключеніе выражается съ помощью слѣдующей схемы:

$$\frac{\begin{matrix}MP\\ SM\end{matrix}}{SP}$$

Такова лишь традиціонная основная форма силлогизма. Рядомъ съ нею стоятъ три другія формы, въ которыхъ измѣнены мѣста субъекта и предиката большой посылки или малой посылки или обѣихъ посылокъ первой формы. Такимъ образомъ получается всего четыре формы или „фигуры" силлогизма. Если среднiй терминъ M служитъ въ большой посылкѣ субъектомъ, а въ малой посылкѣ предикатомъ, то умозаключеніе называется умозаключеніемъ первой фигуры. Во второй фигурѣ среднiй терминъ служитъ предикатомъ и въ большой и въ малой посылкѣ. Въ третьей фигурѣ среднiй терминъ служитъ субъектомъ и въ большой, и въ малой посылкѣ. Наконецъ, въ четвертой фигурѣ среднiй терминъ служитъ предикатомъ большой посылки и субъектомъ малой посылки. Четвертая фигура называется также галеновскою фигурою, по имени Галена, которому приписывается открытіе ея. Слѣдующая схема служитъ выраженіемъ этихъ фигуръ:

$$\begin{matrix} \text{I.} & \text{II.} & \text{III.} & \text{IV.} \\ \frac{\begin{matrix}MP\\ SM\end{matrix}}{SP} & \frac{\begin{matrix}PM\\ SM\end{matrix}}{SP} & \frac{\begin{matrix}MP\\ MS\end{matrix}}{SP} & \frac{\begin{matrix}PM\\ MS\end{matrix}}{SP} \end{matrix}$$

365. Модусы. Модусами силлогизма называются формы силлогизма, получающіяся вслѣдствіе различія между посылками по количеству и качеству. При этомъ единичныя сужденія, какъ и въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ, разсматриваются вмѣстѣ съ общими, какъ пограничный случай ихъ.

366. Общія правила. Изслѣдованіе, какіе модусы дѣйствительны, т.-е. какія условія относительно качества и количества посылокъ SM или MS, и MP или PM должны быть выполнены, чтобы можно было получить умозаключеніе SP, приводитъ къ нѣкоторымъ общимъ правиламъ, именно къ правиламъ, что не можетъ быть получено умозаключенія изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ, изъ двухъ частныхъ посылокъ (ex mere negativis, ex mere particularibus nil sequitur), а также изъ сочетанія частной большей посылки съ отрицательною меньшею посылкою.

367. Дѣйствительные модусы. Число дѣйствительныхъ модусовъ, остающихся послѣ исключенія непригодныхъ, равно девятнадцати; въ первой фигурѣ ихъ четыре, во второй четыре, въ третьей шесть, въ четвертой пять. Свойства ихъ выражены въ ихъ схоластическихъ именахъ, изъ которыхъ составлено слѣдующее мнемотехническое стихотвореніе:

> Barbara, Celarent primae, Darii Ferioque;
> Cesare, Camestres, Festino, Baroco secundae;
> Tertia grande sonans recitat Darapti, Felapton,
> Disamis, Datisi, Bocardo, Ferison; quartae
> Sunt Bamalip, Calemes, Dimatis, Fesapo, Fresison.

Въ этихъ именахъ гласными обозначаются по порядку количество и качество большей посылки, меньшей посылки и получающагося изъ нихъ вывода. Такъ названіе „Camestres“

показываетъ, что во второй фигурѣ изъ посылокъ PaM и SeM получается выводъ SeP. О значеніи гласныхъ a, e, i, o ср. 343.

368. Схоластическія редукціи. Доказательство дѣйствительности модусовъ второстепенныхъ фигуръ, т.-е. второй, третьей и четвертой фигуры, производится въ схоластической логикѣ, какъ уже у Аристотеля, съ помощью переведенія ихъ въ модусы первой фигуры, которые считаются непосредственно очевидными. Согласныя, находящіяся въ схоластическихъ названіяхъ модусовъ, показываютъ, какая редукція должна быть произведена въ каждомъ данномъ случаѣ. Такъ, согласная s, смотря по тому, слѣдуетъ ли она за первою, второю или третьею гласною, показываетъ, что для приведенія соотвѣтствующаго модуса къ модусу первой фигуры нужно сдѣлать conversio simplex (345) первой или второй посылки или же вывода. Точно такъ же согласная p показываетъ, какое изъ трехъ сужденій должно быть подвергнуто conversio per accidens (345) для той же цѣли. Буква m показываетъ, что изъ соотвѣтствующаго модуса можно получить путемъ metathesis praemissorum, или перестановки посылокъ, модусъ первой фигуры, но съ перемѣною мѣста S и P, и по этому модусу можно получить умозаключеніе формы PS: s или p въ концѣ соотвѣтствующаго названія показываетъ далѣе, получается ли отсюда выводъ въ формѣ SP путемъ conversio simplex или же путемъ conversio per accidens. Далѣе, буква c показываетъ, что соотвѣтствующій модусъ долженъ быть доказываемъ косвеннымъ путемъ (путемъ conversio syllogismi), т.-е. сужденіе, противорѣчащее выводу этого модуса, вмѣстѣ съ одной изъ посылокъ составляетъ модусъ первой фигуры, приводящій къ выводу, противорѣчащему другой посылкѣ доказываемаго модуса. Смотря по тому, находится ли эта послѣдняя посылка на первомъ или на второмъ мѣстѣ, c слѣдуетъ за первою или за второю гласною названія модуса. Наконецъ, большія

начальныя буквы B, C, D, F показываютъ, приводитъ ли редукція къ модусу Barbara, Celarent, Darii или Ferio.

369. Другіе способы доказательства. Попытка избѣжать схоластическихъ редукцій съ помощью непосредственнаго доказательства пригодности всѣхъ модусовъ на основаніи сравненія объемовъ или сферъ, входящихъ въ нихъ понятій S, M и P, не выдерживаетъ критики, такъ какъ такое доказательство не соотвѣтствуетъ дѣйствительному процессу умозаключенія (369) и въ замѣнъ того вводитъ въ умозаключеніе элементъ, не входящій въ умозаключеніе, какъ таковое. Подобно тому, какъ сужденія сами по себѣ не суть непосредственныя подведенія предметовъ или понятій подъ понятія, такъ и умозаключенія не суть опосредствованныя подведенія этого рода. Поэтому не выдерживаетъ критики попытка „доказать" умозаключеніе: „всѣ S суть M; всѣ M суть P; слѣдовательно, всѣ S суть P" съ помощью указанія на то, что если всѣ S входятъ въ объемъ понятія M, а весь объемъ M входитъ въ объемъ понятія P, то и всѣ S должны входить въ объемъ этого послѣдняго понятія. Къ тому же, такіе „объемы" или „сферы" могутъ быть выражены въ сознаніи, собственно, не иначе, какъ въ формѣ замѣняющихъ ихъ пространственныхъ образовъ. Слѣдовательно, доказательство превращается въ дѣйствительности въ простое средство нагляднаго выраженія мысли, которое никогда не можетъ ничего доказать, такъ какъ право примѣнять это средство уже предполагаетъ, что изображаемая наглядно мысль доказана. Тѣмъ не менѣе всевозможныя средства нагляднаго изображенія этихъ отношеній—съ помощью круговъ, прямыхъ линій и т. д., — если они не претендуютъ ни на что другое, кромѣ того, чтобы служить именно средствомъ нагляднаго изображенія, могутъ вполнѣ удовлетворять этой цѣли.

Глава XXXIX. Формы и цѣнность силлогизма.

370. Основная и вспомогательная схема. Такъ какъ въ силлогизмѣ сужденіе SP строится черезъ посредство M, слѣдовательно, M есть тотъ элементъ, посредствомъ котораго S и P выводного сужденія связываются другъ съ другомъ, то схемы S(M)P и P(M)S указываютъ способы, которыми строится во всѣхъ случаяхъ силлогизмъ съ выводомъ SP. Первая схема показываетъ, что S связано съ M и M съ P, такъ что, если даже оставить теперь M въ сторонѣ. S оказывается связаннымъ съ P; вторая схема показываетъ такимъ же образомъ, что P связано съ M, а M съ S, такъ что P связано съ S. Изъ этихъ двухъ схемъ первая есть основная схема, а вторая—вспомогательная. Переходъ отъ P черезъ M къ S ведетъ непосредственно лишь къ сужденію PS. Такъ какъ здѣсь цѣль заключается въ построеніи сужденія SP, то, слѣдовательно, вспомогательная схема имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку изъ сужденія PS можно получить сужденіе SP.

371. Производныя формы. Этимъ уже сказано, что умозаключеніе, посылки котораго отклоняются отъ этихъ схемъ вслѣдствіе положенія S, M и P, можетъ быть осуществлено въ нашемъ мышленіи всегда лишь путемъ приведенія его къ одной изъ этихъ схемъ, все равно, производится ли это съ яснымъ сознаніемъ или нѣтъ. Первая изъ выше описанныхъ фигуръ по существу согласна съ нашею основною схемою. Поэтому аристотелевски-схоластическая мысль о сведеніи всѣхъ остальныхъ модусовъ къ модусамъ первой фигуры имѣетъ основаніе. Только этотъ способъ сведенія не всегда имѣетъ естественный характеръ.

372. Доказательство дѣйствительности умозаключеній. Дѣйствительность умозаключеній, слѣдую-

щихъ основной схемѣ, не можетъ быть доказана и не нуждается въ доказательствѣ. Сознаніе, что если P связано съ M, а M съ S, то P черезъ посредство M связано также съ S, есть фактъ, не доказуемый далѣе, а лишь переживаемый. Дѣйствительность производныхъ формъ доказывается приведеніемъ ихъ къ основнымъ.

373. *Естественные модусы.* Если принять въ расчетъ, что существуютъ также сужденія съ отрицательными субъектами—„всякое не-S есть M“ и т. д., то изъ основной схемы S(M)P получится 16 модусовъ, которые мы можемъ назвать первою группою модусовъ силлогизма или естественными модусами. Общая схема ихъ такова:

Всѣ ╳ S (╳ M) ╳ P
Нѣкоторые ╳ не-S (╳ не-M) ╳ не-P

Какъ въ *простой* схемѣ S(M)P, такъ, конечно, и здѣсь предполагается, что M суть именно M и не-M, т.-е., что это не *нѣкоторые* или *какіе-нибудь* требующіе ближайшаго опредѣленія M и не-M, а или всѣ M (не-M) вообще или же тѣ, которыя подразумѣваются въ сужденіяхъ, составленныхъ изъ S (не-S) и M (не-M). Только при этомъ условіи P (не-P) можетъ быть связано съ S (не-S) посредствомъ M (не-M). Эти 16 модусовъ и ихъ выводы получаются, если въ приведенной схемѣ какъ угодно сочетать другъ съ другомъ знаки верхняго и нижняго ряда и затѣмъ оставлять мысленно въ сторонѣ M или не-M. Среди этихъ модусовъ находятся четыре модуса первой фигуры: Barbara, Celarent, Darii, Ferio.

374. *Частные модусы.* Однако эти модусы имѣютъ неодинаковое значеніе. Сужденія „нѣкоторыя S (не-S) суть M (не-M)“ съ соотвѣтствующими выводами „нѣкоторыя S (не-S) суть P (не-P)“ имѣютъ своимъ субъектомъ не-S, а „*нѣкоторые* S“, или S при условіи ближайшаго опредѣленія. Слѣдовательно, частные модусы,—мы называемъ такимъ образомъ

именно модусы съ этими сужденіями,—не составляютъ особеннаго вида умозаключеній: отличительная особенность ихъ заключается въ особенномъ характерѣ ихъ объектовъ. Эти модусы исчезаютъ, если мы, какъ этого требуетъ схема, обозначаемъ субъектъ, именно дѣйствительный субъектъ, вообще какъ S. Тѣмъ не менѣе включеніе ихъ въ число естественныхъ модусовъ или особое упоминаніе о нихъ оправдывается, поскольку для насъ интересно знать, принадлежитъ ли какому-либо виду предметовъ предикатъ при условіи болѣе точнаго опредѣленія, или же этотъ предикатъ не можетъ быть приписанъ ему ни въ какомъ случаѣ.

375. Вспомогательные модусы. Сказанное о „нѣкоторыхъ S“ относится и къ понятію не-S. Сужденія, имѣющія субъектомъ это понятіе, суть вполнѣ правильныя сужденія, и, слѣдовательно, умозаключенія, въ которыхъ встрѣчаются такія сужденія, суть умозаключенія объ особенномъ классѣ объектовъ. Включеніе этихъ модусовъ съ отрицательнымъ субъектомъ въ рядъ естественныхъ модусовъ или особенное упоминаніе ихъ рекомендуется однако, поскольку они играютъ роль вспомогательныхъ модусовъ для построенія умозаключеній съ утвердительнымъ S. Объ этомъ мы скажемъ тотчасъ подробнѣе.

376. Основныя формы силлогизма. Такимъ образомъ изъ 16 естественныхъ модусовъ остаются лишь 4 въ качествѣ „основныхъ модусовъ“. Они служатъ представителями четырехъ существенныхъ и существенно различныхъ формъ силлогизма. Первый изъ этихъ модусовъ S(M)P показываетъ, что S есть P, такъ какъ оно удовлетворяетъ условію, при которомъ существуетъ P, именно имѣетъ своимъ предикатомъ M. Это—модусъ утвердительнаго сочетанія фактовъ съ помощью фактовъ и модусъ утвердительнаго подведенія единичныхъ фактовъ подъ законы. Такъ какъ положи-

тельное знаніе есть настоящая цѣль нашей познавательной дѣятельности, то этотъ модусъ есть настоящій основной модусъ. Къ нему ближе всего стоитъ по значенію модусъ S (не-М) не-Р, который показываетъ, что S не связано съ Р, потому что оно не удовлетворяетъ условіямъ существованія Р. Эти модусы дополняютъ другъ друга, по скольку наше познаніе имѣетъ цѣлью опредѣлить не только тѣ условія, при которыхъ что-либо существуетъ, но и то, какія условія требуются, чтобы что-либо существовало. Эти два модуса опредѣляютъ положительныя условія, а два остальныхъ указываютъ отрицательныя условія. Модусъ S (не-М) Р требуетъ мыслить S, какъ Р, потому что нѣтъ того, что единственно могло бы ему помѣшать быть Р. Модусъ S (М) не-Р запрещаетъ мыслить S, какъ Р, потому что въ немъ осуществлено условіе, при которомъ вообще Р не можетъ быть мыслимо. Особое значеніе придается этимъ модусамъ тѣмъ фактомъ, что для предметовъ нашего мышленія вездѣ существуютъ также такія отрицательныя условія, т.-е. факты, дѣлающіе невозможнымъ другой фактъ или осуществленіе законосообразности, дѣйствующей въ другихъ случаяхъ. Эти 4 модуса силлогизма мы обозначаемъ по порядку именами, примѣненными уже раньше для другой цѣли: Modus ponendo ponens, tollendo tollens, tollendo ponens и ponendo tollens.

377. Производные модусы. Эти 4 модуса, или—если присоединить къ нимъ частные и отрицательные модусы, строго говоря, не имѣющіе право на это,—эти вышеуказанные 16 модусовъ, суть единственно возможныя формы простого силлогизма, приводящаго къ выводу S P. Всѣ другіе модусы суть комбинаціи одного изъ этихъ „естественныхъ“ модусовъ съ однимъ или нѣсколькими непосредственными умозаключеніями. Они дѣйствительны, поскольку

ихъ посылки съ помощью непосредственнаго умозаключенія сводятся къ нашей основной схемѣ или, поскольку ихъ выводъ можетъ быть полученъ съ помощью непосредственнаго умозаключенія изъ вывода, построеннаго по данной основной или вспомогательной схемѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, согласно съ традиціонной логикой, мы въ особенности упоминаемъ лишь тѣ модусы, въ которыхъ нѣтъ отрицательныхъ субъектовъ.

378. Побочная группа естественныхъ модусовъ. Прежде всего изъ шестнадцати естественныхъ модусовъ получается побочная группа модусовъ, если въ вышеприведенной схемѣ (372) замѣнить четыре сужденія, связывающія S и M, сужденіями, которыя могутъ быть приведены къ нимъ съ помощью двойного противоположенія (347). Такихъ модусовъ восемь. Такъ какъ послѣдовательность членовъ сужденія остается при этомъ неизмѣненною, то существуетъ всего двадцать четыре модуса „первой формы", т.-е. формы S M P. При этомъ оставлены еще безъ вниманія тѣ модусы, которые получаются, если изъ выводовъ, полученныхъ по этимъ двадцати четыремъ модусамъ, построить другіе выводы путемъ подчиненія (348) или путемъ двойного противоположенія.

379. Вторая группа модусовъ. Вторая главная группа модусовъ получается, если замѣнить въ основной схемѣ четыре сужденія, связывающія M и P, сужденіями, которыя сводятся къ нимъ путемъ обращенія (345) или противоположенія (346). Эти модусы имѣютъ форму S M, P M, S P, слѣдовательно, форму второй фигуры. Число модусовъ этой второй группы также равняется шестнадцати. Среди нихъ находятся четыре признаваемые логикою модуса второй фигуры: Cesare, Camestres, Festino, Baroco.

380. Побочная группа. Опять-таки мы можемъ вслѣд-

ствіе сходства по формѣ непосредственно присоединить къ этимъ модусамъ тѣ модусы, которые получаются, если одновременно замѣнить сужденія объ S и M сужденіями, сводящимися къ нимъ путемъ двойного противоположенія. Тогда число модусовъ второй формы также окажется равнымъ двадцати четыремъ.

381. Третья группа. Третья группа модусовъ получается, если въ основной схемѣ замѣнить сужденія объ S и M сужденіями, которыя могутъ быть сведены къ первымъ путемъ обращенія или противоположенія. Такимъ образомъ получается двадцать четыре модуса третьей формы, или формы, соотвѣтствующей третьей фигурѣ: MS, MP, SP. Среди нихъ находятся четыре признанные логикою модуса, именно модусы третьей фигуры: Darapti, Felapton, Datisi, Feri son но среди нихъ нѣтъ Disamis и Bocardo.

382. Четвертая группа. Четвертая группа модусовъ получается, если въ основной схемѣ замѣнить сужденія объ M и P, а также объ S и M такими сужденіями, которыя сводятся къ первымъ путемъ обращенія или противоположенія. Такимъ образомъ опять получается двадцать четыре модуса и притомъ модусы четвертой формы или формы четвертой фигуры: MS, PM, SP. Среди нихъ находятся признанные логикою модусы четвертой фигуры: Bamalip, Calemes, Fesapo и Fresison; три послѣднихъ находятся здѣсь непосредственно, а Bamalip получается съ помощью преобразованія вывода посредствомъ двойного противоположенія.

383. Дальнѣйшія группы. Наконецъ, дальнѣйшіе модусы или группы ихъ получаются, если положить въ основу вспомогательную схему P(M)S и оперировать съ нею такъ же, какъ съ основною схемою. Но эти модусы отчасти совпадаютъ съ модусами только что названныхъ четырехъ группъ. Изъ нихъ къ числу самостоятельныхъ относятся тѣ признанные

логикою модусы, въ которыхъ „большею посылкою" служитъ частное сужденіе, слѣдовательно, модусы Disamis и Bocardo третьей фигуры и модусъ Dimatis четвертой фигуры. Dimatis получается изъ вспомогательной схемы безъ преобразованія посылокъ путемъ лишь Conversio simplex вывода; Disamis и Bocardo получается путемъ Conversio simplex или обращенія путемъ противоположенія первой посылки и вывода. Кромѣ того, для Bamalip естественнѣе выводъ изъ вспомогательной схемы путемъ Conversio per accidens выводного сужденія, чѣмъ указанное только что (383) приведеніе къ основной схемѣ.

384. Сложныя умозаключенія. Согласно сказанному, всѣ производные модусы силлогизма, т.-е. всѣ модусы, кромѣ „естественныхъ", должны быть названы сложными умозаключеніями. Сложный силлогизмъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова получается тогда, когда выводъ силлогизма становится посылкою для дальнѣйшаго умозаключенія. Такую цѣпь умозаключеній называютъ соритомъ, если въ ней всѣ выводныя сужденія, кромѣ послѣдняго, остаются не высказанными, т.-е. умозаключеніе принимаетъ такую форму. А есть В; В есть С; С есть D; слѣдовательно, А есть D.

385. Сокращенныя формы. Силлогизмъ, въ которомъ одна изъ посылокъ не высказана, называется энтимемою; силлогизмъ, къ посылкамъ котораго присоединены основанія ихъ, называется эпихеремою. Эпихерема есть, собственно, сокращенный сложный силлогизмъ.

386. Ошибки въ умозаключеніяхъ. Умозаключенія, грѣшащія противъ логической законосообразности, на которой основывается умозаключеніе, называются паралогизмами; если ошибка сдѣлана съ цѣлью обмана, то они называются софизмами. Важнѣйшія изъ ошибокъ основываются или на неправильномъ предположеніи, что посылки могутъ обосновать выводъ, или на непониманіи смысла посылокъ. Послѣдняго

рода ошибки возможны, прежде всего, тогда, когда посылки или какія-либо входящія въ нихъ понятія имѣютъ нѣсколько значеній. Если ошибка въ умозаключеніи получается отъ того, что какое-либо изъ входящихъ въ него понятій (словъ, словесныхъ формъ) принимается сначала въ одномъ, а потомъ въ другомъ смыслѣ, то тогда, вмѣсто трехъ терминовъ S, M и P, въ умозаключеніи въ дѣйствительности находится четыре термина (или болѣе); соотвѣтственно этому такая ошибка называется „quaternio terminorum". „Скачкомъ" въ умозаключеніи называется всякое недостаточное обоснованіе или всякій логически непринудительный переходъ отъ мысли къ мысли.

387. Познавательная цѣнность силлогизма. Познавательная цѣнность силлогизма бываетъ различною, смотря по тому, относится ли силлогизмъ къ числу сочетающихъ или подчиняющихъ силлогизмовъ. Въ первыхъ сочетаются въ сознаніи факты, прежде существовавшіе для сознанія отдѣльно, и, такимъ образомъ, получаются новыя предположенія для знанія, выходящаго за предѣлы этихъ фактовъ, въ особенности новыя посылки для дальнѣйшихъ умозаключеній. А въ подчиняющихъ силлогизмахъ отдѣльные факты или классы ихъ подводятся подъ правила. Въ свою очередь, познавательная цѣнность подводящихъ умозаключеній существенно различна, смотря по тому, относится ли правило къ числу эмпирическихъ, т.-е. выражается въ формѣ универсальнаго сужденія, или къ числу законовъ, т.-е. выражается въ формѣ родового сужденія. Въ первомъ случаѣ умозаключеніе не даетъ сужденія, которое не было бы уже въ основѣ построенія универсальнаго сужденія. Слѣдовательно, такое умозаключеніе сообщаетъ новыя свѣдѣнія не вообще, а лишь тому, кому универсальное сужденіе—точнѣе, универсальное предложеніе—было передано безъ указанія единичныхъ сужденій, заключающихся въ немъ. Наоборотъ, сил-

логизмъ, подчиняющій факты законамъ, сообщаетъ новое знаніе всегда и всякому, если онъ подводитъ подъ законъ факты, не служившіе средствомъ для обоснованія закона. Цѣль знанія заключается не въ открытіи законовъ вообще, а въ открытіи такихъ законовъ, которые можно примѣнять, или съ помощью которыхъ мы можемъ, благодаря мысли, господствовать надъ міромъ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ цѣль законовъ и открывающей ихъ индукціи окончательно осуществляется впервые съ помощью силлогизма.

ОТДѢЛЪ XI.

Гипотетическія и раздѣлительныя умозаключенія.

Глава XL. Гипотетическія умозаключенія.

388. Предварительныя соображенія. Какъ мы уже видѣли (ср. 362), индукція, если не расширять произвольно понятіе ея, не можетъ обосновать всѣ виды родовыхъ сужденій. Индукція приводитъ къ знанію о томъ, что данный фактъ есть причина другого факта, слѣдовательно, она приводитъ къ родовымъ сужденіямъ, которыя приписываютъ даннымъ фактамъ постоянныя опредѣленныя дѣйствія или реальныя слѣдствія. Но она не указываетъ намъ безъ дальнихъ околичностей, какія причины должны предполагаться для даннаго факта или единственно могутъ предполагаться; слѣдовательно, она не строитъ родовыхъ сужденій, содержаніемъ которыхъ служитъ сознаніе, что при извѣстныхъ условіяхъ должны быть допускаемы извѣстныя причины и исключаемы другія. Поскольку „объясненіе“ заключается именно

въ сознаніи о такихъ отношеніяхъ, задача объясненія дѣйствительности не достигается окончательно индукціею и опирающеюся на результаты ея дедукціею. Для этого необходимъ еще дальнѣйшій процессъ мышленія. Этотъ процессъ осуществляется въ обыкновенно такъ называемыхъ гипотетическихъ и дисъюнктивныхъ умозаключеніяхъ, изъ которыхъ послѣднія правильнѣе называть раздѣлительными умозаключеніями.

389. Умозаключенія изъ гипотетическихъ сужденій. О гипотетическихъ умозаключеніяхъ можно говорить въ различныхъ смыслахъ. Никоимъ образомъ нельзя относить къ числу гипотетическихъ тѣ умозаключенія, посылками которыхъ служатъ общія категорическія сужденія, имѣющія лишь словесную гипотетическую форму или подобную ей (ср. 176): „если что-либо есть S, то оно есть M; если что-либо есть M, то оно есть S" и т. д., вмѣсто: „всякое S есть M; всякое M есть P" и т. д. Наоборотъ, безъ сомнѣнія, гипотетическими можно назвать умозаключенія изъ дѣйствительно гипотетическихъ посылокъ: „въ случаѣ, если S существуетъ (A есть B), существуетъ и M (то C есть D); въ случаѣ, если M существуетъ (C есть D), то существуетъ и P (то E есть F); слѣдовательно, въ случаѣ, если S существуетъ (A есть B), существуетъ и P (E есть F)". Такія умозаключенія не заключаютъ для насъ въ себѣ ничего новаго. Это—силлогизмы, только силлогизмы съ гипотетическими посылками, а потому и съ гипотетическимъ выводомъ. Ихъ возможность основывается на томъ же, на чемъ и возможность силлогизма вообще, именно на томъ, что всякій объектъ сознанія, логически связанный съ другимъ объектомъ, связанъ также и съ тѣмъ объектомъ, съ которымъ, въ свою очередь, связанъ второй объектъ.

390. Гипотетическое сужденіе, какъ умозаключеніе. Однако приведенный силлогизмъ не есть простое умозаключеніе. Онъ не можетъ быть простымъ умозаключе-

ніемъ, если, какъ сказано раньше, всякое гипотетическое сужденіе уже заключаетъ въ себѣ умозаключеніе, именно служитъ выраженіемъ гипотетическаго умозаключенія (ср. 132). При этомъ предполагается, что въ изслѣдованіи гипотетическаго умозаключенія понятіе „гипотетическій" берется въ такомъ же строгомъ смыслѣ, какъ и въ изслѣдованіи гипотетическихъ сужденій (ср. 95; 130 с.). Въ такомъ случаѣ гипотетическимъ нужно называть такое умозаключеніе, которое производится не абсолютно, а лишь гипотетически или условно, т.-е. такое умозаключеніе, въ которомъ изъ одного или нѣсколькихъ сужденій, на основаніи какой-либо законосообразности, строится новое сужденіе не абсолютно, а лишь при извѣстномъ условіи. Но это мы находимъ въ каждомъ гипотетическомъ сужденіи. Такъ, приведенное раньше гипотетическое сужденіе: „въ случаѣ, если это вещество есть водородъ, то оно должно соединяться съ кислородомъ и давать воду", есть гипотетически подчиняющій силлогизмъ, т.-е. гипотетическое примѣненіе правила, что водородъ всегда можетъ быть соединенъ съ кислородомъ и дать воду, къ данному случаю, именно къ данному веществу. Гипотетическое сужденіе есть выводъ этого гипотетическаго силлогизма, но выводъ, заключающій въ себѣ въ то же время весь гипотетическій силлогизмъ. Въ этомъ, именно, заключается своеобразіе гипотетическаго сужденія. Гипотетическое сужденіе есть посредствующая ступень между простымъ сужденіемъ и категорическимъ умозаключеніемъ, заключающая въ себѣ еще нераздѣльно сужденіе и умозаключеніе.

391. Виды гипотетическихъ сужденій. Приведенное гипотетическое сужденіе было гипотетическимъ силлогизмомъ. Но гипотетическія сужденія могутъ относиться къ всевозможнымъ другимъ видамъ умозаключеній. Мы уже раньше различили (133) непосредственныя и опосредствован-

ныя или аналитическія и синтетическія гипотетическія сужденія (умозаключенія). Но сюда, во-вторыхъ, присоединяется еще подраздѣленіе гипотетическихъ сужденій на сужденія, служащія выраженіемъ гипотетическихъ индуктивныхъ умозаключеній, гипотетическихъ объективно формальныхъ умозаключеній, гипотетическихъ субъективныхъ умозаключеній, и, наконецъ, гипотетическихъ силлогизмовъ. Я получаю гипотетическое индуктивное умозаключеніе, когда считаю себя въ правѣ обобщить наблюденіе, въ случаѣ, если бы другіе опыты согласовались съ нимъ, или если бы не нашлось отрицательной инстанціи. Примѣромъ гипотетическаго субъективнаго умозаключенія можетъ служить слѣдующее сужденіе: „въ случаѣ, если x=y, то=x+a=y+a“ и т. д. Такимъ образомъ, гипотетическое умозаключеніе, слѣдовательно, гипотетическое сужденіе, или гипотетическое сужденіе, слѣдовательно, гипотетическое умозаключеніе, получается всегда въ томъ случаѣ, если какія-либо посылки, безъ обсужденія ихъ истинности, т.-е. лишь предположительно, допускаются нами и при этомъ мы сознаемъ, какой выводъ получился бы изъ нихъ на основаніи какой-либо законосообразности.

392. Смѣшанныя гипотетическія умозаключенія. Однако чистое гипотетическое умозаключеніе, совпадающее съ гипотетическимъ сужденіемъ, такъ же, какъ и умозаключеніе изъ гипотетическихъ посылокъ, не даетъ, само по себѣ, никакого знанія о томъ, что есть и чего нѣтъ, хотя имъ и предполагается такое знаніе. То же нужно сказать и о нѣкоторыхъ сочетаніяхъ гипотетическихъ и категорическихъ посылокъ, дающихъ умозаключенія, напр.: „въ случаѣ, если существуетъ S, то существуетъ и M; всегда, когда есть M, есть P (иными словами: всѣ M суть P); слѣдовательно, въ случаѣ, если существуетъ S, существуетъ и P“. Наоборотъ, совершенно иными свойствами обладаютъ сочетанія гипотети-

ческихъ и категорическихъ посылокъ, которыя въ старой логикѣ, а отчасти и въ новыхъ сочиненіяхъ спеціально называются „гипотетическими“ умозаключеніями, а въ нашемъ изложеніи спеціально будутъ называться гипотетически-категорическими.

393. Гипотетически-категорическое умозаключеніе. Этотъ видъ умозаключеній встрѣчается въ двухъ формахъ. Если гипотетическое сужденіе есть сужденіе (ср. 95), становящееся дѣйствительнымъ при условіи, о которомъ въ самомъ гипотетическомъ сужденіи не сказано, выполнено ли оно, то въ гипотетически-категорическомъ умозаключеніи категорическое сужденіе, присоединяющееся къ такому гипотетическому сужденію въ качествѣ второй посылки, можетъ состоять изъ утвержденія, что условіе выполнено, или же изъ утвержденія, что обусловленное имъ сужденіе ложно. Въ первомъ случаѣ мы умозаключаемъ объ истинности обусловленнаго сужденія: „въ случаѣ, если S есть M, оно есть P; S есть M; слѣдовательно, оно есть P“. Во второмъ случаѣ мы умозаключаемъ, что не можетъ быть, чтобы условіе было выполнено: „въ случаѣ, если S есть M, оно есть P; S не есть P; слѣдовательно, S не есть M“.

394. Традиціонные модусы. Первая форма гипотетически-категорическаго умозаключенія называется Modus ponens, а вторая Modus tollens. Но эти названія противорѣчатъ понятію модуса въ силлогизмахъ. Эти двѣ формы гипотетически-категорическаго умозаключенія аналогичны не модусамъ, а фигурамъ силлогизма. Поэтому, мы будемъ ихъ называть первою и второю фигурою или формою гипотетически-категорическаго умозаключенія. Такъ какъ гипотетическія посылки этого вида умозаключеній могутъ быть четырехъ родовъ, — при избранной нами формулѣ: въ случаѣ, если S существуетъ, существуетъ и M; въ случаѣ, если S не существуетъ, M су-

ществуетъ; въ случаѣ, если S существуетъ, M не существуетъ; въ случаѣ, если S не существуетъ, M не существуетъ,—то каждая изъ этихъ двухъ фигуръ, въ свою очередь, можетъ встрѣчаться въ четырехъ различныхъ формахъ. Эти четыре формы аналогичны модусамъ силлогизма, и потому мы будемъ называть ихъ модусами. Въ нѣкоторыхъ логикахъ, смотря по тому, получается ли въ нихъ съ помощью утвердительныхъ или отрицательныхъ категорическихъ посылокъ утвердительный или отрицательный выводъ, онѣ называются именами Modi ponendo ponentes, ponendo tollentes, tollendo ponentes, tollendo tollentes.

395. Сущность гипотетически-категорическаго умозаключенія. Гипотетически-категорическія умозаключенія вмѣстѣ съ раздѣлительно-категорическими, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, занимаютъ особое мѣсто среди умозаключеній. Ихъ своеобразіе обусловливается тѣмъ, что гипотетическая посылка, сама по себѣ, уже есть гипотетическое умозаключеніе. Синтезъ, производимый въ другихъ случаяхъ въ процессѣ умозаключенія, здѣсь уже произведенъ въ гипотетической посылкѣ; хотя гипотетическая посылка есть лишь одна изъ посылокъ, тѣмъ не менѣе она уже заключаетъ въ себѣ логическое отношеніе посылокъ; она есть не что иное, какъ гипотетическое предопредѣленіе всего умозаключенія. Категорическая посылка имѣетъ лишь цѣлью превратить умозаключеніе въ категорическое. Всякое категорическое умозаключеніе, какого бы рода оно ни было, можетъ быть превращено въ гипотетически-категорическое посредствомъ этого гипотетическаго предопредѣленія всего умозаключенія, и всякое гипотетически-категорическое умозаключеніе можетъ разложиться на категорическое умозаключеніе и эту гипотетическую прибавку. Такъ, категорическій силлогизмъ: „S есть M; M есть P; слѣдовательно, S есть P“ можетъ

быть превращенъ въ гипотетически-категорическій: „въ случаѣ, если S есть M, оно (какъ это M) есть P; S есть M; слѣдовательно, S есть P“. Наоборотъ, въ гипотетически-категорическомъ силлогизмѣ: „въ случаѣ, если эта картина есть подражаніе, она есть произведеніе очень искуснаго подражателя; она есть подражаніе, слѣдовательно, она есть произведеніе очень искуснаго подражателя“, заключается полный категорическій силлогизмъ. Правило, подъ которое въ этомъ категорическомъ силлогизмѣ подводится картина, именно утвержденіе, что картина, такимъ образомъ подражающая такому оригиналу, должна принадлежать искусному подражателю, правда, не высказано въ гипотетически-категорическомъ умозаключеніи, но оно необходимо мыслится въ немъ, и этого уже достаточно для доказательства нашей мысли.

396. Положеніе гипотетически-категорическаго умозаключенія. Такъ какъ умозаключеніе, предопредѣляемое гипотетически въ гипотетической посылкѣ гипотетически-категорическаго умозаключенія, можетъ относиться къ любому виду умозаключеній, то и гипотетически-категорическія умозаключенія относятся то къ тому, то къ другому виду умозаключеній. Они составляютъ, если угодно, побочную форму всѣхъ умозаключеній, а не одного только силлогизма. Но въ то же время они сами по себѣ, разъ дана гипотетическая посылка, представляютъ совершенно самостоятельный способъ умозаключенія. Умозаключеніе здѣсь не есть, какъ въ различныхъ, раньше разсмотрѣнныхъ, процессахъ мышленія, умозаключеніе при особыхъ условіяхъ или сообразно особой формѣ законосообразности; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ умозаключеніемъ въ совершенно новомъ смыслѣ; здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ установленіемъ новаго логическаго отношенія для сознанія, а съ переносомъ уже данныхъ отношеній на почву дѣйствительности; слѣдовательно, здѣсь нѣтъ по-

строенія новаго сужденія, а есть вообще впервые возникновеніе дѣйствительнаго сужденія. Благодаря этому возникаетъ, въ свою очередь, принципіальное различіе между гипотетически-категорическими умозаключеніями и другими видами умозаключеній. Они стоятъ ближе къ силлогизму, чѣмъ къ другимъ умозаключеніямъ, лишь въ томъ отношеніи, что и въ нихъ не предполагается никакой другой законосообразности, кромѣ абстрактно-логической.

397. Самостоятельные модусы. Двѣ различенныя выше формы или „фигуры" гипотетически-категорическихъ умозаключеній съ ихъ модусами имѣютъ неодинаковую цѣнность. Всякій модусъ второй фигуры сводится къ одному изъ модусовъ первой фигуры и дѣйствителенъ лишь вслѣдствіе этой сводимости. Если признаны истинными посылки „въ случаѣ, если существуетъ S, то существуетъ и P" и „P не существуетъ", то отсюда слѣдуетъ отсутствіе S лишь потому, что въ гипотетическомъ сужденіи съ мыслью „P не существуетъ" связана мысль, что S не существуетъ, иными словами, потому что это сужденіе можетъ подвергнуться обращенію противоположенія и превратиться въ сужденіе: „въ случаѣ, если P не существуетъ, S не существуетъ". Если мы произведемъ это обращеніе, то наше умозаключеніе приметъ форму модуса первой фигуры: „въ случаѣ, если P не существуетъ, не существуетъ и S; P не существуетъ; слѣдовательно, и S не существуетъ". Такимъ образомъ, только четыре модуса первой фигуры имѣютъ право считаться самостоятельными модусами. Модусы второй фигуры должны называться производными или побочными. Модусы первой фигуры всѣ вмѣстѣ могутъ быть выражены слѣдующею формулою: въ случаѣ, если S (не-S) существуетъ, существуетъ P (не-P); S (не-S) существуетъ; слѣдовательно, P (не-P) существуетъ. Примѣняя раньше употребленныя имена по аналогіи съ прежними случаями ихъ

употребленія, мы подчеркиваемъ и называемъ спеціально эти модусы именами: Modus ponendo ponens, ponendo tollens, tollendo ponens, tollendo tollens.

398. Познавательная цѣнность. Пріемъ умозаключенія, употребляемый въ гипотетически-категорическихъ умозаключеніяхъ, имѣетъ высокое значеніе для нашего мышленія или для прогресса нашего познанія. Оно обнаруживается вездѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы знаемъ, какія условія нужны для построенія сужденія, при чемъ дана лишь часть условій, а объ остальныхъ только впослѣдствіи становится извѣстнымъ, исполнены ли они. Въ свою очередь, и здѣсь значеніе этихъ четырехъ модусовъ существенно различное. Не все равно, служитъ ли содержаніемъ гипотетической посылки мысль о томъ, что фактъ долженъ быть мыслимъ существующимъ при извѣстномъ условіи, или мысль, что онъ можетъ быть мыслимъ не существующимъ при извѣстномъ условіи, такъ какъ въ первомъ случаѣ выводъ состоитъ въ оправданіи факта, а во второмъ въ опроверженіи мысли. Точно такъ же существенно различно, состоитъ ли это „условіе" въ присутствіи или отсутствіи факта, такъ какъ оправданіе или опроверженіе въ этихъ случаяхъ основывается на сознаніи присутствія или отсутствія факта, или, короче говоря, имѣетъ положительный или отрицательный характеръ. Этимъ четыремъ функціямъ соотвѣтствуютъ четыре указанные модуса. При этомъ во всѣхъ модусахъ оправданіе или опроверженіе можетъ относиться къ единичнымъ фактамъ или общимъ сужденіямъ и законамъ.

399. Модусъ положительнаго оправданія. Положительно оправдывающій модусъ есть Modus ponendo ponens: онъ примѣняется тогда, когда возникаетъ предположеніе, что въ какомъ-либо данномъ случаѣ выполнено условіе, въ которомъ, въ силу какой-либо законосообразности, должно

быть признано истиннымъ опредѣленное сужденіе, и затѣмъ это предположеніе подтверждается опытомъ. Примѣромъ такого оправданія факта служитъ тотъ случай, когда врачъ ищетъ симптомовъ болѣзни, предполагаемой имъ, и находитъ ихъ. Онъ ищетъ симптомовъ болѣзни, потому что соглашается съ гипотетическимъ сужденіемъ, что болѣзнь должна существовать, въ случаѣ, если можно найти такіе-то симптомы. Съ другою функціею этого модуса мы встрѣчаемся вездѣ въ индуктивныхъ процессахъ: предположеніе, что нѣкоторый фактъ при извѣстныхъ условіяхъ встрѣчается постоянно, подтверждается отдѣльными наблюденіями. Побужденіе отыскивать эти наблюденія или искусственно создавать (въ экспериментѣ) вызывается гипотетическимъ сужденіемъ, что фактъ долженъ быть мыслимъ встрѣчающимся постоянно, въ случаѣ, если могутъ быть сдѣланы эти опредѣленныя наблюденія. Въ обоихъ указанныхъ здѣсь случаяхъ примѣненія Modus ponendo ponens исканію подтверждающихъ условій предшествуетъ предположеніе или гипотеза. Въ обоихъ случаяхъ этимъ модусомъ указывается методъ научнаго изслѣдованія, именно оно должно совершаться не наудачу, а руководиться какими-либо обоснованными предположеніями или гипотезами. Гипотеза въ первомъ случаѣ бываетъ дедуктивною, т.-е. состоитъ въ предположеніи, что въ данномъ опредѣленномъ случаѣ осуществляется общее установленное законосообразное отношеніе, а во второмъ случаѣ она бываетъ индуктивною, т.-е. состоитъ въ предположеніи, что общее законосообразное отношеніе с у щ е с т в у е т ъ. Въ первомъ случаѣ, гипотетическое сужденіе есть предположительная дедукція по поводу опредѣленнаго обстоятельства, а во второмъ случаѣ, оно есть предположительная индукція; въ результатѣ, въ первомъ получается осуществленіе дедукціи, а во второмъ осуществленіе индукціи; все гипотетически-категорическое умозаключеніе въ первомъ

случаѣ имѣетъ дедуктивный, а во второмъ случаѣ индуктивный характеръ.

400. Модусъ отрицательнаго оправданія. Модусъ положительнаго оправданія въ обоихъ случаяхъ примѣненія дополняется модусомъ отрицательнаго оправданія, т.-е. Modus tollendo ponens. Особенное значеніе его основывается на существованіи отрицательныхъ условій, т.-е. на томъ, что присутствіе какого-либо факта можетъ зависѣть отъ отсутствія какого-либо факта. Я знаю, напр., на основаніи общихъ соображеній, что научный опытъ долженъ удаться въ случаѣ, если нѣтъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ нарушающихъ вліяній. Затѣмъ я убѣждаюсь въ томъ, что ихъ нѣтъ. Съ другой стороны, разсматриваемый модусъ пріобрѣтаетъ значеніе въ процессѣ индукціи, когда возможность обобщенія какого-либо наблюденія зависитъ еще лишь отъ того, существуютъ ли нѣкоторыя отрицательныя инстанціи, или когда обобщеніе было бы позволено, если бы можно было доказать, что наблюденія достаточно полны, чтобы вообще исключать мысль объ отрицательныхъ инстанціяхъ. Обобщеніе происходитъ, когда эти отрицательныя сужденія могутъ быть оправданы.

401. Модусъ положительнаго опроверженія. Съ другой стороны, не менѣе важны функціи Modi tollentes. Мы опровергаемъ выведенныя нами самими или кѣмъ-либо другимъ изъ даннаго правила предположенія о существованіи фактовъ, показывая, что существуютъ обстоятельства, препятствующія примѣненію или значенію этого правила. Мы дѣлаемъ это на основаніи Modus ponendo tollens, если предварительно знаемъ отношеніе между законосообразностью и этими обстоятельствами, а затѣмъ убѣждаемся путемъ наблюденія въ томъ, что такія обстоятельства, дѣйствительно, существуютъ. Съ другой стороны, въ индуктивный процессъ

входитъ исправленіе нашихъ гипотетическихъ обобщеній, въ случаѣ, если открываются отрицательныя инстанціи. Мысль, что въ случаѣ существованія нѣкоторыхъ фактовъ гипотеза несостоятельна, побуждаетъ насъ наблюдать, существуютъ ли такіе факты. Modus ponendo tollens служитъ способомъ опровергать методически предполагаемые факты и предварительныя индуктивныя обобщенія.

402. Модусъ отрицательнаго опроверженія. Въ свою очередь, Modus tollendo tollens есть своего рода дополнительный побочный модусъ для Modus ponendo tollens. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы знаемъ, что изъ утверждаемаго факта, на основаніи извѣстной законосообразности должно, вытекать слѣдствіе; если его нельзя вывести, то фактъ невозможенъ. Затѣмъ оказывается, что опытъ не позволяетъ вывести слѣдствія. Съ другой стороны, наши гипотетическія обобщенія падаютъ, если не оказываются на лицо факты, которые должны были бы существовать, если бы обобщеніе было истиннымъ. Этотъ способъ опроверженія не совпадаетъ съ опроверженіемъ общихъ допущеній, о которыхъ была рѣчь раньше (401). Не все равно, производится ли опроверженіе съ помощью указанія на положительное явленіе, несогласимое съ гипотезою, или же съ помощью указанія на простое отсутствіе слѣдствія, выводимаго изъ гипотезы.

Глава XLI. Раздѣлительныя умозаключенія.

403. Общія соображенія. Обыкновенно такъ называемыя въ логикѣ дисъюнктивныя сужденія составляютъ не особенный видъ сужденій на ряду съ категорическими и гипотетическими, а модификацію или форму примѣненія этихъ послѣднихъ; точно такъ же и такъ называемыя дисъюнктивныя умозаключенія не составляютъ особаго вида умозаключеній

на ряду съ категорическими и гипотетическими, а представляютъ особую форму примѣненія этихъ видовъ умозаключеній, имѣющую особенное значеніе для нашего познанія. Мы нашли, что дисъюнктивныя сужденія точнѣе называть раздѣлительными; точно такъ же „дисъюнктивныя" умозаключенія правильнѣе называть раздѣлительными умозаключеніями. Говоря вообще, раздѣлительными называются умозаключенія, въ которыхъ встрѣчаются въ качествѣ посылокъ раздѣлительныя сужденія. Они распадаются на нѣсколько существенно различныхъ видовъ. Ср. 136 и сл.

404. Подраздѣляющія умозаключенія. Прежде всего раздѣлительными могутъ быть названы тѣ умозаключенія, въ которыхъ изъ сочетанія раздѣлительныхъ сужденій получается новое такое же сужденіе: А есть В или С; В есть B_1 или B_2; С есть C_1 или C_2; слѣдовательно, А есть B_1 или B_2, или C_1, или C_2. Такія умозаключенія составляютъ переходъ отъ дѣленій къ подраздѣленіямъ. Изъ гипотетическихъ умозаключеній имъ аналогичны силлогизмы, состоящіе изъ гипотетическихъ посылокъ (389). Это также силлогизмы, только съ своеобразными посылками. Ихъ особенная познавательная цѣнность состоитъ въ томъ, что они содержатъ въ себѣ не только дѣленія объектовъ мышленія, но и единую систему ихъ. Въ другихъ отношеніяхъ цѣнность ихъ обусловливается тѣми же обстоятельствами, какими обусловливается вообще цѣнность дѣленій (ср. 267).

405. Раздѣлительно-категорическія умозаключенія. Кромѣ того, въ умозаключеніяхъ раздѣлительныя посылки могутъ различнымъ образомъ сочетаться съ гипотетическими и категорическими. Сочетаніе категорическаго сужденія SM съ раздѣлительнымъ сужденіемъ: „М есть P_1 или P_2" дѣлаетъ субъектъ перваго сужденія косвеннымъ путемъ предметомъ дѣленія. Отъ этого умозаключенія нужно, конечно,

отличать тотъ видъ умозаключеній, который мы спеціально называемъ раздѣлительно-категорическимъ. Эти умозаключенія параллельны гипотетически-категорическимъ и тождественны съ тѣми, которыя въ логикѣ обыкновенно называются дисъюнктивно-категорическими или даже просто „дисъюнктивными" умозаключеніями. Въ нихъ къ раздѣлительному сужденію: „S есть P_1 или P_2" и т. д. присоединяется въ качествѣ второй посылки категорическое сужденіе, въ которомъ или приписывается S одно изъ P, или же отрицаются всѣ P, за исключеніемъ одного. Соотвѣтственно этому, выводъ состоитъ въ утвержденіи, что S не есть ни одно изъ другихъ P, или же въ утвержденіи, что S должно приписать то P, которое не отрицалось въ посылкѣ. Слѣдовательно, существуютъ двѣ различныя формы раздѣлительно-категорическихъ умозаключеній; онѣ соотвѣтствуютъ двумъ фигурамъ гипотетически-категорическихъ умозаключеній. Примѣромъ ихъ можетъ служить умозаключеніе: специфически-геометрическія умозаключенія должны быть или эмпирическими, или объективно-формальными, или субъективными, или абстрактно-логическими; они принадлежатъ къ первому виду умозаключеній; слѣдовательно, они не принадлежатъ ни къ одному изъ послѣднихъ. Или: они не принадлежатъ ни ко второму, ни къ третьему, ни къ четвертому виду; слѣдовательно, они должны относиться къ первому виду.

406. Сущность этихъ умозаключеній. Мы различили раньше (ср. 137 сс.) среди раздѣлительныхъ сужденій категорически и гипотетически-раздѣлительныя. Первыя дѣлятъ объемъ субъекта на P_1, P_2 и т. д.: „S суть отчасти P_1, отчасти P_2 и т. д."; вторыя указываютъ въ отношеніи одного и того же или однихъ и тѣхъ же S на необходимость выбора одного изъ различныхъ возможныхъ предикатовъ: „S есть или P_1, или P_2". Раздѣли-

тельная посылка раздѣлительно-категорическаго умозаключенія, о которомъ мы говоримъ здѣсь, можетъ относиться лишь къ послѣднему виду сужденій. Слѣдовательно, она, какъ и всякое гипотетически-раздѣлительное сужденіе, есть сочетаніе гипотетическихъ сужденій. А потому и раздѣлительно-категорическія умозаключенія суть не что иное, какъ особый случай гипотетически-категорическихъ. Къ нимъ также относится все то, что̀ сказано было выше объ особенностяхъ гипотетически-категорическихъ умозаключеній. Тѣмъ не менѣе, они имѣютъ еще свое особое значеніе. Оно заключается въ возникающемъ благодаря категорической посылкѣ выборѣ одного изъ возможныхъ исключающихъ другъ друга предикатовъ.

407. Модусы. Первая изъ выше различенныхъ формъ раздѣлительно-категорическихъ умозаключеній, обыкновенно, называется Modus ponendo tollens, а вторая—Modus tollendo ponens. Первая предполагаетъ положительное знаніе о томъ, что такое S, или лишь отвергаетъ ложныя утвержденія, какъ несогласимыя съ этимъ знаніемъ; вторая даетъ положительное знаніе, такъ какъ отвергаетъ другія возможности.

408. Побочная форма. Рядомъ съ разсмотрѣннымъ чистымъ раздѣлительно-категорическимъ умозаключеніемъ мы ставимъ, въ виду особеннаго логическаго значенія ея, не чистую побочную форму такихъ умозаключеній. Въ ней къ раздѣлительной посылкѣ съ общимъ субъектомъ присоединяется категорическая посылка, субъектомъ которой служитъ одно опредѣленное или опредѣленныя S: S суть P_1 или P_2; это опредѣленное S есть P_1 (не есть P_2); слѣдовательно, оно не есть P_2 (есть P_1). При этомъ раздѣлительною посылкою можетъ быть гипотетически или категорически-раздѣлительное сужденіе. Въ первомъ случаѣ въ умозаключеніи тоже производится выборъ между различными возможными предикатами, но лишь въ отношеніи къ этому опре-

дѣленному S. Наоборотъ, въ послѣднемъ случаѣ умозаключеніе пріобрѣтаетъ особое значеніе, именно оно включаетъ опредѣленное S въ одинъ изъ классовъ S или исключаетъ его изъ нѣкоторыхъ классовъ S; въ немъ рѣшается вопросъ о принадлежности къ одному изъ классовъ S. Напримѣръ: умозаключенія бываютъ объективно-формальными или эмпирическими, или субъективными, или абстрактно-логическими; специфически-геометрическія умозаключенія относятся къ первому виду, слѣдовательно, ни къ одному изъ остальныхъ; или: они не относятся ни къ одному изъ трехъ послѣднихъ видовъ, слѣдовательно, относятся къ первому виду.

409. Раздѣлительно-категорическія умозаключенія и индукція. Чистыя раздѣлительно-категорическія умозаключенія, спеціально въ формѣ Modus tollendo ponens, имѣютъ существенное значеніе для нашего познанія. Въ особенности важны тѣ случаи, въ которыхъ категорическое сужденіе, присоединяющееся въ качествѣ второй посылки къ (гипотетически) раздѣлительной посылкѣ, не можетъ быть непосредственно получено изъ опыта, а само должно быть построено съ помощью умозаключенія, и при томъ умозаключенія гипотетически-категорическаго. Раздѣлительно-категорическое умозаключеніе, включающее въ себя, такимъ образомъ, гипотетически-категорическое умозаключеніе, или—такъ какъ оно само относится къ этому роду умозаключеній — превращающееся въ совокупность гипотетически-категорическихъ умозаключеній, имѣетъ особенно важное значеніе въ индуктивномъ процессѣ. Такъ какъ индуктивный процессъ выдѣляетъ изъ обстоятельствъ, сопровождающихъ фактъ, причину факта, то онъ рѣшаетъ относительно различныхъ первоначально стоящихъ рядомъ возможностей, что та или другая комбинація обстоятельствъ составляетъ причину. Правильность индукціи, въ особенности планомѣрность эксперимента, тре-

буетъ полнаго дѣленія этихъ возможностей, хотя бы оно и могло возникнуть лишь постепенно въ ходѣ изслѣдованія; исключеніе возможностей, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, производится, какъ уже сказано (ср. 401), съ помощью гипотетически-категорическихъ умозаключеній. Весь процессъ, въ концѣ концовъ, принимаетъ форму раздѣлительно-категорическаго умозаключенія, въ которомъ посредствующею ступенью служатъ всевозможныя гипотетически-категорическія умозаключенія.

410. „Объясненіе“ фактовъ. Однако, какъ мы уже не разъ говорили, цѣль нашего познанія заключается не только въ томъ, чтобы открывать данныя въ опытѣ законосообразныя отношенія, т.-е. сочетанія причинъ и дѣйствій, а и въ томъ, чтобы, исходя изъ фактовъ, первоначально данныхъ лишь какъ голые факты, умозаключать о ихъ необходимыхъ, т.-е. единственно возможныхъ причинахъ, или узнавать, какія обстоятельства, по исключеніи всѣхъ остальныхъ возможностей, слѣдуетъ считать ихъ причиною или реальнымъ основаніемъ ихъ существованія и свойствъ. Этой цѣли, въ свою очередь, нельзя достигнуть безъ дѣленія возникающихъ прежде всего на основаніи нашего знанія возможныхъ предположеній, что причина заключается въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Затѣмъ, выборъ между представляющимися возможностями производится съ помощью раздѣлительно-категорическаго умозаключенія, въ которое входитъ, въ качествѣ посылки, гипотетически-категорическое умозаключеніе. Конечно, еще не достаточно лишь исключить причины и тотчасъ же оставшуюся возможную причину выдавать за фактъ. Нужно еще доказать при этомъ, что найденная такимъ образомъ предполагаемая причина можетъ быть причиною объясняемаго факта согласно познанной законосообразности. Если это не удается, то мы лишь

поставили новую возможность на мѣсто отвергнутыхъ, и задача дальнѣйшаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы превратить ее въ дѣйствительность. Но прежде всего въ такомъ случаѣ нужно присмотрѣться, нельзя ли усовершенствовать сдѣланное первоначально дѣленіе. Если это возможно, то раздѣлительно- и гипотетически-категорическое умозаключенія снова принимаются за свою задачу. Объяснять это не значитъ сводить факты къ какому-либо познанному закону, или къ „законамъ“, выставленнымъ впервые въ угоду именно этимъ фактамъ; объяснять это значитъ сводить факты къ извѣстному закону, которому они подчиняются, и которому они единственно могутъ быть подчинены. Такое объясненіе, обыкновенно, принимаетъ совершенную форму не согласно какой-либо одной схемѣ умозаключенія или схемѣ ряда умозаключеній, а требуетъ движенія впередъ, отступленій назадъ, поправокъ, улучшеній и взаимодѣйствія различныхъ видовъ умозаключеній.

411. Послѣднія „дѣленія“. Задача объясненія или указанія необходимыхъ основаній даннаго приводитъ, въ концѣ концовъ, къ нѣкоторымъ послѣднимъ „дѣленіямъ“ возможностей, отъ выбора которыхъ зависятъ широкія научныя точки зрѣнія на вещи. Мы говоримъ о конечныхъ исключающихъ другъ друга возможныхъ способахъ мыслить вещи или основанія вещей соотвѣтственно законосообразности нашего мышленія и согласующимся другъ съ другомъ опытомъ, или о конечныхъ возможностяхъ представленія. Съ послѣдними связано въ особенности естествознаніе. Оно находитъ a priori данныя возможности пространственныхъ измѣненій и отношеній и старается сдѣлать выборъ изъ нихъ вышеописанными путями. Такъ, прерывистое и непрерывное наполненіе пространства суть двѣ возможности, данныя a priori вмѣстѣ съ представленіемъ пространства. Естествознаніе должно

выбрать одну изъ нихъ путемъ отвѣта на вопросъ, возможны ли различные физическіе и химическіе факты и законосообразности, если сдѣлать первое или второе предположеніе. Всякая эмпирическая наука, въ концѣ концовъ, обусловлена, такимъ образомъ, какъ закономъ мышленія (въ тѣсномъ смыслѣ), такъ и законосообразностями представляющей дѣятельности, слѣдовательно, всякая эмпирическая наука въ двоякомъ смыслѣ обоснована a priori.

ОТДѢЛЪ XII.

Знаніе, вѣроятность, вѣра.

Глава XLII. Фактическое существованіе и необходимость.

412. Модальность сужденій. Знаніе начинается сужденіями и кончается ими. Поэтому логика начинается и кончается изслѣдованіемъ сужденій. Знаніе стремится къ достовѣрности. О степеняхъ достовѣрности, доступныхъ нашему знанію, логика говоритъ, называя ихъ степенями модальности. Она различаетъ проблематическія, ассерторическія и аподиктическія сужденія, т.-е. сужденія слѣдующей формы: „S можетъ быть P, быть можетъ, вѣроятно, пожалуй, S есть P"; „S есть P"; наконецъ: „С должно быть P". Однако въ основаніи этого дѣленія нѣтъ единства: съ вопросомъ о степени достовѣрности въ немъ соединяется вопросъ о способѣ обоснованія ея.

413. Ассерторическое сужденіе. Строго говоря, сознаніе достовѣрности или объективной необходимости представленія не допускаетъ никакихъ различій по степенямъ. Оно существуетъ или не существуетъ вовсе, и вмѣстѣ съ нимъ существуетъ или не существуетъ сужденіе. Такимъ не допу-

скающимъ степеней или строго опредѣленнымъ сознаніемъ объективной необходимости характеризуется ассерторическое сужденіе. Ассерторическое сужденіе есть просто сужденіе о существованіи факта. Въ то же время чисто ассерторическое сужденіе не обосновано другими сужденіями. Ассерторическія сужденія суть сужденія, непосредственно заимствованныя изъ опыта (или сообщенія другихъ лицъ), пока они признаются мною именно лишь на основаніи опыта (сообщенія). Съ другой стороны, сюда относятся сужденія, съ помощью которыхъ выражаются въ нашемъ сознаніи общія законосообразности нашей представляющей дѣятельности мышленія, заключающіяся въ природѣ нашего духа, слѣдовательно, апріорныя условія нашихъ актовъ сужденія.

414. Аподиктическія сужденія. Характерною чертою аподиктическихъ сужденій также служитъ не степень сознанія объективной необходимости; скорѣе отличительною чертою ихъ служитъ ихъ происхожденіе или обоснованіе. Въ нихъ къ ассерторическому или просто существующему на лицо сужденію „S есть P“ присоединяется сознаніе о томъ, что существуетъ другое сужденіе, изъ котораго оно слѣдуетъ, или которое не могло бы быть построено, если бы сужденіе „S есть P“ замѣнилось противорѣчащимъ ему сужденіемъ „S есть какое-либо не-P“. Врачъ, говорящій о больномъ, что онъ долженъ былъ умереть, даетъ знать, что ему извѣстны общія соображенія, изъ которыхъ можно было умозаключить, что больной умретъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этого, достовѣрность смерти больного для него не больше, чѣмъ для того, кто, не обладая этими свѣдѣніями, просто знаетъ, что больной умеръ.

415. Аподиктическія сужденія въ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ приведенномъ примѣрѣ подъ „обоснованіемъ“ подразумѣвается выводъ изъ закона. Обыкно-

венно, когда сужденія называются аподиктическими, имѣются въ виду, именно, *такимъ образомъ* обоснованныя сужденія. Въ этомъ смыслѣ аподиктичны сужденія, не только существующія, но и подчиняющіяся *познанному закону*, или общей объективно необходимой связи предметовъ сознанія, а не просто, какъ *всякое* сужденіе, *фактически* существующей законосообразности *духа*. Такъ какъ цѣль знанія состоитъ въ томъ, чтобы подчинить всѣ отдѣльныя знанія такимъ законамъ и получить систему знанія, то аподиктическое сужденіе стоитъ на болѣе высокой ступени въ сравненіи съ ассерторическимъ; мало того, лишь оно *есть совершенное сужденіе*.

416. *Необходимость понятія и дѣйствительная необходимость*. Во всякомъ случаѣ и *познанный законъ* основывается на фактически существующей законосообразности духа. Поскольку онъ *законъ*, онъ данъ *духомъ*. Въ аподиктическомъ сужденіи духъ не только *обладаетъ* фактомъ, но и *господствуетъ* надъ нимъ. Лишь послѣ этого онъ обладаетъ имъ вполнѣ. Равнымъ образомъ, всякая „необходимость“ есть необходимость *духа*; всякая *мыслимая* необходимость въ дѣйствительности есть необходимость мышленія, или *логическая* необходимость. Всякій предикатъ сужденія необходимъ, т.-е. долженъ быть мыслимъ при данномъ субъектѣ. И связь предиката съ субъектомъ или *фактъ, что* S есть P, необходимъ въ томъ смыслѣ, что *сужденіе*: „S есть P“ должно быть *построено* при существованіи другого сужденія, именно сужденія, служащаго выраженіемъ закона. „Необходимость“ фактовъ *есть* необходимость построить сужденіе, содержаніемъ котораго служитъ фактъ, или же это понятіе — пустое слово. Въ свою очередь, эта объективная необходимость бываетъ необходимостью понятія или дѣйствительною необходимостью, а послѣдняя бы-

ваетъ формальною или матеріальною. Къ первому роду относится необходимость, чтобы квадратъ былъ прямоуголенъ и имѣлъ четыре равныя стороны, потому что слово „квадратъ“ требуетъ этихъ предикатовъ. Примѣромъ дѣйствительной и въ то же время формальной необходимости можетъ служить необходимость связывать съ этими опредѣленіями равенство діагоналей. Примѣромъ дѣйствительной и матеріальной необходимости можетъ служить событіе, въ дѣйствительность котораго я долженъ вѣрить, потому что о немъ сообщаютъ заслуживающіе довѣрія очевидцы. Отсюда ясно, что различіе между необходимостью понятія и дѣйствительною необходимостью вполнѣ аналогично различію между единствомъ, сложностью и т. д. понятія и дѣйствительнымъ единствомъ, сложностью и т. д. (ср. 211).

417. Реальная необходимость. Точно такъ же понятіе реальной необходимости аналогично понятію реальнаго единства, сложности и т. д. Реальная необходимость есть частный случай дѣйствительной необходимости. О событіи, засвидѣтельствованномъ заслуживающими довѣрія очевидцами, я говорю, что оно должно быть совершившимся. Отъ этого сужденія слѣдуетъ отличать сужденіе, высказываемое слѣдующимъ предложеніемъ: „событіе должно было совершиться“. Я могу высказывать это послѣднее сужденіе лишь въ томъ случаѣ, если знаю причину событія и изъ нея могу заключить о существованіи событія. Въ этомъ случаѣ необходимость событія есть реальная необходимость. Реальная необходимость есть необходимость, опирающаяся на реальныя основанія, а не на основанія вообще. Тѣмъ не менѣе, она есть также лишь видъ логической необходимости.

418. Виды аподиктическихъ сужденій. Этимъ указаны различные виды аподиктическихъ сужденій (въ узкомъ

смыслѣ ср. 415). Существуютъ аподиктическія сужденія необходимости понятія, дѣйствительной и реальной необходимости (законосообразности). Во всѣ (въ узкомъ смыслѣ) аподиктическія сужденія: „S должно быть P“ входитъ сознаніе выводимости ихъ изъ родового сужденія: „S есть P“. Но въ аподиктическихъ сужденіяхъ необходимости понятія такимъ родовымъ сужденіемъ бываетъ номинальное сужденіе; въ сужденіяхъ дѣйствительной необходимости—какое-нибудь родовое (формальное или матеріальное) реальное сужденіе; въ сужденіяхъ реальной необходимости — родовое сужденіе, субъектъ котораго заключаетъ въ себѣ причину P, слѣдовательно, „первичное“ (80) родовое сужденіе.

419. Необходимость и фактическое существованіе. Какъ необходимость, такъ и фактическое существованіе, выражающіяся въ сознаніи въ формѣ аподиктическихъ и ассерторическихъ сужденій, не даны, а возникаютъ въ сужденіяхъ. Но всякая необходимость зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ фактическаго существованія; необходимость того, что можетъ быть выведено изъ законовъ, основанныхъ на опытѣ, зависитъ отъ фактическаго существованія, выражающагося въ нашемъ сознаніи въ формѣ эмпирическихъ сужденій. Въ свою очередь, это фактическое существованіе и вмѣстѣ съ нимъ всякое логическое или познанное фактическое существованіе вообще основывается на томъ абсолютномъ фактическомъ существованіи, которое предшествуетъ всякому мышленію (ср. 5), съ одной стороны, и на фактической законосообразности духа, съ другой стороны.

Глава XLIII. Возможность и вѣроятность.

420. Проблематическое сужденіе. Если нѣтъ степеней объективной необходимости, то зато тѣмъ болѣе

можно говорить о степеняхъ объективнаго принужденія. Носителями объективной необходимости служатъ „основанія", а носителями объективнаго принужденія, которое не слѣдуетъ смѣшивать съ объективною необходимостью, служатъ части основанія, или основанія, нуждающіяся въ дополненіи. Здѣсь прежде всего нужно различать два вида „проблематическихъ" сужденій. Первый видъ основывается на недостовѣрности воспріятія, воспоминанія, умозаключенія: „это извѣстіе, если я точно вспоминаю, получено мною вчера, быть можетъ, также третьяго дня"; 13×17, если не ошибаюсь, =221" и т. д. Эти „субъективныя" проблематическія сужденія вовсе неинтересны съ логической точки зрѣнія и потому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ обращать на нихъ вниманія. Тѣмъ важнѣе „объективныя" проблематическія сужденія, возникающія вслѣдствіе того, что объекты познанія (хотя бы и воспринимаемые совершенно ясно) недостаточны для обоснованія сужденія. Это—сужденія, полученныя путемъ умозаключенія, но изъ недостаточныхъ посылокъ; слѣдовательно, они никогда не бываютъ непосредственными сужденіями, тогда какъ субъективно-проблематическія сужденія могутъ быть и непосредственными, и полученными путемъ умозаключенія (или „опосредствованными"). Если взять понятіе аподиктическаго сужденія въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ сужденія, обоснованнаго какимъ бы то ни было образомъ другими сужденіями, то объективно-проблематическое сужденіе можно считать лишь предварительною ступенью аподиктическаго, а субъективно-проблематическое—предварительною ступенью какого угодно сужденія.

421. Низшія ступени. Низшею ступенью модальности сужденія вообще, и, слѣдовательно спеціально низшею ступенью проблематическихъ сужденій, можно считать „сужденія", въ которыхъ „обоснованіе" имѣетъ исключительно отри-

цательный характеръ. Сюда относится сужденіе: „S можетъ быть P“, если содержаніемъ его исключительно служитъ сознаніе того, что нѣтъ принужденія мыслить S, какъ не-P. Оно можетъ быть названо „сужденіемъ“ или предварительною ступенью сужденія, поскольку въ немъ къ простому сочетанію представленій SP все же уже присоединяется мысль объ объективной необходимости, хотя бы лишь въ формѣ сознанія, что ея нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, эту предварительную ступень сужденія слѣдуетъ считать не настоящимъ сужденіемъ, а лишь предварительною ступенью или первымъ исходнымъ пунктомъ акта сужденія. Конечно, если мы соглашаемся съ такими сужденіями, т.-е. высказываемъ такія предложенія, въ дѣйствительности мы всегда имѣемъ уже какой-либо объективный поводъ сочетать S съ P; такимъ поводомъ служитъ, по крайней мѣрѣ, какая-либо уже установленная связь мыслей, аналогичная мысленному сочетанію P съ S. Въ такомъ случаѣ, проблематическое сужденіе есть уже положительная начальная ступень сужденія.—При случаѣ уже было сказано (ср. 59). что и въ вопросахъ обыкновенно уже заключаются такіе поводы. Въ такомъ случаѣ и вопросъ содержитъ уже въ себѣ положительную начальную ступень сужденія или предполагаетъ ее. Тѣмъ не менѣе вопросъ, какъ таковой, никогда не составляетъ сужденія.

422. Болѣе точное опредѣленіе. Если мы оставимъ въ сторонѣ описанную предварительную ступень проблематическаго сужденія и будемъ разсматривать лишь настоящее проблематическое сужденіе: „S можетъ быть P“, то прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что находящіяся въ немъ части основанія для присоединенія P къ S суть „части основанія“ не въ томъ смыслѣ, будто бы ими обусловливается часть сознанія объективной необходимости этого присоединенія. „Основанія“ всегда бываютъ лишь цѣлыми

основаніями; части основанія, взятыя отдѣльно, не обосновываютъ отчасти, а вовсе не обосновываютъ. Они обосновываютъ лишь при предположеніи, что съ ними связаны другія части основанія или условія. Соотвѣтственно этому возможность или вѣроятность проблематическаго сужденія: „S можетъ быть P" можетъ основываться лишь на возможности или вѣроятности, что, кромѣ наличныхъ или данныхъ въ сознаніи частей основанія для присоединенія P къ S, даны также остальныя части основанія. Но неувѣренность въ томъ, существуютъ ли на ряду съ данными частями основанія (a) сужденія также остальныя (b), можетъ всегда выражаться въ сознаніи въ формѣ „дисъюнктивнаго" или раздѣлительнаго сужденія, что существуетъ b, или вмѣсто него b_1, или b_2 и т. д. Возможность или вѣроятность опредѣленнаго выбора изъ этихъ „или—или" можетъ считаться, поэтому, тѣмъ, что производитъ возможность или вѣроятность проблематическаго сужденія.

423. Виды. Только непосредственныя эмпирическія сужденія могутъ быть въ настоящемъ смыслѣ „объективно" проблематическими. Но эти сужденія или получаются индуктивно, или силлогистически выводятся изъ сужденій, построенныхъ на опытѣ, или, наконецъ, это такія сужденія, которыя получаются съ помощью присоединяющихся къ индукціи, завершающихъ ея задачу пріемовъ мышленія, осуществляющихся въ формѣ раздѣлительно-категорическихъ умозаключеній. Этимъ тремъ возможнымъ случаямъ соотвѣтствуютъ три вида проблематическихъ сужденій, которые необходимо различать. Прежде всего, ясно замѣтно различіе между проблематическими сужденіями перваго вида, „индуктивно обусловленными", и проблематическими сужденіями второго вида, „дедуктивно обусловленными". Первыя возникаютъ тогда, когда существующіе опыты недостаточны для полнаго

обоснованія родового сужденія, составляющаго результатъ индукціи, слѣдовательно, для полной достовѣрности законосообразнаго отношенія между объектами, которое должно выразиться въ этомъ сужденіи. Вторыя получаются, когда посылки дедуктивнаго умозаключенія извѣстны, слѣдовательно, логическое отношеніе или отношеніе необходимости между ихъ содержаніями, обусловливающее выводъ, дано, но въ то же время не установлено достовѣрно, можетъ ли это отношеніе быть примѣнено къ настоящему случаю. Обѣ эти возможности могутъ быть выражены въ проблематическихъ сужденіяхъ, одинаковыхъ по содержанію. „Этотъ вѣтеръ можетъ принести съ собою дождь“ есть индуктивно обусловленное проблематическое сужденіе для того, кто часто наблюдалъ появленіе дождя при этомъ вѣтрѣ, но сомнѣвается, составляютъ ли обстоятельства, сопровождающія теперь вѣтеръ, вмѣстѣ съ нимъ достаточное основаніе для предположенія, что будетъ дождь. То же самое сужденіе было бы дедуктивно (силлогистически) обусловленнымъ проблематическимъ сужденіемъ для того, кто зналъ бы условія, въ связи съ которыми этимъ вѣтромъ необходимо приносится дождь, но не былъ увѣренъ въ томъ, что эти условія въ настоящемъ случаѣ выполнены. Въ первомъ случаѣ законъ, по которому дождь приносится этимъ вѣтромъ, неизвѣстенъ, а во второмъ онъ извѣстенъ.

424. Вѣроятность индуктивныхъ умозаключеній. Индуктивно обусловленныя проблематическія сужденія бываютъ, въ свою очередь, различнаго рода, смотря по тому, обусловлены ли они индуктивнымъ умозаключеніемъ въ узкомъ смыслѣ или умозаключеніемъ по аналогіи. Въ первомъ случаѣ проблематическое сужденіе есть сужденіе родовое, т.-е. содержаніемъ его служитъ сознаніе о томъ, что къ субъекту или комбинаціи обстоя-

тельствъ C долженъ постоянно присоединяться фактъ F. При этомъ прежде всего предполагается, что въ какомъ-либо единичномъ случаѣ F оказалось связаннымъ въ опытѣ съ C_1. Отсюда получается слѣдующее. Если C есть вся совокупность и связь (непосредственно предшествующихъ и одновременныхъ) обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствительно происходило F, и a, b, c и т. д., суть отдѣльные элементы этого C, не содержащіеся въ C_1, то вѣроятность родового сужденія C_1F возрастаетъ, если опытомъ постепенно подтверждается достовѣрность того, что эти элементы a, b c и т. д. не должны быть непремѣнно даны для связи C_1 съ F. При этомъ предполагается дѣленіе возможностей, именно предположеній, что C_1 одно или C_1 въ связи съ тѣмъ или другимъ изъ элементовъ a, b, c и т. д. составляетъ причину F. Очевидно, до тѣхъ поръ, пока хотя бы одна изъ возможностей, именно принадлежность какого-либо a или b и т. д. къ причинѣ, не замѣчена или осталась неопровергнутою, истинность родового сужденія C_1F не болѣе вѣроятна, чѣмъ неистинность, иными словами, такое сужденіе не можетъ быть названо „вѣроятнымъ“ въ абсолютномъ смыслѣ слова. Наоборотъ, разсматриваемое родовое сужденіе становится вполнѣ достовѣрно, если достовѣрно, что ни одной такой возможности болѣе не осталось. Слѣдовательно, степень достовѣрности разсматриваемаго родового сужденія, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ вѣроятности, что такихъ возможностей нѣтъ. Эта вѣроятность, а вмѣстѣ съ нею и первая, можетъ постепенно возрастать въ ходѣ нашего познанія, т.-е. все болѣе приближаться къ достовѣрности, но такъ какъ вездѣ могутъ существовать условія, ускользающія по своей природѣ отъ нашего опыта, то она никогда не можетъ превратиться въ полную достовѣрность. Поэтому, съ логической точки зрѣнія родовыя сужденія, индуктивно полученныя изъ опыта,

всегда остаются проблематическими сужденіями. Они становятся достовѣрными лишь въ границахъ нашего опыта. Задача познанія состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть этой достовѣрности, а не выдумать какую-либо иную достовѣрность. Въ проблематическихъ сужденіяхъ этого рода не можетъ быть и рѣчи объ измѣреніи степени вѣроятности.

425. Вѣроятность умозаключеній по аналогіи. Отъ этихъ проблематическихъ сужденій отличаются сужденія, полученныя путемъ умозаключенія по аналогіи. Умозаключенія по аналогіи достигаютъ своего настоящаго и самостоятельнаго значенія, приводя къ построенію проблематическихъ сужденій, слѣдовательно, выполняя свою функцію, какъ вѣроятное умозаключеніе. Допустимъ, что на ряду съ случаями, въ которыхъ S было P, даны такіе случаи, въ которыхъ S не было связано съ P, напр., на ряду съ случаями, въ которыхъ *болѣзнь привела* къ смерти, даны случаи, въ которыхъ та же болѣзнь не имѣла смертельнаго исхода. Въ первыхъ случаяхъ необходимо должны быть всѣ условія P, также и не содержащіяся въ самомъ S, а во вторыхъ какія-либо изъ этихъ условій не выполнены. S будетъ опять связано съ P въ новомъ случаѣ, если опять будутъ выполнены всѣ эти условія, слѣдовательно, вѣроятнось новаго SP совпадаетъ съ вѣроятностью, что съ любымъ или при любыхъ „обстоятельствахъ“ возникающимъ S даны, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ условія P, Но эта вѣроятность, а вмѣстѣ съ нею и первая необходимость тѣмъ болѣе велика, чѣмъ чаще при различныхъ, именно при различныхъ, а не однихъ и *тѣхъ же* обстоятельствахъ S оказывалось связаннымъ съ P, т.-е. чѣмъ болѣе разнообразныя обстоятельства, несмотря на свое разнообразіе, все же всегда соединяли въ себѣ всѣ условія P. Слѣдовательно, короче говоря, вѣроятность, что S въ новомъ случаѣ опять будетъ связано съ P, возрастаетъ вмѣстѣ съ чи-

сломъ положительныхъ инстанцій при возможно бо̀льшей варіаціи ихъ, т.-е. вмѣстѣ съ числомъ случаевъ, въ которыхъ S при все новыхъ и новыхъ обстоятельствахъ было связано съ P. Съ другой стороны, эта вѣроятность уменьшается вмѣстѣ съ числомъ случаевъ, въ которыхъ C при измѣняющихся обстоятельствахъ не было связано съ P. Слѣдовательно, эта вѣроятность равна отношенію перваго числа къ общему числу всѣхъ случаевъ, и потому можетъ быть выражена дробью, въ которой первое число служитъ числителемъ, а число всѣхъ случаевъ знаменателемъ. Вѣроятность есть „вѣроятность" въ абсолютномъ смыслѣ, если эта дробь $> 1/2$. Отсюда ясно, что вѣроятность сужденій, полученныхъ путемъ умозаключенія по аналогіи, измѣрима. Достовѣрность измѣренія возрастаетъ вмѣстѣ съ числомъ наблюдаемыхъ случаевъ вообще, если можно предположить, что рука объ руку съ возрастаніемъ этого числа идетъ разнообразіе обстоятельствъ. Чѣмъ больше число, тѣмъ больше при этомъ условіи измѣреніе приближается къ измѣренію, имѣющему объективное значеніе, хотя абсолютная объективная достовѣрность не достижима.

426. Дедуктивная вѣроятность. Существенно иной характеръ въ сравненіи съ этими индуктивно обусловленными имѣютъ дедуктивно обусловленныя проблематическія сужденія. Какъ сказано выше, такія сужденія возникаютъ, когда посылки дедуктивнаго умозаключенія извѣстны, т.-е. логическое отношеніе между ихъ содержаніями, благодаря которому возможенъ выводъ, дано, но при этомъ сомнительно, приложимо ли это отношеніе къ данному случаю. Здѣсь вѣроятность измѣрима, если возможно полное дѣленіе возможностей примѣненія или непримѣненія этого отношенія, и если въ то же время эти возможности имѣютъ одинаковое значеніе для нашего сознанія, т.-е. обладаютъ одинаковою прину-

дительною силою. Въ этомъ случаѣ опредѣленная нами степень вѣроятности имѣетъ съ самаго начала полное объективное значеніе; объективное значеніе ея не есть, какъ въ проблематическихъ сужденіяхъ, обусловленныхъ аналогіею, лишь цѣль, къ которой знаніе можетъ постепенно приближаться, не достигая ея дѣйствительно. Если я знаю, напр., что въ ящикѣ находится три бѣлыхъ и два черныхъ шара, то я знаю условія для сужденія о томъ, будетъ ли шаръ, который я вытяну изъ ящика, бѣлымъ. Указанное выше „дѣленіе" состоитъ здѣсь въ сознаніи, что мнѣ попадется въ руки первый, второй или третій бѣлый, или же первый или второй черный шаръ. Знаніе о существованіи каждаго изъ этихъ шаровъ въ отдѣльности, само по себѣ вынуждаетъ у меня сужденіе, что будутъ вынуты, именно, эти шары, т.-е. такой-то бѣлый или черный. Естественнымъ результатомъ этихъ принужденій является болѣе сильное принужденіе мыслить вынутымъ бѣлый шаръ, слѣдовательно, большая вѣроятность этой мысли. Эта вѣроятность равна $^3/_5$, такъ какъ сумма принужденій мыслить бѣлый шаръ относится къ общему числу принужденій мыслить о пяти шарахъ вообще, какъ 3 : 5.

427. В ѣ р о я т н о с т ь о б р а т н ы х ъ у м о з а к л ю ч е н і й Къ индуктивно и дедуктивно обусловленнымъ проблематическимъ сужденіямъ мы присоединяемъ, наконецъ, третій видъ проблематическихъ сужденій (ср. 423), которыя мы кратко обозначимъ, какъ проблематическія сужденія изъ обратныхъ умозаключеній. Не къ проблематическимъ, а къ вполнѣ достовѣрнымъ сужденіямъ относится сужденіе, что фактъ F требуетъ, какъ условія своего возникновенія, на ряду съ нѣкоторыми фактами a, b, еще факта c, если опытъ показываетъ, что F связано съ abc, а не съ однимъ только ab. Но мы подразумѣваемъ здѣсь подъ индуктивными обратными умозаключеніями не такія (детерминирующія) обратныя умозаключенія

а умозаключенія отъ фактовъ къ ихъ единственно возможнымъ причинамъ. Такія обратныя умозаключенія также достовѣрны, если дѣленіе возможныхъ или (прежде всего) мыслимыхъ причинъ обладаетъ достовѣрностью и въ опытѣ удается исключить послѣдовательно всѣ возможныя причины, кромѣ одной. Но эта достовѣрность полноты дѣленія существуетъ лишь постольку, поскольку мы имѣемъ дѣло съ дѣленіемъ апріорныхъ возможностей, въ особенности данныхъ въ природѣ нашего представленія. Въ остальныхъ случаяхъ, т.-е. поскольку возможности причинныхъ связей установимы лишь съ помощью опыта, дѣленіе ихъ, а слѣдовательно и обратное умозаключеніе къ единственно возможной причинѣ всегда остается проблематическимъ. Оно достовѣрно всегда лишь въ предѣлахъ нашего опыта. Объ измѣреніи вѣроятности здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Задача познанія состоитъ и здѣсь лишь въ томъ, чтобы достигнуть достовѣрности, возможной въ границахъ нашего опыта.

428. Объективная возможность (вѣроятность). Соотвѣтственно понятію объективной необходимости объективная возможность совпадаетъ съ логическою возможностью, т.-е. служитъ выраженіемъ того факта, что попытка что-либо представить удается, т.-е. не противорѣчитъ требованіямъ, которыя предъявляются нашему мышленію объектами. Всякая мыслимая возможность есть въ дѣйствительности такая объективная возможность или такая возможность (свобода) мышленія. „Возможность“ бываетъ возможностью понятія или дѣйствительною возможностью, смотря по тому, предоставляютъ ли мнѣ понятія (имена) или дѣйствительныя опредѣленія свободу осуществить въ сознаніи мысль. „Реальная“ возможность существованія или возникновенія чего-либо есть не что иное, какъ существованіе какихъ-либо объективно необходимыхъ условій или частей причины такого бытія или

*

явленія. Реальная возможность въ смыслѣ возможности, которая находилась бы въ мыслимыхъ вещахъ, какъ ихъ признакъ, есть такая же пустая, недопустимая серьезнымъ мышленіемъ, фикція, какъ и мыслимая подобнымъ образомъ „реальная“ необходимость, сила, дѣятельность, единство, тождество и т. д. Цѣлое войско „этихъ реальныхъ категорій“ обозначаетъ въ дѣйствительности лишь способы мышленія. Какъ уже сказано (148), наше мышленіе не имѣетъ другихъ содержаній или объектовъ, кромѣ содержаній нашихъ ощущеній и чувствъ вмѣстѣ съ ихъ пространственными и временными формами или отношеніями.

Глава XLIV. Міропознаніе и міросозерцаніе.

429. Доказательство. Доказывать, это значитъ обосновывать сужденія, при чемъ подъ „обоснованіемъ“ подразумѣвается всякая форма обоснованія (ср. 282). Обосновывать— это значитъ устанавливать факты, мысленно объединять объекты опыта (въ самомъ широкомъ смыслѣ), сознательно выражать законосообразности духа, строить умозаключенія. Высшими основаніями доказательства служатъ факты опыта и самыя общія законосообразности духа. Послѣднія, если онѣ выражены въ формѣ сужденій, могутъ называться аксіомами. Кромѣ нихъ, нѣтъ никакихъ аксіомъ. Изъ опредѣленій ничего не можетъ быть выведено, кромѣ опять-таки опредѣленій. Также и геометрія получаетъ выводы не изъ опредѣленій, а изъ предположенія, что опредѣляемое находится въ мірѣ нашихъ пространственныхъ представленій. Отъ прямого доказательства истинности сужденія отличаютъ косвенное или апагогическое, т.-е. доказательство истинности сужденія: „S есть P“ изъ невозможности мыслить S, какъ не-P. Косвенное доказательство производится всегда съ помощью раздѣлительно-

категорическаго умозаключенія, опосредствованнаго гипотетически-категорическими умозаключеніями (ср. 406 и сл.).

430. Ошибки въ доказательствахъ. Кромѣ ошибокъ въ умозаключеніяхъ (386), которыя въ то же время суть ошибки въ доказательствахъ, первая и самая распространенная ошибка въ доказательствѣ состоитъ въ томъ, что доказываемому приписывается значеніе уже до того, какъ оно признано обоснованнымъ въ опытѣ и законосообразности духа. Въ такихъ случаяхъ послѣдующій процессъ доказательства подвергается опасности служить не интересамъ истины, а самообману или обману другихъ. Кромѣ того, изъ ошибокъ въ доказательствѣ особенно слѣдуетъ упомянуть πρῶτον ψεῦδος, или ложное предположеніе, лежащее въ основѣ умозаключенія или связи ихъ, petitio principii, или тотъ случай, когда элементъ доказательства, самъ еще нуждающійся въ доказательствѣ, предполагается доказаннымъ; кругъ въ доказательствѣ, т.-е. тотъ случай, когда съ цѣлью доказательства употребляется именно то, что должно быть доказано; μετάβασις εἰς ἄλλο γένος; т.-е. искаженіе вопроса, о которомъ идетъ рѣчь. Скрытая подстановка одного вмѣсто другого заключается въ каждомъ мнимомъ доказательствѣ вообще.

431. Методы. Не существуетъ нѣсколькихъ методовъ познанія въ томъ смыслѣ, будто бы былъ возможенъ свободный выборъ между различными путями познанія вообще, напр., между эмпирическимъ и раціональнымъ познаніемъ, познаніемъ изъ опыта и апріорнымъ познаніемъ. На самомъ дѣлѣ познаніе требуетъ въ отдѣльныхъ областяхъ то одного, то другого метода. Прежде всего можно говорить о противоположности индуктивнаго и дедуктивнаго метода. Однако и здѣсь нѣтъ взаимнаго исключенія. Въ индукцію, какъ мы видѣли (ср. 328), вездѣ входитъ въ качествѣ дополненія дедукція—въ формѣ простого силлогизма или гипотетически- и раз-

дѣлительно-категорическаго умозаключенія; съ другой стороны, индукція въ широкомъ смыслѣ (ср. 334) предполагается во всякомъ общемъ знаніи. Наконецъ, возможность дедукціи, т.-е. вывода, даннаго изъ закона, вездѣ составляетъ настоящую цѣль индукціи. Насколько скоро и далеко удается наукѣ строить такія дедукціи, это зависитъ отъ простоты условій, которымъ подчинены ея объекты: въ подтвержденіе этой мысли, стоитъ лишь сравнить астрономію, которая на каждомъ шагу пользуется дедукціею, съ физіологіею. Въ частностяхъ всякая наука, мало того, всякій отдѣльный научный вопросъ, требуетъ своего особаго метода, приспособленнаго къ природѣ соотвѣтствующаго объекта. Такіе методы выростаютъ изъ отдѣльныхъ наукъ; ихъ обсужденіе не относится уже къ общей логикѣ.

432. Завершеніе знанія. Знаніе было бы законченнымъ, если бы всевозможные объекты нашего сознанія были включены въ объективно необходимыя связи, если бы эти связи были подчинены законамъ, а эти законы подведены, въ свою очередь, подъ высшіе и, наконецъ, самые общіе законы; если бы такіе законы вездѣ, насколько возможно, были опредѣлены не только качественно, но и количественно, и давали намъ достовѣрное знаніе не только о томъ, съ какими слѣдствіями связаны данныя основанія, но и о томъ, какія основанія всегда и необходимо должны предполагаться для данныхъ слѣдствій; наконецъ, если бы вся система этого знанія была выражена въ имѣющей всеобщее значеніе системѣ понятій. При такомъ знаніи частности всегда могли бы быть получены изъ самыхъ общихъ міровыхъ формулъ путемъ подстановки въ нихъ даннаго. Но такое знаніе возможно лишь, поскольку его допускаетъ опытъ. Всякое знаніе дѣйствительности есть примѣненіе законосообразности духа къ вещамъ. A priori нельзя опредѣлить, насколько объективная дѣй-

ствительность подчиняется къ законосообразности духа. Мало того, даже и то, что такое совпаденіе вообще существуетъ, что переживаемый нами опытъ не издѣвается до безконечности надъ попытками выразить его въ формѣ законовъ, есть лишь счастливый фактъ, а не необходимость. Съ другой стороны, если бы этого факта и не было, т.-е. если бы законосообразность дѣйствительности никоимъ образомъ не была доступна познанію, все же и въ этомъ случаѣ существованіе законосообразности, хотя и не познаваемой, оставалось бы несомнѣннымъ. Конечно, лишь на словахъ, а не мысленно, можно сомнѣваться въ томъ, что должно быть мыслимымъ. Также и міръ вещей въ себѣ, хотя его содержаніе и неизвѣстно намъ (ср. 28), можетъ быть мыслимъ, лишь какъ законосообразный; поскольку мы, на основаніи опыта, познаемъ законосообразность, мы должны видѣть въ ней обнаруженіе законосообразности этого міра вещей въ себѣ.

433. Міросозерцаніе. Въ познаніе во всякой области входитъ также сознаніе границъ этого познанія. Научная правдивость требуетъ мужества признавать существованіе такихъ границъ. Однако и по ту сторону этихъ границъ прекращается не всякое мышленіе. Человѣческому духу нельзя запрещать строить за этими предѣлами царство возможнаго или мыслимаго, которое могло бы удовлетворять его потребности въ единствѣ и полнотѣ міровой картины. Такая „метафизика", или метафизическое міросозерцаніе должна однако существовать отдѣльно отъ науки. Впрочемъ, и это міросозерцаніе не независимо отъ опыта и основаннаго на немъ знанія. Метафизическая „система" была бы системою пустыхъ словъ, если бы, въ концѣ концовъ, не черпала своего содержанія изъ данныхъ опыта въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, слѣдовательно, изъ данныхъ, представляемыхъ чувствомъ и нашимъ самонаблюденіемъ, такъ какъ

для насъ нѣтъ никакого другого возможнаго содержанія мысли. Также и сочетаніе такихъ содержаній мышленія въ мысленную связь, не требуемую опытомъ, должно не противорѣчить установленному знанію, но быть всегда аналогичнымъ такому знанію. Высшая задача всякой метафизики состоитъ въ томъ, чтобы оцѣнивать мыслимыя возможности и отдѣлять ихъ отъ возможностей, сводящихся лишь къ сочетаніямъ словъ. Для этого, прежде всего, нуженъ глубокій анализъ понятій, спеціально высшихъ и самыхъ общихъ, такой анализъ, какой требовался выше логикою (161).

434. Сужденія оцѣнки. Рядомъ съ этимъ метафизическимъ существуетъ міросозерцаніе, соотносящее содержаніе міра съ нашимъ чувствомъ и волею. Отдѣльный актъ этого міросозерцація былъ уже названъ нами сужденіемъ оцѣнки (39), когда мы расширили понятіе сужденія. Но чувство и воля суть не два различныхъ психическихъ факта, а двѣ различныя стороны одного и того же психическаго состоянія. Поэтому нѣтъ независимыхъ другъ отъ друга сужденій оцѣнки и рѣшеній воли; то, что въ какой-либо моментъ представляется цѣннымъ, т.-е. предметомъ наслажденія, вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ и стремленіе, а также предметъ стремленія, какъ таковой, есть предметъ оцѣнки.

435. Эстетическое и этическое міросозерцаніе. Такимъ образомъ, точно такъ же и различіе между эстетическимъ и этическимъ созерцаніемъ вещей состоитъ не въ томъ, будто бы первое исключительно основано на чувствѣ, а второе на волѣ. Прекрасное есть предметъ стремленія, и добро предметъ оцѣнки. Точно такъ же различіе между тѣмъ и другимъ міросозерцаніемъ зависитъ не отъ предметовъ; высшее добро служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержаніемъ высшей красоты. Различіе между этими точками зрѣнія основано именно на способѣ созерцанія. Эстетическое разсмо-

трѣніе вещей имѣетъ чисто созерцательный характеръ, т.-е. направлено на предметы сознанія, какъ таковые. Высшимъ предметомъ его служитъ добро, какъ простой объектъ сознанія, независимо отъ того, обладаетъ ли онъ объективною дѣйствительностью, слѣдовательно, независимо также отъ связи съ интересами дѣйствительности, находящейся внѣ прекраснаго объекта и съ цѣлями, которыя должны осуществляться въ мірѣ. Наоборотъ, этическая точка зрѣнія имѣетъ практическій характеръ, т.-е. относится именно къ дѣйствительности и осуществленію цѣлей въ ней. Эти точки зрѣнія относятся другъ къ другу до извѣстной степени, какъ формальное и матеріальное познаніе.

436. Отношеніе къ опыту. Какъ разсудочное знаніе, такъ и эстетическое и—единственно здѣсь насъ интересующее внутреннее—нравственное отношеніе къ вещамъ, или эстетическое и нравственное сужденіе основываются на опытѣ и законосообразности духа. Подъ опытомъ и здѣсь подразумѣвается, прежде всего, существованіе какого-либо объекта въ сознаніи, но не поскольку онъ просто находится на лицо, а поскольку онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, способенъ дѣйствовать на чувство и волю. Такіе опыты мы можемъ вообще называть „мотивами“. Всякій мотивъ обладаетъ принудительною силою въ отношеніи эстетическихъ или этическихъ сужденій. Единство и связь мотивовъ или мотивы, какъ цѣлое, составляютъ „основаніе“ эстетическаго или этическаго сужденія. Эти сужденія бываютъ полными, слѣдовательно, дѣйствительно, могутъ быть названы сужденіями, когда мы вполнѣ сознаемъ ихъ полный субъектъ, т.-е. то основаніе, въ силу котораго мы признаемъ ихъ. Какъ и разсудочныя сужденія, они имѣютъ объективное значеніе, если сохраняются при всякомъ возможномъ опытѣ, т.-е. при всѣхъ вліяніяхъ на чувство и волю, слѣдовательно, въ томъ случаѣ, если нѣтъ ничего, что могло

бы принудить насъ отказаться опять отъ построеннаго сужденія. При этомъ предполагается, что опыты производятъ все дѣйствіе, на какое они способны. Какъ разсудочное сужденіе, имѣющее объективное значеніе, называется „истиннымъ“, такъ практическое или этическое сужденіе, имѣющее объективное значеніе, называется „нравственнымъ“. Эстетическое сужденіе, имѣющее объективное значеніе, служитъ выраженіемъ „вкуса“.

437. Этическая (эстетическая) законосообразность. Законосообразность, которой подчинены этическія (а также эстетическія) сужденія, есть не какая-либо особенная законосообразность, а та же всеобщая законосообразность духа, которая управляетъ разсудочными сужденіями; она состоитъ въ фактѣ, что мы, при одинаковыхъ данныхъ основаніяхъ оцѣнки или желанія, предполагая при этомъ полное сознаніе этихъ одинаковыхъ основаній, не можемъ цѣнить и хотѣть и въ то же время не цѣнить и не хотѣть безъ противорѣчія съ самими собою или безъ „самоосужденія“; слѣдовательно, эта законосообразность въ частности состоитъ въ томъ, что объектъ, котораго мы на какихъ-либо основаніяхъ однажды желали (требовали, внутренно утверждали, что онъ долженъ существовать), всегда, гдѣ бы въ мірѣ ни были даны одинаковыя основанія, долженъ опять быть предметомъ хотѣнія, или же, въ противномъ случаѣ, мы чувствуемъ себя принужденными уничтожить мысленно первое желаніе, т.-е. осудить его. Сознаніе долженствованія или недолженствованія состоитъ въ сознаніи принужденія проявлять всеобщую волю и осуждать волю, которая не можетъ быть обобщена, или (по Канту) „правило“ („максиму“), которое мы не можемъ возвести на степень „всеобщаго закона“. „Долженствованіе“, или „совѣсть“ есть естественное притязаніе всякаго этическаго сужденія быть общимъ сужденіемъ (ср. 323). Это не что иное,

какъ принужденіе къ хотѣнію, обусловленное апріорною законосообразностью нашей воли. Долженствованіе имѣетъ объективное значеніе, бываетъ безусловнымъ, нравственнымъ, совѣсть бываетъ тождественною съ голосомъ нравственной истины въ томъ случаѣ, если выдерживаетъ столкновеніе со всякимъ возможнымъ опытомъ или со всякими возможными мотивами, достигшими въ насъ возможно полнаго дѣйствія.

438. Этическіе законы. Указанный выше верховный нравственный законъ, на ряду съ которымъ для насъ нѣтъ никакого другого, даетъ въ примѣненіи ко всѣмъ возможнымъ опытамъ (мотивамъ) и познанной связи ихъ отдѣльные законы нравственнаго поведенія или этическія основоположенія. Разсматриваемая „связь“ есть связь средства и цѣли, не отличающаяся отъ связи причинъ и дѣйствій. Я имѣю основоположенія, если для меня существуютъ общія основанія хотѣнія; эти основоположенія имѣютъ объективное значеніе или нравственны, если основанія имѣютъ объективное значеніе, т.-е. имѣютъ общій характеръ, такъ какъ выдерживаютъ столкновеніе со всякимъ возможнымъ опытомъ. Полученіе ихъ основывается на индуктивныхъ пріемахъ, однородныхъ съ пріемами научной индукціи; примѣненіе ихъ къ даннымъ случаямъ есть дедукція. Нравственное „познаніе“ завершается единою системою законоположеній, имѣющихъ объективное значеніе, а нравственное поведеніе—подчиненіемъ всего внутренняго, а слѣдовательно, и внѣшняго поведенія этимъ основоположеніямъ, насколько это въ нашей власти.

439. Вѣра. Сознаніе о томъ, что̀ безусловно должно быть, объемлетъ нравственную, хотя и не логическую, необходимость вѣрить, что безусловно долженствующее быть также можетъ существовать и будетъ существовать. Единство того, что безусловно должно быть, есть добро. Но

названія добра въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ единственно и исключительно нравственная личность и еще больше того царство нравственныхъ личностей. Убѣжденіе въ томъ, что это царство можетъ существовать и будетъ существовать, составляетъ тему „вѣры“, которая выходитъ за предѣлы разсудочнаго знанія, заполняетъ пробѣлъ, оставляемый имъ, и даетъ также опору метафизическому міросозерцанію. Но увѣренность въ томъ, что добро можетъ существовать и будетъ существовать, обусловлена убѣжденіемъ въ томъ, что міровой процессъ направленъ на осуществленіе добра, что основаніе міра имѣетъ нравственный, слѣдовательно, духовный характеръ, и что послѣднее основаніе всякой законосообразности міра есть именно нравственная законосообразность. Раньше уже сказано было при случаѣ, что духовность безъ личнаго бытія есть пустое слово, такъ какъ мы только изъ сознанія о своемъ „я“ можемъ получить представленіе о духѣ вообще. Еще менѣе могли бы мы составить представленіе о безличномъ нравственномъ существѣ или абстрактномъ нравственномъ міропорядкѣ. Далѣе, мы должны представлять себѣ этотъ нравственный личный духъ носителемъ отдѣльныхъ духовъ. Пользуясь аналогіею, мы можемъ считать отдѣльныхъ духовъ носимыми имъ и, въ концѣ концовъ, такъ какъ у насъ нѣтъ другой аналогіи, должны представлять ихъ себѣ подобными отдѣльнымъ относительно самостоятельнымъ мыслямъ, которыя всплываютъ и опять погружаются не для того, чтобы быть забытыми навѣки, а для того, чтобы въ свое время и на своемъ мѣстѣ вернуться и быть мыслимыми опять, а въ концѣ концовъ сдѣлаться членами въ законченной системѣ божественныхъ мыслей, именно въ будущемъ царствѣ нравственныхъ личностей или въ царствѣ Божіемъ въ мірѣ. Разсудочное знаніе подчиняетъ міръ законосообразности мышленія; всеохва-

тывающее міросозерцаніе подчиняетъ его законосообразности духа вообще, къ которой нравственная законосообразность относится въ такой же мѣрѣ, какъ и логическая. Такъ какъ цѣли не могутъ существовать безъ духовнаго существа, которое имѣетъ ихъ, т.-е. чего-либо хочетъ, то для разсудочнаго познанія нѣтъ никакого объясненія изъ цѣлей, за исключеніемъ допущенія личности, дѣйствующей по цѣлямъ. Для естествознанія цѣли имѣютъ лишь эвристическое значеніе: то обстоятельство, что строеніе, въ особенности органическихъ существъ, имѣетъ „цѣлесообразный характеръ", т.-е. обыкновенно способствуетъ сохраненію индивида или рода, служитъ намъ руководствомъ при изслѣдованіи органовъ и ихъ функцій. Наоборотъ, для нравственнаго созерцанія міръ понятенъ лишь съ точки зрѣнія цѣли и, въ концѣ концовъ, съ точки зрѣнія высшей цѣли,—осуществленія добра.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

зданіе выходитъ серіями, заключающими каждая 10 книжекъ отъ до 12 печатныхъ листовъ небольшого формата плотной печати. бщее руководство изданіемъ со второй серіи принялъ на себя **П. Б. Струве.**

СЕРІЯ ТРЕТЬЯ.

№ 1. **В. Клей. Чахотка, какъ ціальное явленіе.** Перев. съ нѣцкаго съ дополненіями д-ра оцкаго. Ц. 40 к.

№ 2. **Зомбартъ. Вернеръ. ерки по исторіи промышленнаго звитія Германіи.** I. Германія канунѣ экономическаго переота. Переводъ съ рукописи Капелюша. Спб. Ц. 60 к.

№ 3 и 4. **Дж. Гобсонъ. Промы бѣдности и безработицы.** реводъ съ англ. подъ редакціей Зака и С. Франка. Съ прилож. тьи П. Струве о безработи- Ц. 1 р. 50 к.

№ 5. **Дж. Т. Лэддъ. Очеркъ ементарной психологіи.** Перев. съ англ. подъ ред. Б. Кистяковскаго. Ц. 80 к.

№ 6. **С. Кржlinks. Физическая антропологія.** Перев. съ польскаго, при содѣйствіи автора, С. Д. Романько-Романовскаго. Съ рис. Ц. 80 к.

№ 7. **Арчибальдъ. Атмосфера.** Перев. съ англ. подъ ред. В. Герда. Ц. 80 к.

№ 8 и 9. **М. Тихвинскій.** Методъ и система современной химіи. Съ 50 черт. Ц. 2 р.

№ 10 **Ф. Ле-Дантекъ.** Ламаркизмъ и дарвинизмъ. Пер. съ франц. Г. Котляра, подъ ред. проф. Н. Яковлева. Ц. 75 к.

СЕРІЯ ЧЕТВЕРТАЯ:

№ 1 и 2. **Кюльпе, О.** Введеніе философію. Перев. съ нѣм. ъ ред. П. Струве, въ библіогр. ополн. Я. Колубовскаго. Спб. 1 р. 25 к.

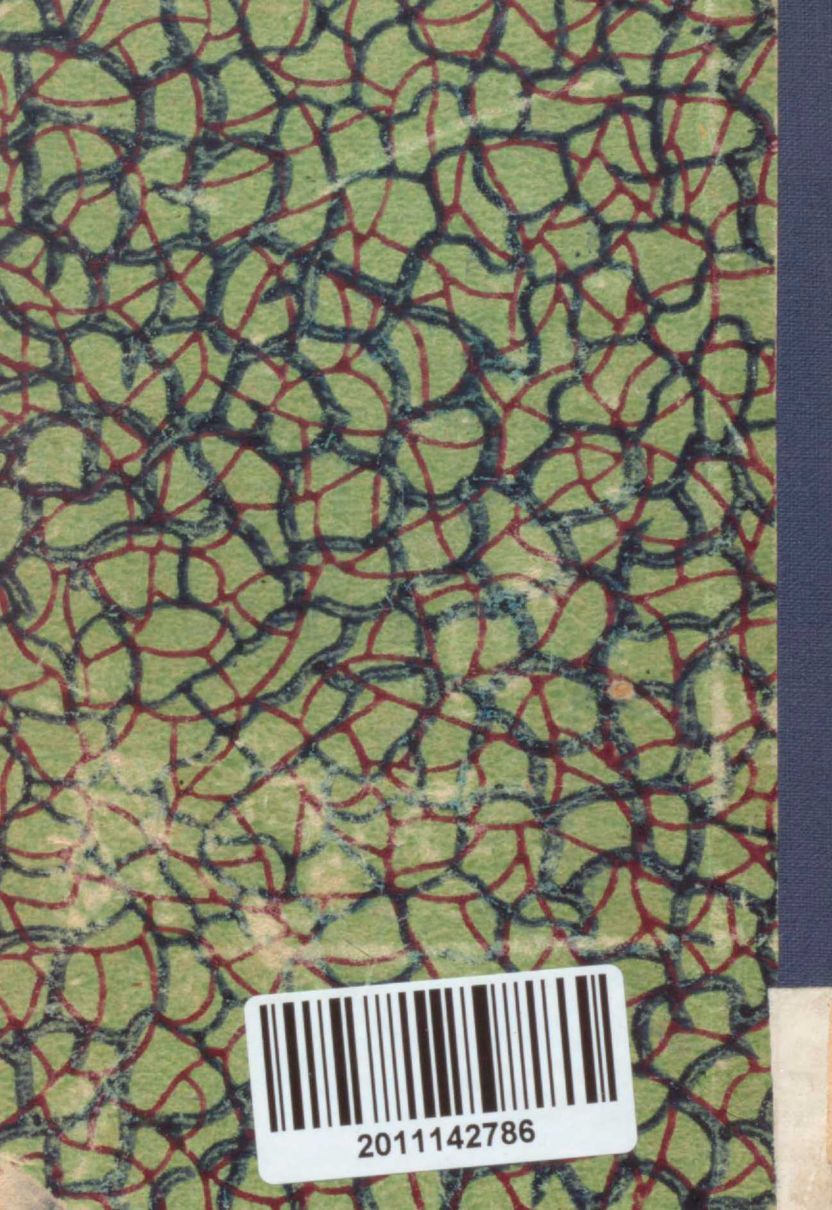
Учеп. Ком. Нар. Пр. **рекоменана** для фундаментальныхъ л. средн. учеб. завед. и въ л. слушательницъ педагог. совъ при женск. гимназіяхъ.

№ 3 и 4. **Лихтенберже, А.** Фифія Ницше. Перев. съ франц. подъ ред. и со вступит. статьей М. Невѣдомскаго. Съ портретомъ Ницше. Спб. Ц. 1 р. 80 к.

№ 5 и 6. **Зомбартъ, Вернеръ. Очерки промышленнаго развитія Германіи.** II. **Проникновеніе промышленнаго капитализма** въ область докапиталическаго ремесла. Ц. 1 р.

№ 7 и 8. **Липпсъ. Основы логики.** Переводъ съ нѣмецк. Н. О. Лосского. Ц. 1 р.

Печатается: Липпсъ. Основные вопросы этики.

2011142786